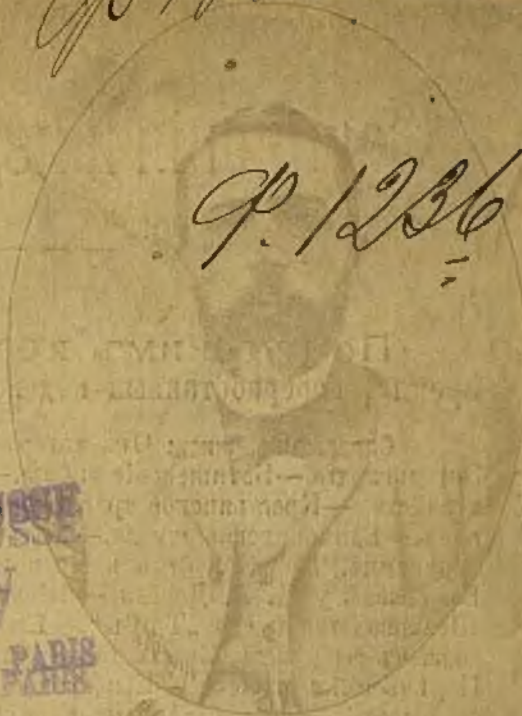
Кл 67/780

ЭБ
1236 фр.
BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUÉNEV
9, Rue du Val-de-Grâce = Paris

Ф. 1236
BIBLIOTHÈQUE RUSSE TOURGUENEV 9, Rue du Val-de-Grâce. PARIS

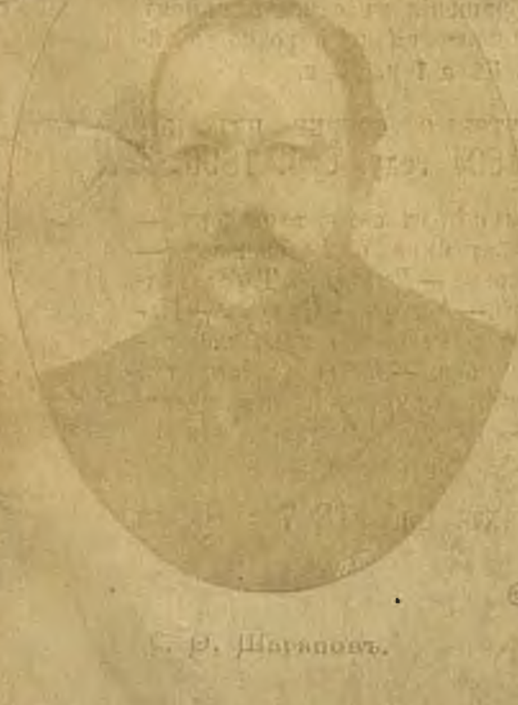


Сущность брака.

[illegible] Н. П. Аксаковымъ, Міряниномъ, В. В. Розановымъ, Рцы (И. Ѳ. Романовымъ), протоіереемъ Александромъ У—скимъ и С. Ѳ. Шараповымъ съ приложеніемъ статьи проф. М. И. Спасскаго.

Собрано, снабжено примѣчаніями и предисловіемъ, проредактировано и издано

Сергѣемъ Шараповымъ.



С. Ѳ. Шараповъ.

1901.

Цѣна 1 р. 50 к.

Сочиненія и изданія С. Ѳ. Шарапова.

По русскимъ хозяйствамъ. (45 путевыхъ писемъ въ „Новое Время“, переработанныя и дополненныя). М. 1894.

Содержаніе книги: Отъ автора.—Нѣсколько словъ о путешествіяхъ по Россіи.—У А. Н. Энгельгардта.—Батищевскіе опыты.—Энгельгардтовская многопольная система.—Европейское хозяйство.—Крестьянское травосѣяніе въ Сычевкахъ.—Клеверъ и водка.—У Н. В. Верещагина.—Едимоновская школа.—Молочная лабораторія и ея задачи.—Корова-барыня и корова-кормилица. Тверской отдѣлъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и его начинанія.—Въ складѣ у М. В. Девеля.—Шелководство Покровской Общины.—Московскій Комитетъ Шелководства и его „Труды“.—На купчей землѣ.—Хозяйство зажиточнаго Смоленца.—Что долженъ-бы дѣлать Крестьянскій Банкъ?—Русская Бельгія.—Село Угодичи и его культура.—Порѣчьскій горошекъ.—Консервное дѣло въ Порѣчьѣ.—Семибратовскій коровій и капустній промыселъ.—Льняное дѣло и его нужды.—У Н. П. Сабанѣева.—Американскій огородъ.—Крестьянская вѣялка.—На плужномъ заводѣ Ганьшина.—Русская Голландія.—У грязовецкихъ льноводовъ.—Троицкіе телятники.—Вязниковское садоводство.—На плантаціи г. Мыльникова.—Германъ Гётце и его заведеніе.—Мочка льна по гётцовскому способу.—Механическая обработка льна.—Разговоръ съ предсѣдателемъ управы.—Грибное царство.—Въ Корниловѣ у гг. Куломзиныхъ.—На фосфоритной мельницѣ.—На фосфоритныхъ залежахъ.—Финансовая сторона фосфоритнаго дѣла.—У Н. Д. Вердеревскаго.—На образцовой пасѣкѣ. Условія раціональнаго пчеловодства.—Кавказскія пчелы.—Медъ и Меды. Цѣна 2 рубля, въ роскошномъ англ. переплетѣ 2 р. 50 к.

По садамъ и огородамъ. Спб. 1895.

Содержаніе брошюры. Поѣздки: въ шампиньонную теплицу Грачева, въ питомники садовода Грелля, на огородъ Жюля Кутана, въ Корочанскій уѣздъ, Курской губерніи, на образцовое садоводство покойнаго Гангардта, въ школьный садъ и огородъ въ с. Поповкѣ и на земскую садоводную и фруктово-консервную станцію въ Корочѣ. Цѣна 30 к.

Пособіе молодымъ хозяевамъ при устройствѣ ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ. Съ приложеніемъ 16 неизданныхъ писемъ А. Н. Энгельгардта къ А. Н. Куломзину. Спб. 1895.

Содержаніе книги: I. Нравственныя условія русскаго хозяйства.—II. Союзъ барина и мужика.—III. Основные законы питанія растеній (краткій курсъ земледѣльческой химіи).—IV. О машинахъ и орудіяхъ.—V. Скотоводство, его цѣли и обстановка.—VI. Нѣсколько словъ объ огородѣ.—VII. Садоводство и условія для его успѣха.—VIII. О зимнихъ работахъ, администраціи имѣнія, о постройкахъ и пр. Заключеніе. Цѣна 1 рубль.

Бумажный рубль. Его теорія и практика. Спб. 1895.

Содержаніе книги: Научные законы бумаго-денежнаго обращенія въ самодержавномъ государствѣ. Большая Казна и ея мѣстные органы. Русская финансовая и народно-хозяйственная программа. Мелкій народный кредитъ. Сельскіе союзы. Цѣна 1 р. 50 к.

По Черноморскому побережью. Путевые очерки изъ поѣздки въ составѣ экспедиціи министра Земледѣлія въ 1894 году. Спб. 1896.

Содержаніе книги: Новороссійскъ и „Нахаловка“.—Наибольшій въ свѣтѣ элеваторъ.—Нѣмецкое дѣло на русской окраинѣ.—Ценайскіе участки.—Кабардинка и Геленджикъ.—Выставка въ Береговой.—Интеллигентная колонія.—Архипъ-Осиповка.—Джубга.—Табаководство и ростовщительство.—Сочи.—У В. А. Хлудова въ Раздольѣ.—Адлеръ.—Сухумъ.—Новый Аѳонъ.—Монастырскія культуры.—Монахи-инженеры.—Въ горахъ на монастырской пасѣкѣ.—Сухумскій ботаническій садъ и станція.—У П. Е. Татаринова.—Русскіе гіацинты. Ф. Ф. Ноева.—По Сухумскимъ садамъ.—Какъ заселялся Сухумскій округъ.—Планъ заселенія Черноморья.—На чайныхъ плантаціяхъ А. А. Соловцова.—Условія землевладѣнія въ Батумскомъ округѣ.—Въ Салибаурѣ у К. С. Попова. Цѣна 1 р.

Кружнымъ путемъ. Романъ въ 5 частяхъ. Спб. 1897 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Кл 67/780

Р. 1236

СУЩНОСТЬ БРАКА.

BIBLIOTHEQUE RUSSE
TOURGUENEV

9, Rue du Val-de-Grâce = Paris

BIBLIOTHEQUE RUSSE
TOURGUENEV
Rue du Val-de-Grâce = Paris

Кл 67/780
BIBLIOTHÈQUE RUSSE TOURGUENEV 9, Rue du Val-de-Grâce. PARIS
1256

Сущность брака.

Обмѣнъ мыслей между **Н. П. Аксаковымъ, „Мірянином‍ъ“, В. В. Розановымъ, „Рцы“** (И. Ѳ. Романовымъ), протоіереемъ **Александромъ У—скимъ** и **С. Ѳ. Шараповымъ**, съ приложеніемъ статьи свящ. **М. И. Спасскаго.**

Собрано, проредактировано и издано

Сергѣемъ Шараповымъ.

Русскій Вѣстникъ
BIBLIOTHÈQUE RUSSE TOURGUENEV 9, Rue du Val-de-Grâce. PARIS

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной. домъ
1901.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE TOURGUENEV 9, Rue du Val-de-Grâce. Paris

Государственная
библиотека
СССР
им. В. И. Ленина
5544-84

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изданіе предпринято въ виду того громаднаго интереса, который возбуждаетъ вопросъ о бракѣ, о физической любви и объ отношеніяхъ мужчины и женщины въ христіанской семьѣ. Въ ученіи Церкви объ этомъ предметѣ существуетъ какъ-бы нѣкоторая недоговоренность. Ни Отцы Церкви, ни позднѣйшіе церковные писатели не выяснили въ достаточной полнотѣ истинно церковнаго взгляда на отношенія половъ въ бракѣ. Твердо установлено, что эти отношенія внѣ брака суть мерзость и тяжкій грѣхъ, не менѣе твердо установлено и благословеніе Церкви, даруемое брачащимся ради дѣла размноженія. Бракъ признанъ таинствомъ и благословленъ, и притомъ благословленъ, конечно, въ полномъ его составѣ. Мало того, бракъ безъ половаго акта, бракъ своей прямой цѣли не достигающій, завѣдомо осуждается Церковью. Отвращеніе отъ законнаго плотскаго сожительства считается грѣхомъ. Осуждается гордыня, проявляемая гнушающимся половаго акта человѣкомъ, коль скоро имъ уже возложены на себя брачныя обязательства.

Съ другой стороны, во взглядѣ Церкви на физическую сторону брака неизмѣнно проглядываетъ только снисхожденіе къ немощи человѣка. Дѣвство, т.-е. добровольный отказъ отъ

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENEV
Val-de-Grâce — Paris

половой жизни, считается подвигомъ, состояніемъ выше брачнаго. Въ самомъ бракѣ физическія отношенія считаются во всякомъ случаѣ чѣмъ-то не совсѣмъ чистымъ, если рекомендуется воздержаніе отъ нихъ при извѣстныхъ условіяхъ (напр. во время говѣнія, въ дни поста и т. д.). Надъ родившею женщиною читается очистительная молитва, имѣющая въ виду, конечно, не самый-же актъ родовъ. Словомъ, невыясненнаго и, какъ я сказалъ, недоговореннаго очень много.

Я не говорю про разнообразныя философскія теоріи брака и половой жизни. Все это, конечно, произвольное и не можетъ ни стать на ряду съ церковнымъ ученіемъ, ни удовлетворить запросу человѣческой души, ищущей истины и не желающей останавливаться передъ недосказаннымъ. Мысль человѣка стремится проникнуть въ тайну своего бытія и уяснить себѣ всю безъ остатка нравственную сторону жизни. Православная мысль стремится къ этому особенно настойчиво, ибо мы болѣе, чѣмъ кто-либо вѣруемъ, что въ нашемъ церковномъ ученіи лежитъ *вся правда*, скрыты всѣ объясненія и указанія. Для насъ, православныхъ, ни къ какому компромиссу не склонныхъ и никакой, даже самомалѣйшей примѣси лжи, или условности въ вѣроученіи не допускающихъ, дѣло идетъ о самой основѣ нашихъ вѣрованій. Церковь должна отвѣтить на *всѣ* вопросы нашей совѣсти. Если у нея не окажется отвѣта по какому нибудь даже частному вопросу, или если потребуется малѣйшая неискренность, или замалчиваніе, вѣрующіе уйдутъ искать объясненія и успокоенія своей совѣсти въ другія ученія.

Сказанное можетъ въ достаточной степени оправдать необходимость настоящаго изданія. Между нѣсколькими лицами, искренно, всѣмъ сердцемъ принадлежащими Церкви, духовными и мірянами, завязался споръ на страницахъ моего покойнаго органа—газеты „Русскій Трудъ.“ Пользуясь широкой свободой, даруемой Церковью вѣрующему сердцу и пытливому уму въ дѣлѣ философскаго и научнаго изслѣдованія, эти лица, взявъ каждое за исходную точку основы провославнаго церковнаго ученія въ Писаніи и Преданіи и стараясь твердо на немъ удержаться, сдѣлали рядъ попытокъ выяснить идею и сущность

христіанскаго брака съ точки зрѣнія Церкви. Споръ, конечно, ничѣмъ не кончился и оппоненты остались каждый при своемъ взглядѣ. Но то, что было высказано въ этомъ обмѣнѣ мыслей, и по своимъ даннымъ, и по своей аргументаціи заслуживаетъ полнаго вниманія. Мы отнюдь не рѣшили вопроса, но мы дали ему широкую постановку, мы собрали много матеріала для его дальнѣйшей разработки.

Я вовсе не хочу этимъ сказать, чтобы наша группа шла въ этой разработкѣ впереди другихъ русскихъ мыслителей и писателей. Гораздо больше нашего дали такіе гиганты творчества и мысли, какъ гр. Левъ Толстой, покойные Достоевскій, Владиміръ Соловьевъ и другіе. Но наши скромныя писанія являются къ ихъ трудамъ посильнымъ дополненіемъ и разъясненіемъ. По настоящему, для полноты нами собранныхъ матеріаловъ и для болѣе широкаго выясненія, вопроса было-бы необходимо въ настоящее изданіе включить хотя-бы въ видѣ справки, сводъ основныхъ положеній названныхъ авторовъ, равно какъ и другихъ, касавшихся христіанскаго брака и его изслѣдовавшихъ. Къ сожалѣнію, сдѣлать это было невозможно, такъ какъ книга разрослась-бы непомѣрно. Кромѣ того, идеи Льва Толстого, Достоевскаго и Вл. Соловьева вошли уже во всеобщее обращеніе и читатель легко ихъ припомнитъ. То-же, что высказывалось нами, было достояніемъ одного лишь сравнительно тѣснаго кружка читателей „Русскаго Труда.“

Принимая на себя сводку и изданіе печатавшагося у меня матеріала, я придерживался такой системы: прослѣдить въ хронологическомъ порядкѣ возникновеніе и развитіе нашего спора, привести полностью и безъ всякихъ измѣненій статьи участвовавшихъ въ обмѣнѣ мыслей авторовъ и снабдить ихъ объединяющими редакторскими примѣчаніями. Конечно, въ этихъ примѣчаніяхъ и разъясненіяхъ я былъ, какъ это у насъ говорится, субъективенъ. Но, во-первыхъ, я спорилъ съ тѣмъ или другимъ авторомъ на глазахъ читателя, а во-вторыхъ, я защищалъ свои личныя, выношеныя и выстраданныя вѣрованія.

Думаю, что, кромѣ пользы, настоящая книга русскому читателю не принесетъ ничего. Она дастъ картину двухъ обнаружив-

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUÉNEV
Val-de-Grâce — Paris

шихся въ этомъ вопросѣ главныхъ теченій и поможетъ ему въ нихъ разобраться, отнюдь не насилуя ни его ума, ни совѣсти. А за нѣкоторыя вольности и щекотливыя мѣста, особенно у г. Розанова, да проститъ великодушный читатель, въ виду полной нашей искренности и высокой цѣли, всѣхъ насъ одинаково одушевлявшей.

Сергѣй Шараповъ.

Москва, ноябрь 1900.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOLSTOÏSKY

I.

Русская общественная мысль по вопросу о бракѣ и половой жизни была рѣзко разбужена появленіемъ „Крейцеровой Сонаты“ гр. Толстого. Въ сущности, это произведеніе не было ни уясненіемъ вопроса, ни даже его серьезной философской постановкой. Великій художникъ силою своего генія зажегъ—и не передъ Россіею только, а передъ цѣлымъ міромъ—гигантскій транспорантъ, на которомъ было изображено „мене текелъ фаресъ“ современной цивилизаціи въ самомъ центральномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самомъ уязвимомъ ея пунктѣ—въ семьѣ. Толстой бросилъ міру вызовъ: „ваша семья—ложь, мерзость, обманъ и притворство.“

Ударъ былъ жестокъ. Всѣ вздрогнули, какъ отъ страшнаго электрическаго разряда, и бросились литографировать, гектографировать, мимеографировать и просто переписывать „Крейцерову Сонату.“ Я досталъ экземпляръ и послалъ его въ Кіевъ моему пріятелю и сотруднику еще по „Русскому Дѣлу“ И. Ѳ. Романову, прося дать статью для „Благовѣста,“ который основалъ въ Петербургѣ Аѳ. В. Васильевъ на смѣну прекратившейся моей газетѣ и въ которомъ первое время я принималъ близкое участіе.

И. Ѳ. Романовъ прислалъ мнѣ большое письмо, которое и было помѣщено въ „Благовѣстѣ“ подъ заглавіемъ „Тексты перепуталъ.“ Авторъ поставилъ на немъ весьма ядовитый эпиграфъ изъ Мольера и далъ полную волю своей безпощадной ироніи.

Любопытно, что это письмо, столь глубоко православное и церковное, не хотѣла пропускать ни духовная, ни свѣтская

цензура. Разрѣшено оно было къ печати лишь благодаря личному ходатайству одного крупнаго государственнаго человѣка и литератора съ широкими взглядами. Вотъ это письмо.

Текстъ перепутался!

(Письмо С. О. Шарапову).

> Sais-tu bien ce que tu as fait? Un syllogisme in Balardo. La majeure en est inepte, la mineure impertinente et la conclusion ridicule.
>
> Molière. *)

Хотѣлось-бы и справедливо было-бы начать письмо съ благодарности за присылку „Крейцеровой Сонаты“, а начну съ выраженія досады за присылку означеннаго произведенія. Право, кажется, лучше было-бы не читать! По крайней мѣрѣ, я не знаю чувства тягостнѣе, какъ то, которое овладѣваетъ человѣкомъ, чувствующимъ свое безсиліе свести къ какому-нибудь единству сумму пробужденныхъ въ его душѣ впечатлѣній... Что сказать о „Крейцеровой Сонатѣ?“ Я предпочелъ-бы ничего не говорить. Пусть остается въ душѣ какой-то неосмысленный туманъ, нѣчто похожее на обрывки воспоминаній прерваннаго сна, притомъ прибавлю: сквернаго сна... Что нужды? Время скоро изгладитъ тягостное впечатлѣніе, туманъ разсѣется и въ смятенной на минуту душѣ водворится желанный покой. Но вы непремѣнно требуете отвѣта, съ безжалостной настойчивостью вы гоните мою мысль въ направленіи, отъ котораго она отвращается... Что-же я скажу?

Когда случается со мною, какъ теперь, что недоумѣвающій умъ тщетно разыскиваетъ точку опоры, на которой-бы ему удержаться и уравновѣситься, я обращаюсь къ „капищу моего сердца“, допрашиваю одного изъ тѣхъ двухъ несравнимыхъ, изъ коихъ каждый mihi pro centum videtur... Не удастся-ли хоть имъ разсѣять недоумѣніе? Не дастъ-ли отвѣта Хомяковъ? Не найдется-ли разрѣшеніе мудреной загадки у Гилярова?

*) Знаешь-ли, что у тебя вышло? Силлогизмъ Балардо, первая его посылка безбожна, вторая нахальна, а заключеніе смѣха достойно. *Мольеръ.*

Какъ разъ у послѣдняго я только-что началъ перерывать свой архивъ—нашлась превосходная статья о графѣ Толстомъ.

Вы помните, я уже какъ-то сообщалъ вамъ свой взглядъ на Толстого, въ его цѣломъ, Толстого-художника и Толстого моралиста, философа, богослова, сапожника, наконецъ, „Графъ Толстой, какъ извѣстно, не только всѣми признанный геніальный художникъ, онъ не только романы пишетъ, но и печи кладетъ, и сапоги шьетъ. Этобы еще не бѣда, но бѣда въ томъ, что, по какому-то странному ослѣпленію, хотятъ, чтобы популярный авторъ считался великимъ во всѣхъ родахъ, не исключая и сапожническаго. Вы восхищаетесь его художественными произведеніями, этого мало, нужно непремѣнно, чтобъ вы преклонились передъ толстовскими сапогами. Станете доказывать, что сапоги его невозможны, противны не только эстетикѣ, но и гигіенѣ, что они жмутъ ногу, препятствуютъ свободному кровообращенію, натираютъ мозоли и проч., что они дурны, невозможны сами по себѣ, безъ малѣйшаго сравненія съ идеальными сапогами г. Пиропе, передъ которыми вы привыкли преклоняться доселѣ... На васъ посмотрятъ, какъ на одержимаго бѣсомъ, станутъ пальцемъ указывать: „смотрите, онъ не признаетъ сапогъ Толстого, а хочетъ критиковать его романъ, или повѣсть, или драму! Развѣ сумасшедшіе критикой занимаются? Далѣе. Васъ, положимъ, не успѣли еще опорочить въ глазахъ публики, вы не высказывались ни за, ни противъ сапогъ Толстого, вы прямо подходите къ его литературному произведенію и по чистой совѣсти произносите свое сужденіе: вотъ это хорошо, отлично, недосягаемо, а это слабовато, вовсе даже дурно... Какъ дурно, зовопятъ Зоплы, развѣ Толстой можетъ писать слабовато или дурно? Да вы видно изъ числа еретиковъ... Говорите лучше прямо: признаете вы сапоги Толстого, или нѣтъ? Ну, такъ и есть, что не признаетъ! Понимаете ли вы, почтеннѣйшая публика, гдѣ схоронена собака? Свою затаенную ненависть къ геніальнымъ сапогамъ онъ вымещаетъ... и проч. и проч. *)

Эту же самую мысль, но съ большею глубиною и ясностью высказываетъ и Н. П. Гиляровъ въ указанной превосходной статьѣ. Вы навѣрно ея не читали, а если и читали, то забыли. Въ томъ и другомъ случаѣ она будетъ имѣть для васъ интересъ новизны. Позвольте привести нѣсколько отрывковъ.

*) „Русск. Дѣло“ 1890 № 2.

...„Одна газета усмотрѣла даже противорѣчіе между похвалами, которыхъ мы находили достойными разсказы, изданные Толстымъ чрезъ фирму Посредникъ, и презрѣніемъ, съ которымъ мы отозвались о діалектикѣ знаменитаго романиста.

„Великій мыслитель всегда-ли есть великій художникъ и, наоборотъ, знаменитый художникъ всегда-ли есть великій философъ? Къ несчастію, Гете былъ только одинъ въ исторіи; да и о немъ подлежитъ еще изслѣдованію вопросъ: его художественнымъ твореніямъ не вредитъ-ли до извѣстной степени дидактическій, вообще философскій элементъ, которымъ они иногда проникнуты? Не такъ разсуждаетъ толпа, особенно наша, русская. Толстой—великій романистъ; его пластическій талантъ дѣйствительно колоссаленъ. Для толпы этого достаточно: она готова усмотрѣть чуть не геніальность и въ диссертаціи романиста, какъ ни мало въ ней ученаго достоинства и какъ ни слабо въ ней мышленіе. Съ Толстымъ это и случилось: разглагольствіями своими о философскихъ и богословскихъ матеріяхъ онъ собираетъ проценты со своей славы романиста. Представимъ, что на его комментаріяхъ къ Евангелію, на его Исповѣди, на его Какъ намъ жить не стояло бы Л. Н. Толстой,—какимъ гомерическимъ хохотомъ встрѣтила-бы тѣ-же самыя произведенія та-же самая толпа, которая теперь признаетъ въ нихъ нѣчто даже великое. Но это „великое" даже серіозной критики недостойно, и мы истинно соболѣзнуемъ о почтенномъ профессорѣ Гусевѣ, что онъ посвятилъ себя на ученый разборъ толстовскихъ мнѣній, доводя добродушіе свое до того, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ толстовскаго ученія находитъ заимствованіе у предшествовавшихъ философовъ, умышленно-де, но несправедливо выдаваемое Толстымъ за свое. Комизмъ этого предположенія заключается въ томъ, что въ Толстомъ критикъ предполагаетъ дѣйствительнаго ученаго, который выступилъ не ранѣе, какъ изучивъ движеніе мысли въ человѣчествѣ, совершенное умами предшествовавшихъ поколѣній. Это напраслина: напротивъ, какъ мы выразились нѣкогда, Толстой до всего „своимъ умомъ" дошелъ. Въ этомъ и вся сущность. Говоритъ-ли Толстой въ Войнѣ и Мирѣ „всѣ историки", утверждаетъ-ли въ своемъ изъясненіи Евангелія „всѣ толкователи",—это есть реторическая фраза. Хотя-бы на малость обладающій эрудиціею человѣкъ не можетъ не видѣть, что новый философъ-историкъ и библейскій экзегетъ историковъ и толкователей

не читалъ, точно такъ-же, какъ не вѣдаетъ по-гречески (хотя и обращается къ греческому тексту), ограничивая свое знаніе справкою съ лексикономъ! *).

„Толстой великій художникъ; скажемъ даже величайшій (изъ современныхъ писателей онъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ своею пластикою), но никуда негодный мыслитель. Его достоинство и его несчастіе—избытокъ творчества. Оно оказываетъ ему услугу въ замыслѣ художественныхъ произведеній, въ вымыслѣ; но оно-же низвергаетъ его, когда онъ начинаетъ разсуждать отвлеченно. Здѣсь овладѣваетъ имъ, какъ выразились мы, „женская логика", то-есть движеніе мысли не по ея собственнымъ законамъ, а по страсти: мысли чередуются, влекомыя воображеніемъ, водимыя не понятіями, а образами: пріемъ естественный художнику, но противоестественный для философа. Неугомонная творческая природа не соглашается ничего заимствовать, ничему поучиться, противъ всего чужаго протестуетъ, ищетъ создать свое, особое. Въ примѣненіи къ тому, надъ чемъ не безплодно работало человѣчество, такая затѣя оказывается, разумѣется, жалкою. Повѣрятъ ли читатели, а это фактъ: Левъ Николаевичъ нѣсколько недѣль, а то и мѣсяцевъ носился съ мнѣніемъ, что Коперникова система—вздоръ. Какимъ чудомъ случилось, но нѣкоторые изъ друзей успѣли урезонить его: а не то публика, вѣроятно, осчастливлена была-бы и по Астрономіи такими-же открытіями Льва Николаевича, какими онъ подарилъ по Богословію, Политической Экономіи и наукѣ Права. Нашлись-бы, вѣроятно, и послѣдователи въ силу того-же умозаключенія (несознаваемаго): вѣдь это великій писатель, слѣдовательно... Впрочемъ, было-бы и полезно, когда-бы друзья не остановили астрономическихъ полетовъ романиста; пришлибы многіе и къ другому, болѣе основательному умозаключенію: „а пожалуй и евангелистовъ Левъ Николаевичъ поправляетъ по тому-же методу, какъ Коперника съ Ньютономъ и Кеплеромъ, и богословскія открытія его того-же достоинства, что и астрономическія"...

„Итакъ, надѣемся, нѣтъ противорѣчія, когда мы восторгаемся разсказами Толстого и смѣемся надъ его смѣлостью философствовать и богословствовать"...

*) Здѣсь покойный Гиляровъ повидимому неправъ: въ письмахъ къ Фету Толстой пишетъ: *Отъ 2-го окт. 70 г.* „Я съ утра до ночи учусь по-гречески. Я ничего не пишу, я только учусь. Я прочелъ Ксенофонта и теперь à livre ouvert читаю его". *Отъ 18-го іюля 71 г.* „Читаю Геродота". *Прим. изд.*

Вотъ взглядъ—единственно, по моему, правильный—или точнѣе, сказать, мѣрило, съ которымъ я приступилъ къ чтенію присланнаго вами списка „Крейцеровой Сонаты“ Толстого. Выдѣлите изъ произведенія часть художественную и восторгайтесь, она навѣрное этого стоитъ; отбросьте часть резонерскую, какъ негодный балластъ, ничего лучшаго, кромѣ смѣха или негодованія, незаслуживающій, и затѣмъ подводите итоги! Что-же оказалось на дѣлѣ?

На дѣлѣ случилось то, чему я именно обязанъ невыносимо-тягостнымъ недоумѣніемъ, о которомъ говорилъ выше. Двойственная, классически двойственная точка зрѣнія въ данномъ случаѣ оказалась непригодною. Впечатлѣнія дробились безконечно, и то единство, которое одно даетъ желанное успокоеніе душѣ и заслуженную награду добросовѣстно изслѣдующему уму, роковымъ образомъ ускользало отъ меня.

И прежде всего, что такое „Крейцерова Соната“: произведеніе художественное на дидактической подкладкѣ, или исключительно резонерское, „учительное“, какъ нѣкоторые выражаются объ умствованіяхъ гр. Толстого? Добрыя двѣ трети „Крейцеровой Сонаты“, какъ вы знаете, наполнены исключительно разглагольствіями героя разсказа Позднышева, устами котораго, очевидно, проповѣдуетъ самъ гр. Толстой. Гигіена, мораль, педагогія, медицина—вы услышите отъ него всего по немножку. Есть ссылка и на Мальтуса, есть что-то про буддистовъ, словомъ какъ въ любомъ бульварномъ фельетонѣ: не очень основательно, не очень глубоко, не безъ противорѣчій то тамъ, то сямъ, не безъ софизмовъ и даже грубыхъ, не безъ специфической, свойственной „женской логикѣ“ графа аргументаціи; но за всѣмъ тѣмъ, оставивъ въ сторонѣ попадающіеся софизмы, недомолвки, пересолы, нельзя не признать, что часть резонерская „Крейцеровой Сонаты“, отдѣльно взятая, представляетъ едва-ли не лучшую страничку философскихъ упражненій нашего знаменитаго романиста. Попадаются психологическія наблюденія очень тонкія. Есть нѣсколько искреннихъ нотъ въ негодованіи Позднышева противъ загрязненія существа, противъ извращенія смысла высокаго христіанскаго таинства, именуемаго бракомъ. Можно пожалуй признать за натяжку увѣренія Позднышева, что у девяти десятыхъ брачащихся вся идеальная, духовная, мистическая сторона брака въ какомъ-то скотскомъ ожесточеніи безцере-

можно выброшена за бортъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что утрата вѣры и вызванное этой утратой разнузданіе низменныхъ матеріалистическихъ инстинктовъ, всегда гнѣздящихся въ подпольѣ человѣческой души, неминуемо должно было повести къ загрязненію существа, къ извращенію высокаго смысла брака. Не худо напоминать объ этомъ обществу, у котораго пламень вѣры затухаетъ, а люкъ въ грязное подполье души человѣческой раскрывается все ниже и ниже... Есть, наконецъ, скажу прямо, — въ длинномъ монологѣ Позднышева мысли до такой степени здравыя, что ихъ хоть сейчасъ въ прописи помѣщай. Кто, напримѣръ, сталъ бы возражать, что жить „какъ живутъ всѣ такъ называемые порядочные люди нашего круга, т. е. развратно“,—нехорошо? Для кого покажется сомнительнымъ, чтобы подвигъ дѣвственника или дѣвственницы, отказывающихся ради вящаго духовнаго самоусовершенствованія отъ радостей брачнаго сожительства, не былъ достоинъ всяческой похвалы и подражанія? Кто не будетъ вмѣстѣ съ Толстымъ негодовать на „мерзавцевъ докторовъ“, научающихъ женщинъ искусству не рожать дѣтей? Кто не приметъ къ руководству или, по крайней мѣрѣ, къ свѣдѣнію его превосходныхъ гигіеническихъ совѣтовъ относительно воздержанія въ пищѣ, раціональныхъ физическихъ упражненій и проч.

Итакъ, „Крейцерова Соната“, по крайней мѣрѣ въ первой, большей ея части, въ части резоперской, если исключить изъ нея кое-что не очень существенное, является произведеніемъ весьма здравымъ, благонамѣреннымъ, ничуть не противорѣчащимъ началамъ истины, добра? „Крейцерова Соната“ указываетъ на упадокъ вѣры, нравовъ, загрязненіе идеаловъ: она бичуетъ порокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ призываетъ заблудшихся къ покаянію, очищенію, къ разысканію утраченной вѣры, затерянныхъ идеаловъ?.. Такъ? Вмѣсто отвѣта, вы, конечно, только улыбнетесь, а когда такъ, значитъ центръ тяжести „Крейцеровой Сонаты“ не здѣсь, не въ началѣ произведенія. Поищемъ его въ концѣ!

Художественному вымыслу отведено Гр. Толстымъ мѣсто собственно на послѣднихъ страницахъ разсказа. Драма начинается съ главы XXI, съ момента, когда на сцену является музыкантъ Трухачевскій, на долю котораго, по волѣ автора и достается незавидная роль послужить ближайшею причиною роковой развязки. Я сказалъ сейчасъ: „драма начинается“.—Я ошибся. Оговорюсь. Художествен-

ное произведеніе, озаглавленное „Крейцерова Соната“, если исключить изъ нея часть резонерскую, къ которой мы больше возвращаться не будемъ, есть, по моему, фрагментъ драмы, въ которой уцѣлѣло только одно послѣднее заключительное дѣйствіе. Позднышевъ убиваетъ свою жену. Занавѣсъ. Вотъ содержаніе этого уцѣлѣвшаго дѣйствія. Написано оно такъ, какъ можетъ писать только Толстой или равный ему. Здѣсь стушевывается грань между вымысломъ и дѣйствительностью. Больно, физически больно читать или вѣрнѣе переживать этотъ отрывокъ. Если задача художественнаго произведенія ограничивается возможно совершеннымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, то далѣе идти уже некуда. Это не протоколъ. Это привлеченіе читателя къ дѣлу въ качествѣ—свидѣтеля очевидца... Конечно, можно и не соглашаться съ тѣмъ, чтобы ничего болѣе, кромѣ такого страшнаго реализма, отъ художественнаго произведенія не требовалось, но это другой вопросъ. Вѣрно то, что отрывокъ драмы, находящейся у насъ передъ глазами, написанъ рукою первокласснаго мастера. Какова же должна быть вся драма, судя по одному уцѣлѣвшему дѣйствію! Но драмы нѣтъ. Она утрачена. Есть пересказъ первыхъ дѣйствій. Нѣкто Позднышевъ женился и жилъ съ женою своею, какъ всѣ находящіеся въ супружествѣ живутъ. Вотъ содержаніе утраченныхъ дѣйствій драмы. Драма есть своего рода силлогизмъ, развиваемый въ лицахъ и дѣйствіяхъ. Позднышевъ женился и жилъ, какъ всѣ живутъ, ergo онъ долженъ былъ убить свою жену. И онъ убиваетъ ее, что и требовалось доказать.

Вѣрно ли? Правда ли, что всѣ, находящіеся въ супружествѣ, роковымъ образомъ поставлены въ необходимость убивать своихъ женъ или своихъ мужей? Позднышевъ приревновалъ свою жену и убилъ ее. Есть ли, однако, ревность необходимое сопутствіе всякаго брака? Во всякомъ случаѣ, хотѣлъ-ли Толстой своею „Крейцеровою Сонатою“ только повторить шекспировскаго Отелло, пусть въ распространительномъ смыслѣ, утверждая, что каждый мужъ долженъ быть непремѣнно Отелло? Ничего болѣе новаго онъ не имѣлъ въ виду сказать? О, нѣтъ! Для этого не стоило бы писать „Крейцеровой Сонаты!“ Оскорбленіемъ было бы для Толстого предположеніе, что онъ зады способенъ повторять. О, нѣтъ! у него непремѣнно есть своя точка зрѣнія. Онъ намѣренъ возвѣстить всему міру непремѣнно новое, неслыханное еще слово...

Что-же это за *новое* слово?

„Любовь есть нѣчто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспомнить мерзко и стыдно. Вѣдь не даромъ-же природа сдѣлала то, что это мерзко и стыдно. А если мерзко и стыдно, то такъ и надо понимать... Я удивлялся, откуда бралось наше озлобленіе другъ къ другу, а дѣло было совершенно ясно. *Озлобленіе это было ничто иное, какъ протестъ человѣческой природы противъ животнаго, которое подавляло его*". Это была взаимная ненависть соучастниковъ преступленія, поясняетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, того ужаснаго преступленія, той великой лжи, которая именуется „бракомъ" и сущность котораго есть не иное что, какъ осквернепіе человѣческаго существа.

Вотъ, по моему, сущность идеи, положенной въ основу „*Крейцеровой Сонаты*". Согласимся на минуту стать безъ протеста на точку зрѣнія Толстого Любовь есть нѣчто мерзкое и свиное. Эта, такъ называемая, любовь порождаетъ злобу, злоба эта, специфическая, такъ сказать, любовная злоба—убійство... Но, позвольте! У Толстого-же мы находимъ совсѣмъ другое. „Я не замѣчалъ тогда, что періоды злобы возникали совершенно правильно и равномѣрно, соотвѣтственно періодамъ того, что мы называемъ любовью. Періодъ любви—періодъ злобы; энергическій періодъ любви—длинный періодъ злобы; болѣе слабое проявленіе любви—короткій срокъ злобы! Тогда мы не понимали, что эта любовь и злоба были то-же самое животное чувство, только съ разныхъ концовъ". Ну и прекрасно, но гдѣ-же, спрошу я, драма? Жили себѣ поживали Позднышевъ съ женою, день любились, день злились, вотъ и все. Не даромъ-же говорятъ: милые бранятся, только тѣшатся. Зачѣмъ только сгущать краски, къ чему это трагическое рычаніе на мотивы, въ которыхъ ничего трагическаго не слышится? Убійство Позднышевымъ жены потрясаетъ насъ, но потрясаетъ насъ и пушечный выстрѣлъ, пущенный по воробьямъ... Не слышится-ли въ художественномъ произведеніи эстетическая фальшь? Не съѣхала-ли потрясающая драма на неудавшуюся мелодраму?

Если-бы была у Толстого охота порыться въ судебно-медицинской литературѣ, то онъ могъ-бы найти тамъ достаточный фактическій матеріалъ для доказательства того, что необузданный развратъ дѣйствительно приводитъ къ убійству; что сладострастіе на послѣднихъ

BIBLIOTHÈQUE RUSSE

ступеняхъ неистовства, дѣйствительно, пробуждаетъ въ озвѣрѣвшей душѣ жажду „кровушки"; что извѣстно не мало случаевъ, когда рука, только-что ласкавшая жертву, тянется къ горлу, чтобы придушить ее, и что поцѣлуемъ сладострастія не разъ запечатлѣвалась мучительная насильственная смерть... Получилась бы драма, пусть исключительная, психопатологическая, но все-таки драма, а у Толстого драмы нѣтъ, нѣтъ той роковой необходимости, которая-бы неизбѣжно заставляла героя разсказа поступить такъ, а не иначе. Посылки у него не вяжутся съ заключеніемъ, и убійство Позднышевымъ жены ничего, по моему, не доказываетъ.

И вотъ, мы опять стоимъ въ недоумѣніи предъ „Крейцеровой Сонатой". Что это за произведеніе? Какой въ немъ смыслъ? Гдѣ искать le fin mot de la chose?

Если они не въ резонерской части произведенія и не въ художественной, то не слѣдуетъ-ли искать разгадки въ евангельскомъ текстѣ, выставленномъ авторомъ въ видѣ эпиграфа въ началѣ разсказа? „А я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ". (Мо. V, 28).

Прежде всего, какимъ образомъ указанный текстъ вяжется съ толстовскою притчею? На какую женщину заглядывался Позднышевъ съ вожделѣніемъ? Онъ, да жена, да музыкантъ Трухачевскій, выдергиваемый за ниточку въ нужную минуту въ качествѣ deus'a ex machina,—другихъ лицъ въ притчѣ нѣтъ. Но, видите-ли, слова евангельскаго текста, по глубокомысленному комментарію Позднышева, и относятся къ „своей женѣ". „Я тогда не понималъ того, что слова евангелія о томъ, что смотрящій на женщину съ вожделѣніемъ уже прелюбодѣйствовалъ съ нею, относятся не къ однѣмъ чужимъ женамъ, а именно и главное, къ своей женѣ". Вотъ удивительное открытіе! Не подобаетъ мнѣ смотрѣть на свою жену съ вожделѣніемъ... Но не только смотрѣть, но и болѣе того, позволительно мнѣ именно потому, что она мнѣ жена, а если нѣтъ, если не позволительно мнѣ смотрѣть на жену свою съ вожделѣніемъ и болѣе того, то какая же она мнѣ *жена?* Она, значитъ, для меня просто женщина, какъ всякая другая, но не жена, Кажется, это ясно?

Есть заповѣдь; гласитъ она: Не укради! Сотни и тысячи лѣтъ человѣчество отлично понимаетъ ея смыслъ: Не бери чужого добра!

Является реформаторъ-самодуръ, во вкусѣ Позднышева, и провозглашаетъ новую истину: все-де человѣчество ошибалось доселѣ! Не укради, значитъ: не тронь, главнымъ образомъ и прежде всего, собственнаго своего добра... Удивительно умно! А аналогія, согласитесь, вѣрна до полнаго тождества: не смотри на жену свою съ вожделѣніемъ, не присвоивай своей собственности... Нелѣпость, чудовищная нелѣпость! А вотъ, подите же! Есть смыслъ и въ этой безсмыслицѣ, только тутъ „женская логика“ проповѣдника немного подшутила надъ бѣднымъ читателемъ, обреченнымъ разыскивать le fin mot de la chose въ „Крейцеровой Сонатѣ“.

Скажите такъ: собственность есть зло, преступленіе. Развивайте эту тему, а въ началѣ выставьте эпиграфомъ: Не укради! Все-таки нѣкое подобіе смысла получится, хотя для всякаго очевидно, что проще, и естественнѣе и понятнѣе оставить въ покоѣ Моисеевы скрижали и выставить эпиграфомъ къ сочиненію, отрицающему собственность. Прудоновскіе „la propriété c'est le vol“.

Такъ и тутъ. То, что называется супружескою любовью, есть нѣчто мерзкое, свиное, про которое вспомнить и мерзко и стыдно... Бракъ, семья—все ложь, ложь, ложь!.. Прекрасно. Эту мысль для пущаго соблазна требуется яко-бы подкрѣпить текстами, выдранными изъ священнаго Писанія? Что-же? Ну, и выдирайте именно тѣ тексты, которые, хотя по видимости оправдываютъ вашу доктрину, къ чему затемнять дѣло? Тема, разработанная толстовскою притчею, не нова. Пути уже давно проложены, и мнимоподходящіе тексты не вчера подобраны протестующими вмѣстѣ съ Толстымъ противъ животнаго, подавляющаго человѣка...

„Дамъ имъ въ домѣ Моемъ и въ оградѣ Моей мѣсто именито, лучшее отъ сыновъ и дщерей, имя вѣчно дамъ имъ и не оскудѣетъ“. „Сіи суть, иже съ женами не осквернишася, зане дѣвственницы суть: сіи послѣдуютъ Агнцу, аможе аще пойдетъ: сіи суть куплены отъ людей, первенцы Богу и Агнцу“.

„Суть-бо скопцы, иже изъ чрева матерня родишася тако; и суть скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ; и суть скопцы, иже исказиша сами себе, царствія ради небеснаго“... Догадываетесь вы *чья* доктрина якобы подпирается приведенными текстами? Догадываетесь, *чью* философію повторяетъ графъ Толстой, *кому* онъ въ трога-

тельномъ единомыслін подаетъ руку? — „Батюшкѣ-искупителю“ — Андрею Селиванову, онъ же—Христосъ и императоръ Петръ III! Толстой проповѣдникъ и апологетъ скопчества?...

Онъ долженъ былъ, неминуемо долженъ былъ и до этого дойти. „Протестъ человѣческой природы противъ животнаго которое его подавляетъ“—это и есть путь духоборчества, крайнее выраженіе котораго есть скопчество. Зараженный непомѣрной гордынею духъ человѣческій начинаетъ сперва съ отрицанія внѣшняго: Церкви въ ея видимыхъ, чувственныхъ проявленіяхъ, государства, дающаго плоть соціальной душѣ человѣчества, наконецъ, самыхъ дорогихъ, самыхъ высокихъ воплощеній того-же мятежнаго духа: поэзіи, художества и проч. И все равно, чѣмъ бы ни прикрывалось отрицаніе: картиною-ли все плѣнившаго антихриста, или мнимою убѣдительностью раціонализма. Цѣль одна и источникъ одинъ, только пути разные... Покончивъ съ внѣшнимъ, движимый гордынею духъ человѣческій обращается къ собственной внѣшности, къ собственной плоти и здѣсь опять находитъ достойный объектъ отрицанія, разрушенія... „мерзкое“, „свиное“, „животное“... Откровенные скопцы съ похвальной честностью и проповѣдуютъ: „Есть въ человѣкѣ такая боль грѣха, которую нельзя вылѣчить ничѣмъ, кромѣ вырѣзанія или выжиганія“... Но лицемѣръ Толстой этого не скажетъ, тѣмъ болѣе не сдѣлаетъ... Можно теоретически отвергать собственность, а на дѣлѣ благопріобрѣтенное и родовое, по примѣру злостныхъ банкротовъ, перевести на жену... Можно теоретически отрицать медицину, искренно возмущаться „мерзавцами-докторами“, а въ случаѣ нужды охотно прибѣгать къ ихъ услугамъ. „Женская логика“ все допускаетъ!“

Знаете до чего *долженъ*-бы дойти Толстой, будь онъ логиченъ—и не по женской логикѣ—до конца?

Въ одномъ мѣстѣ „Крейцеровой Сонаты“ говорится: „Вы говорите естественно?“ (рѣчь идетъ о такъ называемой любви). „Естественно ѣсть. И ѣсть радостно, легко, пріятно и не стыдно...“ Да? Будто бы? Ну, а *в...ть* послѣ ѣды, естественно, радостно, не стыдно? Нѣтъ-съ, ужъ если послѣдовательность, такъ послѣдовательность до конца: если вамъ угодно идти подъ знаменемъ „протеста человѣческой природы противъ животнаго, которое его подавляетъ“, такъ не угодно-ли не ѣсть, ибо ѣсть, а потомъ неизбѣжно в..ть—и

мерзко, и стыдно, противоестественно съ точки зрѣнія безплотнаго духа. Будете яко бози, только не оскверняйтесь съ женами, не ѣшьте, протестуйте, боритесь противъ плоти, противъ „животнаго, подавляющаго человѣческую природу...“

Но только ѣсть Толстой не перестанетъ... Психологически это такъ понятно. Не острый ножъ фанатика-скопца, такъ годы свое дѣло сдѣлали. Потребность исчезла, и о радость! Завѣса спала съ глазъ: онъ понялъ, наконецъ, онъ прозрѣлъ! Теперь, только теперь онъ почувствовалъ нестерпимый гнетъ животнаго, подавляющаго человѣка, а раньше? двадцать, тридцать лѣтъ назадъ? Онъ охотно мирился и съ „этимъ“, какъ мирится сейчасъ съ брашнами и питіемъ и оскорбительною властью брюха надъ духомъ...

Я кончилъ. Удалось-ли мнѣ вылущить изъ „Крейцеровой Сонаты“ le fin mot de la chose“ — судите сами. Скажу въ заключеніе, что новое слово графа Толстого не заслуживаетъ, по моему, ни малѣйшаго предпочтенія передъ старымъ словомъ господъ скопцовъ. Дерзну сказать болѣе: сравнивая автора „Крейцеровой Сонаты“ съ приверженцами культа „царской печати“, я, пожалуй, готовъ склониться на сторону послѣдователей Андрея Селиванова. Да! тѣ несомнѣнно и умнѣе, и послѣдовательнѣе, и великодушнѣе, и откровеннѣе, и начитаннѣе.

Они умнѣе потому, что отлично понимаютъ, что однимъ пустословіемъ нельзя искоренить въ человѣчествѣ одну изъ могущественнѣйшихъ и трудно поборимыхъ страстей.

Они послѣдовательнѣе, ибо слово у нихъ не расходится съ дѣломъ, какъ у Тартюфа изъ Ясной Поляны.

Они великодушнѣе, такъ какъ не женъ своихъ неповинныхъ рѣжутъ, а корень предполагаемаго ими грѣха рѣжутъ.

Они откровеннѣе, ибо не затемняютъ дѣла мнимо-философскими разглагольствіями, а безъ обиняковъ говорятъ: „рѣжь!“

Они начитаннѣе, ибо безъ ошибки выбрали подходящіе для себя тексты изъ священнаго писанія, а Толстой и тексты перепуталъ...

Вы не согласны?

II.

Вскорѣ затѣмъ я получилъ отъ свящ. М. И. Спасскаго (псевдонимъ) рукопись, озаглавленную „Левъ Толстой и христіанскій бракъ.“ Это была бесѣда въ кружкѣ интеллигентной молодежи одного изъ нашихъ губернскихъ городовъ. Ѳ. В. Васильевъ охотно соглашался эту бесѣду напечатать въ „Благовѣстѣ,“ но по независящимъ обстоятельствамъ этого сдѣлать было нельзя. Рукопись обошла нѣсколько газетныхъ и журнальныхъ редакцій самыхъ разнообразныхъ направленій и нигдѣ принята не была. Только получивъ разрѣшеніе на основаніе „Русскаго Труда“ я могъ эту замѣчательную бесѣду пустить на свѣтъ Божій. Она была напечатана въ сборникѣ, вышедшемъ въ видѣ особаго приложенія къ № 1 за 1898 годъ.

Левъ Толстой и христіанскій бракъ.

(Внѣцерковное собесѣдованіе **свящ. М. И. Спасскаго**).

Друзья мои!

Среди враждебныхъ силъ, возстающихъ на Церковь и ея ученіе, наиболѣе опустошающе дѣйствуетъ не простое отрицаніе истинъ евангельскихъ, вѣры и христіанской нравственности, а ихъ горделивое, суемудренное извращеніе. Если этому извращенію служитъ особенно сильный и пытливый умъ человѣческій, особенно страстная натура, преисполненная самомнѣнія и фанатизма, зло выходитъ большее. Но ежели извращеніе божественнаго ученія сопровождается великимъ художественнымъ талантомъ, прямо открывающимъ доступъ неправдѣ въ сердца воспріимчивыхъ простецовъ, получается страшное по своей силѣ и размѣрамъ зрѣлище.

Произведеніе, о которомъ я предполагаю побесѣдовать съ вами здѣсь, далеко не простое литературное произведеніе. Это настоящая

проповѣдь, внѣцерковная и противуцерковная, болѣе того,—это открытая война, объявляемая Церкви. Безсильна противъ нея наша слабая критика, безсильна потому, что охватывающая сердце, опьяняющая разумъ сила художественнаго дарованія дѣйствуетъ непосредственно на чувство, и полонившое чувство не внимаетъ и не хочетъ внимать логическимъ доводамъ разума.

Я говорю о произведеніи графа Льва Толстого, озаглавленномъ „Крейцерова Соната“, нынѣ появившемся открыто въ печати, но еще ранѣе, несмотря на цензурное запрещеніе, а скорѣе вслѣдствіе его, словно степной пожаръ, пронесшемся по всей Россіи и безконечно смутившемъ всѣхъ. Даже въ дальнихъ уѣздныхъ захолустьяхъ чуть не всѣ, принадлежащіе къ такъ называемому обществу, сочли своимъ долгомъ достать иногда съ большими трудностями и прочесть это произведеніе. Его читали люди вообще ничего не читающіе, его пожилые отцы давали читать своимъ женамъ и невиннымъ дѣвушкамъ-дочерямъ, которымъ не даютъ и болѣе скромныхъ, болѣе прикрытыхъ приличіемъ романовъ. Слышится всеобщее мнѣніе о „Крейцеровой Сонатѣ“, какъ о высоко-нравственномъ, учительнаго характера произведеніи, бичующемъ безпощадно одну изъ главнѣйшихъ язвъ нашихъ—плотскій развратъ. Хотя великій писатель и явно отвергъ дорогое и святое для насъ ученіе Церкви, хотя открыто глумится надъ таинствомъ брака, но его ученіе тѣмъ не менѣе признано нравственнымъ и высокимъ, а его изслѣдованіе и обличеніе—глубокимъ и правдивымъ. Наконецъ, какъ мы знаемъ, впечатлѣніе на молодежь произведено графомъ Толстымъ столь глубокое, что между юношами, доселѣ не гнушавшимися разврата, стали возникать кружки съ высоконравственными цѣлями хранить физическую чистоту, по крайней мѣрѣ, до брака.

Невольно напрашивается такая аналогія.

Ученикъ, ушедшій отъ Павла, именемъ славнаго апостола изгонялъ бѣсовъ, и бѣсы, хотя и обличали самозванца, что онъ не Павелъ, но все же повиновались и исходили. Не тотъ ли же случай имѣемъ мы и здѣсь?

Если вдуматься въ произведенное „Крейцеровою Сонатою“ впечатлѣніе, съ этимъ нельзя не согласиться. Иначе не могло и быть. Вся христіанская этика дана ученіемъ Божественнаго Искупителя, и нравственныя начала, проповѣдуемыя Церковью, столь всеобъемлющи

и высоки, что не только свѣтятъ людямъ второе тысячелѣтіе, не только никогда не встрѣчали ничего, даже близко подобнаго имъ по глубинѣ, величавой простотѣ, всеобъемлемости и божественности своей, но и сейчасъ, какъ и во времена земной жизни Христа, столь-же вѣрно указываютъ путь человѣку и свѣтятъ, какъ понятный сердцу и ясный разуму идеалъ. Весь объемъ нравственныхъ свойствъ человѣка охваченъ немногими, сравнительно, рѣченіями Христа, и нѣтъ того подвига добродѣтели, любви и самоотреченія, къ которому бывалъ когда-либо способенъ отдѣльный человѣкъ, нѣтъ того случая въ душевной жизни людей, который выходилъ бы изъ предѣловъ евангельскаго ученія, не былъ-бы имъ предусмотрѣнъ и опредѣленъ. Откуда-же взяться какой-то иной нравственности внѣ Христова ученія, хранимаго Церковью? Да Толстой и не утверждаетъ этого. Онъ также исходитъ изъ ученія Христа, но лишь претендуетъ на лучшее его пониманіе и толкованіе, чѣмъ это дѣлаетъ Церковь, отъ коей онъ отрицается.

Если мы съ этой стороны взглянемъ на проповѣдь графа Льва Толстого въ „Крейцеровой Сонатѣ“, намъ не можетъ не стать тотчасъ-же яснымъ, что настолько именно и сильна, и дѣйственна эта проповѣдь, насколько согласуется она съ истинно-евангельскою нравственностію. И наоборотъ: тамъ, гдѣ самомнѣніе и буйствующій разумъ увлекаютъ автора въ произвольныя и противныя Христову ученію предположенія, тамъ сама собою обличается слабость Толстого, и даже охваченная силою художественнаго таланта душа читателя протестуетъ и чувствуетъ ложь и нездоровыя, противныя природѣ заключенія.

Наилучшимъ подтвержденіемъ можетъ послужить сравненіе послѣднихъ, предшествовавшихъ „Крейцеровой Сонатѣ“ художественныхъ и учительныхъ писаній графа Льва Толстого съ этимъ послѣднимъ его произведеніемъ, въ смыслѣ воздѣйствія ихъ на читателей. Въ то время, какъ „Смерть Ивана Ильича“ и „Власть тьмы“ произвели глубокое, потрясающее впечатлѣніе; его „Исповѣдь“, богохульное псевдо-евангеліе и трактатъ „Въ чемъ моя вѣра“ произвели одно лишь недоумѣніе. Не безъ глубокаго значенія то обстоятельство, что единодушный голосъ всей Россіи потребовалъ отъ графа Толстого художественныхъ, а не учительныхъ произведеній.

Сила воздѣйствія графа Толстого на умы и сердца читателей кроется, какъ я уже сказалъ, прежде всего въ его великомъ художественномъ дарованіи. Но художественное дарованіе подразумѣваетъ художественную правду. Правда-же художественная не можетъ быть отлична отъ правды нравственной, которая, съ одной стороны, неразрывно присуща душѣ человѣческой, съ другой же стороны, вся полностію заключается въ христіанскомъ церковномъ ученіи, основанномъ на Евангеліи, апостольскихъ и отеческихъ разъясненіяхъ и толкованіяхъ.

Горько и стыдно признаваться въ томъ намъ, христіанамъ, но нашей христіанской совѣсти не противорѣчатъ эти ужасные художественные образы Толстого. И умирающій по звѣриному, въ полномъ душевномъ одиночествѣ, среди всяческой лжи и притворства мнимыхъ близкихъ и дорогихъ людей, Иванъ Ильичъ, и утратившій образъ человѣческій крестьянинъ Никита, и истерзанный душевно человѣкъ обратившійся въ разъяреннаго дикаго, но „умнаго", сознающаго себя звѣря, Поздышевъ,—все это живые люди, ежедневно нами встрѣчаемые. Въ каждомъ изъ нихъ мы открываемъ частицу собственной души, вездѣ сверкаетъ голая художественная правда, выставленная съ такою силою, съ какою до Толстого выставляли ее только развѣ громовержные обличители первыхъ временъ христіанства.

И эта художественная, она-же и нравственная правда пріемлется христіанскою совѣстью и не смущаетъ ея, поскольку вѣрна себѣ, поскольку остается въ согласіи съ ученіемъ Церкви. Не смущаетъ никого, а только бьетъ и угнетаетъ, не допуская возраженій, та напримѣръ, правда, что человѣкъ долженъ оставаться чистымъ до брака, и что развратный человѣкъ недостоинъ чистой дѣвушки и, прикасаясь къ ней, губитъ ее.

Не смущаетъ нашей совѣсти и другая правда, еще болѣе глубокая, что смотрѣть на женщину похотливымъ окомъ, видѣть въ ней только орудіе наслажденія, грѣшно, недостойно нравственнаго существа человѣка и губительно для обоихъ. Не смущаетъ насъ и утвержденіе, что дѣвство и физическая чистота выше супружества, что трудъ и воздержаніе въ пищѣ, способствуя здоровью тѣла, помогаютъ и душевной чистотѣ человѣка.

Но зато не только смущаютъ, но прямо возмущаютъ насъ личные, уже не художественные, а учительные выводы Толстого, его

отрицаніе таинства брака, отрицаніе Церкви, отрицаніе личнаго Бога. Мы недоумѣнно пожимаемъ плечами надъ его ученіемъ, и наше сердце остается холоднымъ. Какъ ни доказывай Толстой, что можно уйти отъ страха смерти рядомъ остроумныхъ разсужденій, наше сердце, смущенное образомъ смерти Ивана Ильича, не можетъ успокоиться на этихъ разсужденіяхъ: умъ чувствуетъ свое полное безсиліе, и спасеніемъ является именно то, чего не хочетъ графъ Толстой, но что неизбѣжно вытекаетъ изъ его же разсказа—вѣра въ Бога и загробную жизнь. Только эта вѣра и можетъ дать смерть непостыдную, мирную, только она одна, никто и ничто кромѣ нея. И если потрясающій разсказъ Толстого, подводя человѣка къ этому ужасу „постыдной“ смерти, вызоветъ въ воскресшемъ сердцѣ то, что онъ долженъ вызвать—*воскресеніе вѣры*, онъ, отринувъ умствованія Толстого, поклонится ему до земли.

Художественный даръ писателя имѣетъ чудныя и таинственныя свойства. Великій художникъ не властенъ надъ собой: онъ покоряется какой-то почти постороннѣй духовной силѣ, какъ бы диктующей ему и образы, и рѣчи живыхъ людей. Самъ художникъ, можетъ быть, думаетъ и не такъ, но если онъ истинный и великій художникъ, онъ не въ силахъ бороться съ своимъ вдохновеніемъ и даетъ цѣльный, правдивый образъ. Но вотъ, образъ создался, вдохновеніе оставило его творца, и тотъ-же самый великій художникъ, опираясь на свой убогій личный разумъ, дѣлаетъ выводы, поражающіе иногда своей неправдой и болѣзненно рѣжущіе упоенную правдой душу читателя.

Ни одинъ изъ русскихъ великихъ писателей и поэтовъ не избѣгъ этого, но особенно сказывается это у графа Толстого. Эта сила вдохновенія, нужно-ли говорить откуда проистекающая, этотъ божественный голосъ, слышимый лишь вѣщимъ ухомъ пророка, этотъ неземной даръ „глаголомъ жечь сердца людей“, поставившіе графа Толстого выше его современниковъ во всемъ человѣчествѣ, показались ему малыми. Пророкъ возмутился противъ духа, говорящаго его устами, и объявилъ брань Богу: „Я не хочу быть скромнымъ выразителемъ Твоихъ велѣній—вопіетъ Толстой. Мой разумъ не покоряется Твоему глаголу. Я самъ, по своему истолкую тѣ заповѣди, которыя Ты начерталъ въ сердцахъ людей и повелѣлъ хранить Твоей Церкви!“

И вотъ, графъ Толстой съ полной послѣдовательностію возмутившагося пророка предаетъ осужденію цѣлый рядъ своихъ художественныхъ произведеній. Въ нихъ онъ усматриваетъ своеобразное рабство передъ своимъ вдохновеніемъ, передъ тою внѣшней силой, которой онъ доселѣ повиновался. Онъ не хочетъ болѣе этого рабства. Онъ самъ, помимо Божія велѣнія и вопреки ему, пойдетъ просвѣщать людей, учить ихъ не той правдѣ, которая написана въ ихъ сердцахъ, и которую только нужно очистить изъ-подъ слоя ежедневнаго мусора и гнили ее сокрывающаго, и освѣтить свѣтомъ Церкви, а той правдѣ, которая измышлена его разумомъ. И онъ начинаетъ учить, но эта мнимая правда на глазахъ у учениковъ спутывается, противорѣчитъ себѣ и не находитъ ни доступа въ сердца, ни формы, ни исхода. Ученіе Христа, лишенное вѣры и божественности, перемѣшивается съ буддизмомъ, уклоняется въ новѣйшій пессимизмъ. Получается нѣчто холодное, нестройное, громоздкое, невѣроятное. Создается какая-то новая религія ума, безъ вѣры, безъ одушевленія, и все это нагроможденное зданіе разрушается подъ своей собственной тяжестью. Сердце человѣческое, ищущее прежде всего свѣта вѣры и любви и только этому свѣту и доступное, отвращается отъ буйствующаго холоднаго ума, и религія Толстого обращается въ историческій курьезъ. Уже произнеся свое заглавіе „Въ чемъ *моя* вѣра?“, Толстой этими словами заранѣе осудилъ себя и свой трудъ, ибо вѣры *моей* или *твоей* быть не можетъ, а можетъ быть лишь *наша* вѣра, утверждаемая Богомъ въ соединенныхъ братской любовью сердцахъ людей, составляющихъ Церковь.

И ветхозавѣтные пророки, прямые сосуды божественнаго слова, не всегда были достойны своего служенія и часто гнѣвили Творца буйствомъ и непокорствомъ. Но, избравъ человѣка своимъ сосудомъ, Господь не отвращался отъ него. И чѣмъ рѣзче выражалось сопротивленіе волѣ Божіей въ человѣкѣ, тѣмъ сильнѣе являлъ Господь свое всемогущество. Такъ было и съ Толстымъ. Послѣ богохульнаго псевдо-евангелія, послѣ холодной „Исповѣди“ и запутанной противорѣчивой доктрины трактата „Въ чемъ моя вѣра“. снова согрѣло Толстого божественное вдохновеніе, охватившее его съ такой силой и такъ просвѣтившее его взоръ и слухъ, какъ никогда не бывало прежде. За геніальнымъ произведеніемъ „Смерть Ивана Ильича“ послѣдовало еще высшее, еще геніальнѣйшее: „Крейцерова Соната“.

Не съ тѣмъ, друзья мои, предпринялъ я сегодняшнюю нашу бесѣду, чтобы неистовствовать и метать громы на это великое, безсмертное, явно божественное произведеніе, а съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ вами воздать хвалу премудрости Божіей и Промыслу, въ насъ совершающимся. Съ тѣмъ, чтобы попытаться, при свѣтѣ вѣчныхъ евангельскихъ истинъ, хранимыхъ святою Церковью, преклоняясь предъ высшимъ пророческимъ глаголомъ, отдѣлить плевелы отъ пшеницы, вѣчную нравственную правду, художественно воплощенную Толстымъ, отъ его попытокъ сопротивленія глаголющему Духу, отъ его личныхъ ложныхъ выводовъ и мудрованій.

До какой степени сильно было пророческое вдохновеніе графа Толстого при писаніи имъ „Крейцеровой Сонаты“ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что въ нее почти совсѣмъ не вмѣстилось личное учительство сочинителя, и потребовался особый придатокъ—послѣсловіе, цѣликомъ принадлежащее лично Толстому и уже не имѣющее ни слѣда вдохновенія. До такой степени мало было сказано въ „Крейцеровой Сонатѣ“ Толстымъ отъ себя, что смущенные ученики графа не поняли, что собственно говорилъ герой разсказа Позднышевъ, и что Толстой самъ, и поскольку къ рѣчи и мыслямъ Позднышева одобрительно относится авторъ.

Написать „Крейцерову Сонату“ могъ-бы и писатель такой, какъ Достоевскій, истинный христіанинъ и вѣрный сынъ Церкви. И онъ касался пророческой рукой общественнаго разврата, и онъ рисовалъ такіе типы, какъ напр. Свидригайловъ. Создавая Позднышева, и онъ долженъ-бы былъ вложить въ его уста примѣрно тѣ рѣчи, а въ сердце тѣ чувства, что и Толстой своему герою. Но если-бы почитатели покойнаго Оедора Михайловича спросили его, что думаетъ онъ о Свидригайловѣ или Позднышевѣ, онъ вѣроятно отвѣтилъ-бы: „думаю о нихъ то-же, что думаетъ Церковь“, ибо Достоевскій, изслѣдуя душу человѣка и создавая свои художественные образы, вѣровалъ твердо, что существуетъ лишь одна нравственность—христіанская, одинъ законъ Христовъ, хранимый Церковью, одна правда, положенная Богомъ въ сердца людей и долженствующая руководить ихъ въ жизни.

Послѣсловіе могъ написать только графъ Толстой. Только онъ могъ изъ того, что бракъ Позднышева былъ святотатственнымъ оскорбленіемъ таинства брака, вывести, что вообще христіанскій бракъ есть обманъ и ложь. А вывелъ онъ это потому, что еще раньше

отрекся отъ Церкви и отвергъ, не уразумѣвъ, и возгордившись, ея ученіе.

Но и послѣсловіе не все противорѣчитъ христіанскому церковному ученію. Есть мысли вѣрныя и тамъ, да не можетъ ихъ и не быть, ибо всякое положительное ученіе о нравственности, христіанское ли, магометанское, или буддійское имѣетъ, по крайней мѣрѣ, ближайшими цѣлями здоровье тѣла и души человѣка.

Послѣсловіе раздѣляется на пункты, и эти пункты одинъ за другимъ мы постараемся провѣрить съ точки зрѣнія Церкви.

Въ первомъ пунктѣ формулуется Толстымъ безусловное требованіе чистоты мужчины до брака. Нужно-ли говорить, что того-же требуетъ и Церковь, считающая всякое общеніе съ женщиною внѣ брака тяжкимъ грѣхомъ, и проповѣдующая не только воздержаніе, но вполнѣ цѣломудренную жизнь, ставящая цѣломудріе безусловнымъ требованіемъ для христіанъ, не находящихся въ бракѣ? Совѣтъ графа Толстого о воздержаніи въ пищѣ и питьѣ, какъ пособіе здоровой и цѣломудренной жизни, и его другой совѣтъ —трудиться, также вполнѣ согласуются съ ученіемъ Церкви.

Во второмъ пунктѣ графъ Толстой требуетъ, чтобы взглядъ общества на влюбленіе и половое общеніе измѣнился въ томъ смыслѣ, чтобы это состояніе не считалось чѣмъ-либо высокимъ и идеальнымъ, но унизительнымъ, скотскимъ. Здѣсь съ церковной точки зрѣнія можно лишь отмѣтить несправедливость понятій „унизительный“ и „скотскій“. Кромѣ духовныхъ сторонъ въ человѣкѣ, поскольку онъ принадлежитъ къ разряду живыхъ тварей, должны быть и животныя стороны. Если эти животныя стороны ограничены въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ должны быть, и не затемняютъ духовнаго существа человѣка, унизительнаго и скотскаго въ этомъ ничего нѣтъ.

Третій пунктъ, утверждающій, что рожденіе дѣтей есть цѣль и оправданіе супружества, и требующій воздержанія въ бракѣ ради здоровья матери и младенца, осужденъ также быть не можетъ со стороны Церкви; равнымъ образомъ нечего возразить и противъ четвертаго пункта о правильномъ воспитаніи дѣтей.

Пятый и послѣдній пунктъ утверждаетъ, что употребленіе всякихъ средствъ и устремленіе помысловъ молодыхъ людей обоего пола для нахожденія себѣ предметовъ любви—цѣль, недостойная человѣка. Что съ христіанской точки зрѣнія бракъ есть не возвышеніе, а па-

деніе, ибо плотская любовь никогда не облегчаетъ достиженіе достойныхъ человѣка, т.-е. духовныхъ цѣлей, а всегда затрудняетъ ихъ. И здѣсь Церковь не можетъ возразить ничего, преподавая тѣ-же по существу взгляды и поученія. Поскольку Толстой остался на почвѣ прямыхъ практическихъ совѣтовъ, онъ правъ и не расходится съ ученіемъ Церкви, вѣрнѣе,—не говоритъ ничего новаго. Но, оставаясь на почвѣ христіанской практики, тѣмъ яростнѣе обрушивается онъ на Христову Церковь въ теоріи. Не понявъ всей высоты и глубины церковнаго ученія о бракѣ, онъ изъ искаженнаго нехристіанскою жизнью современныхъ христіанъ таинства брака выводитъ несправедливое и кощунственное обвиненіе Церкви въ завѣдомомъ обманѣ.

Въ чемъ-же видитъ Толстой этотъ обманъ? Въ томъ, что Церковь признаетъ бракъ богоучрежденнымъ таинствомъ, тогда, какъ по мнѣнію Толстого, никакого брака Христосъ не устанавливалъ и не оставилъ иного взгляда на бракъ, какъ на очевидное паденіе, униженіе духовной природы человѣка. Единственное послабленіе, которое находитъ Толстой въ Евангеліи, заключается въ томъ, что если это паденіе разъ уже случилось, человѣкъ не имѣетъ права оставлять участника, или участницу содѣяннаго грѣха, но жить съ нимъ, или съ нею, сохраняя цѣломудріе впредь до новаго паденія и грѣха.

Если-бы графъ Толстой не дѣлалъ завѣдомыхъ подтасовокъ, читалъ-бы Новый Завѣтъ такъ, какъ онъ предлагается, а не исключалъ-бы тѣхъ мѣстъ, которыя не согласуются съ его личными теоріями, если-бы онъ внимательно и благоговѣйно изучилъ весь огромный трудъ вѣковаго самороста Церкви, возращенной внутреннимъ подвигомъ вѣры и внѣшнимъ подвигомъ дѣятельности Апостоловъ и ихъ преемниковъ до послѣдняго вселенскаго собора включительно,—онъ-бы не рѣшился сказать, что Церковь исказила ученіе Христа, что она произвольно ввела и допустила то, что противно ученію ея Основателя, какъ христіанскій бракъ, христіанское богослуженіе и христіанское ученіе.

Христіанскій бракъ, какъ благословенное Богомъ учрежденіе, какъ настоящее таинство, установленъ Христомъ. Апостолы и Отцы Церкви не сдѣлали ничего другого, какъ только, въ мѣру складывавшейся жизни христіанскаго общества и въ мѣру непосредственнаго откровенія Божія союзу вѣрующихъ, изыскали и установили опредѣленія и правила во исполненіе положеннаго Искупителемъ завѣта.

Сынъ Божій сошелъ на землю для устроенія искупленія и возсоединенія съ Богомъ рода человѣческаго. Своею смертію и воскресеніемъ Онъ исполнилъ дѣло Свое, а Свое ученіе, преподанное въ видѣ неизмѣнныхъ основныхъ началъ, завѣщалъ хранить основанной Имъ Церкви, имѣющей оставаться въ родѣ человѣческомъ до скончанія вѣка и устроить жизнь своихъ членовъ согласно этому ученію. Могла-ли живая Церковь Христова, ставшая въ скорости многомилліоннымъ союзомъ людей, застыть, не истолковывая и не раскрывая какъ догматовъ своей вѣры, такъ и правилъ своей жизни? Могли-ли члены этой Церкви оставаться братьями по духу, при произвольномъ толковании истинъ евангельскихъ каждымъ изъ нихъ? Возможна-ли была-бы и самая жизнь Церкви при этомъ? Не видали-ли мы, что, разрушивши Церковь, оставшись при произвольномъ личномъ толковании Евангелія, новѣйшіе нѣмецкіе христіане допустили такую чудовищную вещь, какъ установленіе внѣшняго выраженія своего культа и даже богослуженія свѣтскою властью прусскихъ королей?

Но возвратимся къ христіанскому браку.

Чтобы понять, какъ опредѣлился въ Церкви христіанскій бракъ, какъ таинство, достаточно показать, что безъ этого священнаго установленія не были-бы возможны ни земная Церковь Христова, ни самый жизненный подвигъ христіанина.

Совершенно справедливо то положеніе, что дѣвство, цѣломудріе, безбрачіе поставлены Христомъ и опредѣлены Его Церковью, какъ высшій идеалъ земной чистоты. Что плотское сожительство, хотя-бы и въ бракѣ, считается, если не паденіемъ, то низшею ступенью чистоты, свидѣтельствуетъ установленіе иночества, которое Церковь прямо называетъ чиномъ ангельскимъ. Въ житіи преподобнаго Алексія—человѣка Божія разсказывается, какъ благословенный Церковью на бракъ съ юной и прекрасной дѣвицей, чистый юноша уже въ брачной комнатѣ взглянулъ на половую любовь, какъ на паденіе, убѣдилъ въ этомъ и чистую жену свою, и разстался съ нею для подвига спасенія, для высшаго идеала—дѣвства. Этого отшельника Церковь именно за его чистоту причислила къ лику святыхъ.

Но безбрачные и дѣвственно-чистые: Христосъ, большинство его учениковъ, святые, подобные Алексію—Божію человѣку, и тѣ, кто воспринимаетъ и не оскверняетъ чинъ ангельскій—иночество, это все тѣ, кои „могли вмѣстить“, были способны заживо отрѣшиться отъ

земнаго человѣка съ его наклонностями и страстями, какъ собственность, свобода, своя воля, половая любовь. Не даромъ инокъ отрекается не только отъ супружества, но и отъ всего земнаго, кромѣ самой жизни, которая пріобрѣтаетъ значеніе лишь подчиненное — рамки для духовнаго подвига и поддерживается лишь настолько, насколько это нужно для дѣятельности души.

Но вѣдь Господь нашъ не для того воплощался и принялъ крестную смерть за грѣхи людей, чтобы вырвать изъ человѣчества лишь тѣ личности, которыя готовы сразу-же перестать быть людьми, заглушивъ въ себѣ страсти и земные помыслы. Желалъ-ли Онъ исключить изъ дѣйствія Благодати всѣхъ тѣхъ, кто „не можетъ вмѣстить“?

Нѣтъ, друзья мои! Устрояя спасеніе всего рода человѣческаго, Христосъ освобождалъ лишь отъ рабства грѣху людей, но не отъ самаго грѣха. Онъ не требовалъ отреченія всѣхъ людей отъ ихъ человѣческихъ слабостей, Онъ бралъ человѣчество въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было, со всѣми его земными установленіями, государствомъ, войскомъ, судомъ, деньгами, со всѣми даже животными сторонами людей, съ ихъ страстями, желаніями, склонностями, съ ихъ любовью, дружбой, родствомъ. Онъ не накладывалъ на людей „бремена тяжелыя и неудобоносимыя“, но говорилъ прямо: „иго мое благо и бремя мое легко“. Требуя обращенія всѣхъ душъ къ Себѣ, къ вѣчнымъ идеаламъ добра, святости, любви и чистоты, Господь кротко и милостиво снисходилъ къ слабости человѣка. Онъ допускалъ неизбѣжность ссоръ между людьми и выставлялъ великое значеніе миротворцевъ; Онъ допускалъ неизбѣжность страданія и звалъ къ Себѣ для успокоенія. Онъ допускалъ грѣхъ вообще и разрѣшалъ его покаяніемъ. Онъ снисходилъ къ животной сторонѣ человѣка и не только разрѣшалъ, но прямо устанавливалъ бракъ, его святость и неразрушимость. „Оставитъ человѣкъ отца и мать,—говоритъ Спаситель,—и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два въ плоть едину“; „Мужа и жену сотворилъ ихъ“; „что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ“.

Для людей, „могшихъ вмѣстить“, т.-е. могшихъ вовсе отречься отъ своей животной стороны и всякихъ земныхъ помысловъ, разумѣется, установленіе брака было излишнимъ. Но для всего человѣчества, „не могшаго вмѣстить“, благой Искупитель благословлялъ и освящалъ даже ту животную сторону человѣка, которая прикрѣпляла

его къ землѣ и мѣшала ему стать въ положеніе безплотнаго ангела. Въ томъ-то и состоитъ задача таинства брака, что въ земной жизни людей оно накладываетъ прочныя рамки на животную сторону человѣка, держитъ въ уздѣ одну изъ самыхъ могущественныхъ людскихъ страстей, кладетъ рѣзкую границу между животными, управляемыми только закономъ природы, и людьми, управляемыми нравственнымъ закономъ. И вотъ этотъ-то нравственный законъ и есть въ данномъ случаѣ таинство брака, освящающее не половую любовь, какъ таковую, а зарожденіе новаго человѣческаго существа. Съ внѣшней стороны, установленіе христіанскаго брака накладываетъ границу на внѣшній развратъ, т.-е. запрещаетъ многоженство и многомужество. Но изъ того, что сочетавшимся бракомъ супругамъ дается благословеніе Церкви на рожденіе чадъ и предоставляется извѣстная свобода ихъ земному чувству другъ къ другу, слѣдуетъ-ли, что Церковь поощряетъ и благословляетъ тотъ внутренній развратъ, развратъ въ бракѣ, о которомъ говоритъ Толстой? Если внѣшній законъ Ветхаго Завѣта, установляя бракъ не какъ таинство, но какъ почти гражданское учрежденіе, обезпечивавшее размноженіе и здоровье избраннаго народа, входилъ въ подробности супружескихъ отношеній, то Новый Завѣтъ, возводя бракъ въ церковное таинство, возжигаетъ передъ людьми одинъ идеалъ—чистоту. Для могущихъ вмѣстить, для избранниковъ, эта чистота является полнымъ дѣвствомъ, для всего человѣчества—чистымъ участіемъ въ воспроизведеніи рода человѣческаго, воздержаніемъ тѣлеснымъ, стремленіемъ къ чистотѣ. Изъ того, что Церковь, опуская завѣсу надъ брачнымъ ложемъ сочетавшихся бракомъ людей, какъ-бы устраняетъ свой контроль, никакъ не слѣдуетъ, что она устанавливаетъ обманъ, благословляетъ какое-бы то ни было излишество, или создаетъ изъ этого брачнаго ложа языческій алтарь наслажденій. Она отдаетъ на отвѣтственность этихъ людей высокое таинство воплощенія новой души, и самое это таинство уже обязываетъ ихъ къ чистотѣ, уже обуздываетъ, или должно обуздывать животную сторону человѣка. И въ сознаніи святости этого таинства, переданнаго супругамъ на храненіе—неизмѣримо большая сила, нежели въ простомъ страхѣ грѣха и нечистоты. Супругамъ, вѣрующимъ въ святость таинства брака, легче хранить тѣлесную чистоту, чѣмъ двумъ людямъ, связаннымъ завѣдомымъ грѣхомъ, осужденнымъ среди ежеминутнаго соблазна только оберегать себя отъ

повторенія этого грѣха, ибо живое сознаніе присутствія таинства въ ихъ сожительствѣ становится великой нравственной силой, спасающей человѣка отъ господства въ немъ чисто-животной похоти. Вотъ почему глубоко ошибается графъ Толстой, прилагая изреченіе Спасителя о похотливомъ взглядѣ на женщину, равносильномъ прелюбодѣянію, прежде всего къ собственной женѣ человѣка. Въ томъ-то и великое значеніе таинства брака, что у осѣненнаго или осѣненныхъ этимъ таинствомъ двухъ чистыхъ людей, вѣрующихъ въ него и чувствующихъ его, не можетъ даже имѣть мѣсто подобный взглядъ другъ на друга. Ихъ отношенія выше, лежатъ, такъ сказать, въ другой области. Но и въ самомъ добромъ мужѣ, а иногда и въ дѣвственникѣ, носителѣ чина ангельскаго, можетъ, при взглядѣ на тѣлесную красоту женщины, возникнуть нечистое желаніе. Вотъ къ этому-то нечистому желанію, нарушающему одинаково, какъ таинство брака, такъ и святость дѣвственности, и относится строгое предостереженіе Спасителя.

На художественномъ примѣрѣ Позднышева, обратившаго свою жену въ орудіе животнаго наслажденія и испытавшаго всѣ душевныя терзанія отъ ревности и злобы до убійства своей жены включительно, графъ Толстой хочетъ показать, что такъ какъ все наше образованное общество живетъ въ сущности такъ же, какъ Позднышевъ, не доходя лишь до такихъ несчастныхъ крайностей—то и христіанскаго брака не существуетъ, и таинство, установленное Церковью,—ложь и обманъ.

Но не удается это Толстому! Изъ его же глубокаго и страшнаго образа вытекаетъ совсѣмъ иное. Позднышевъ отрицалъ таинство брака, хотя и стремился, вступая въ бракъ, къ чистой жизни. И вотъ, именно потому-то, что для Позднышева „поѣздка въ церковь была лишь пустой формальностью, однимъ изъ условій обладанія любимою женщиной“, именно поэтому и не нашлось въ его жизни брачной ничего, что-бы удержало и подчинило животную его сторону, что-бы одухотворило его союзъ съ женой. Что означаютъ горькія слезы жены Позднышева черезъ нѣсколько дней послѣ брака? Да то, что женщина своей чуткой и нѣжной душой поняла, что ея мужъ, ея глава, какъ учитъ Церковь, не способенъ одухотворить ихъ брачнаго союза, не способенъ дать какого-бы то ни было содержанія ихъ совмѣстной

жизни и, будучи животнымъ самъ, обратитъ и ее въ животное, или, вѣрнѣе, низведетъ ее на ступень еще низшую животнаго.

Какимъ великимъ орудіемъ спасенія для обоихъ этихъ несчастныхъ могла-бы быть вѣра, которой они не знали и часть коей есть вѣра въ таинство брака! И у обоихъ въ сердцѣ лежали готовые зачатки этой вѣры. Онъ, грѣшна ранѣе, стремился къ чистотѣ. Она несомнѣнно имѣла чистыя стремленія, если плакала о какихъ-то безсознательныхъ, но разбитыхъ мужемъ идеалахъ. И на этихъ зачаткахъ, на этомъ фундаментѣ, присущемъ каждой душѣ человѣческой, не удалось Позднышевымъ воздвигнуть ничего, кромѣ взаимной ненависти. Прибавимъ сюда, что сочетались бракомъ эти люди по взаимной склонности, слѣдовательно, къ позднѣйшей ихъ ненависти не было никакихъ основаній. Эта ненависть возникла единственно потому, что съ перваго-же шага открылась передъ ними вся пустота ихъ сожительства. Лишенный своего высокаго духовнаго значенія, бракъ ихъ съ перваго-же дня показался искушенному уже развратомъ мужу воплощимъ обманомъ и развратомъ, неопытной и чистой женѣ—грязною профанаціею какого-то невѣдомаго, но святаго и высокаго идеала.

„Если бы только знали молодые люди, мечтающіе о медовомъ мѣсяцѣ, какое это разочарованіе! И всегда разочарованіе!“—восклицаетъ Позднышевъ.—„Восторговъ медоваго мѣсяца нѣтъ никакихъ, а напротивъ, неловко, стыдно, гадко, жалко, а главное,—скучно, до невозможности скучно...“

„Все время было гадко, стыдно и скучно. Но очень скоро стало еще мучительно, тяжело. Кажется, на третій, или на четвертый день я засталъ ее скучною, сталъ разспрашивать, о чемъ, сталъ обнимать ее, что по моему было все, чего она могла желать, а она отвела мою руку и заплакала“.

Какъ вѣрно изображено, какъ глубоко понято душевное состояніе этихъ несчастныхъ людей, познавшихъ въ бракѣ одну лишь его плотскую сторону! Какое страшное, хотя и справедливое обвиненіе бросается въ лицо нашему образованному обществу, по названію христіанскому, на дѣлѣ хуже, чѣмъ языческому! За ничтожными исключеніями, говорятъ намъ, всѣ браки и всѣ медовые мѣсяцы таковы. И мы должны вѣрить великому наблюдателю и художнику. Но, вѣря ему въ фактѣ, мы снова не можемъ принять его выводовъ и

толкованій, ибо вся ихъ натяжка и непослѣдовательность слишкомъ очевидны. Пусть тысячи и десятки тысячъ брачащихся паръ чувствуютъ себя въ свой медовый мѣсяцъ столь-же жалкими, гадкими и разочарованными, какъ повобрачные Позднышевы. Мы заключимъ отсюда, что эти люди были въ церкви и вѣнчались, исполняя лишь нѣкоторую принятую обществомъ формальность и оставаясь совершенно чуждыми таинству брака и его великому смыслу. Мы заключимъ объ утратѣ образованнымъ обществомъ христіанскихъ церковныхъ началъ въ огромномъ его большинствѣ. Но мы не имѣемъ ни малѣйшаго права сказать, чтобы и тысяча-первая пара, явившаяся въ храмъ къ вѣнцу и съ сердечнымъ сокрушеніемъ и глубокой вѣрой воспринявшая сознаваемое и признаваемое таинство, чтобы эта пара провела свой медовый мѣсяцъ такъ-же гадко, жалко и скучно, какъ и Позднышевы.

Церковь благословила бракъ. Но она благословила его духовную сторону, неразрывный земной союзъ двухъ любящихъ душъ, благословила рожденіе имѣющаго произойти отъ этого союза новаго человѣка, и только снизошла къ плотскому, животному соединенію брачащихся, не забывая ни на минуту, что это соединеніе въ его наиболѣе чистой и законной формѣ есть все-же грѣхъ, хотя и неизбѣжный въ бракѣ. „Во грѣхѣ зачатъ еси“, говоритъ священное писаніе. Чтобы уяснить себѣ взглядъ Церкви на плотское сожительство, достаточно припомнить читаемую надъ матерью по рожденіи ребенка очистительную молитву, достаточно припомнить строгое правило IV Карѳагенскаго собора, гласящее:

„Женихъ и невѣста, когда имѣютъ быть благословляемы отъ священника, да приводятся родителями своими, или сопоручниками, а принявъ благословеніе, да пребываютъ ту ночь въ дѣвствѣ“.

Достаточно припомнить строгія предписанія относительно плотского воздержанія состоящему въ законномъ и Церковью благословленномъ бракѣ православному священнику, чтобы совершенно отвергнуть толкованіе Толстого, будто бракъ есть разрѣшеніе на развратъ.

Нѣтъ, друзья мои! Высокая христіанская добродѣтель, цѣломудріе, не только не противорѣчитъ существу христіанскаго брака, но и облегчается имъ. На волю двухъ любящихъ другъ друга существъ разнаго пола, живущихъ въ постоянной близости и не стѣсняемыхъ внѣшними преградами, отдается: предаваться-ли чувственности, руко-

водясь лишь распаленіемъ страсти и животными инстинктами, или бороться съ этой чувственностью, оберегая чистоту своихъ душъ и тѣлесъ до того предѣла, когда животная сторона человѣка или неутолимый порывъ къ продолженію рода не заставитъ согрѣшить. И здѣсь, не меньше, чѣмъ среди полнаго дѣвства, представляется поле для борьбы со страстями, для самоограниченія и самоусовершенствованія о Христѣ. Истинный христіанинъ будетъ помнить всегда, что не ради животнаго наслажденія установлено таинство брака, а ради того, чтобы и грѣшному, не могшему устоять противъ самой сильной изъ людскихъ страстей человѣку, открыть путь къ подвигу и спасенію. И только ханжа или фарисей будетъ оправдывать тотъ „внутренній развратъ“, о которомъ съ такимъ негодованіемъ говоритъ Толстой, благословеніемъ Церкви или своимъ правомъ законнаго мужа.

Я уже приводилъ выше основныя положенія Толстого, выраженныя въ его „послѣсловіи“, и старался показать, что ни одно изъ его нравственныхъ требованій по существу своему не противорѣчитъ ученію и требованіямъ Церкви. Но, отвергая Церковь, отвергая благодать, отвергая почти двадцативѣковую преемственную дѣятельность устроителей земной Церкви въ лицѣ Соборовъ и Отцовъ Церкви,— отвергая все это, ставя въ гордынѣ своей свой личный разумъ превыше всего, желая до всего дойти собственнымъ умомъ, графъ Толстой невольно впадаетъ въ удивительныя, почти дѣтскія ошибки, опровергаетъ то, чего никто не утверждаетъ, выдаетъ за собственное открытіе то, что давно извѣстно, устанавливаетъ совершенно запутанныя и сбивчивыя положенія и поднимаетъ брань противъ Церкви, при чемъ его удары, направляемые на нее, падаютъ невольно на ея враговъ и исказителей ея ученія. Если-бы графъ Толстой сколько-нибудь добросовѣстно потрудился-бы вникнуть въ ученіе Православной Церкви, онъ почувствовалъ-бы тотчасъ же, что его силы удвоились и его мысль пріобрѣла надежныя рамки и основы. Но графъ Толстой съ подлиннымъ ученіемъ Церкви совершенно не знакомъ. Это замѣтно въ каждой строкѣ его такъ называемыхъ учительныхъ писаній, это замѣтно ярче всего въ „Крейцеровой Сонатѣ“. Если-бы наше образованное общество было хоть сколько-нибудь само знакомо съ ученіемъ Церкви и жило-бы хоть немного церковною жизнью, никакого недоразумѣнія-бы быть не могло. Сочиненія Толстого, величайшаго изъ живущихъ художниковъ, встрѣчались-бы попрежнему съ

восторгомъ. Передъ его удивительнымъ знаніемъ сердца человѣческаго, передъ его геніальными образами мы преклонялись-бы попрежнему, но всѣ сразу разгадали-бы его незнакомство съ ученіемъ Церкви и, при первой-же его попыткѣ къ провозглашенію новой, внѣцерковной морали, послышался-бы отовсюду дружный протестъ.

„Великій художникъ, перестаньте! Вы клевещете на Церковь. Все, что выдаете за новое, давнымъ-давно извѣстно и установлено Церковью лучше, чѣмъ вами, ибо одинъ, хотя-бы и геніальный, разумъ не можетъ въ нѣсколько лѣтъ воспроизвести умственное дѣло девятнадцати вѣковъ, освященное Божественною благодатью, согрѣтою братской любовью людей о Христѣ и просвѣщенное откровеніемъ Духа".

Только потому, что богословское невѣжество гр. Толстого окружено еще болѣе непроглядимъ невѣжествомъ его читателей, были возможны тѣ недоразумѣнія, какія породила, напримѣръ, „Крейцерова Соната". Ее сочли чуть не грознымъ ударомъ, нанесеннымъ Церкви и ея ученію, ея перепугались... Между тѣмъ, какъ мы уже видѣли, ни одно изъ положеній графа Толстого не противорѣчитъ ученію Церкви, ни одно не направлено противъ нея. Вся проповѣдь писателя отличается отъ церковнаго ученія лишь настолько, насколько контрабанда отличается отъ законно провозимыхъ предметовъ. Но контрабанда матеріальная еще имѣетъ какой-либо смыслъ—избѣжать платежа пошлинъ. Контрабанда графа Толстого не оправдывается и этимъ соображеніемъ. Церковь открываетъ свое ученіе легко всякому, алчущему его познать.

Но какъ ни велико, какъ ни плачевно это недоразумѣніе, я не могу, друзья мои, не признать великой, огромной пользы даже отъ контрабанды, проводимой графомъ Толстымъ! Наше образованное общество отошло такъ далеко отъ Церкви и Вѣры, такъ утратило руководящую въ жизни нить чистыхъ нравственныхъ началъ, что голосъ великаго художника, ставшаго вдругъ безъ всякаго основанія и подготовки, философомъ-моралистомъ, раздается, какъ громовый ударъ и будитъ спящихъ. Если для человѣка, живущаго въ Церкви и знающаго всю высоту и глубину ея ученія, „Крейцерова Соната" въ своей учительной части есть лишь любопытный образецъ необычайнаго скачка геніальнаго ума, то для публики она, несомнѣнно,—крупное учительное произведеніе, обладающее чрезвычайной дѣйственной силой. Изгоняетъ бѣсовъ здѣсь, хоть и самозванный ученикъ, но

изгоняетъ безъ милосердія. Мы слышимъ уже о кружкахъ среди молодежи, дающихъ обѣтъ соблюденія цѣломудрія до брака. Мы замѣчаемъ, съ какой силой попало въ цѣль обвиненіе общества въ развратѣ. Мы чувствуемъ, съ какой краской стыда прочли многіе дѣйствительно страшныя обличенія Толстого, и знаемъ, что не одинъ мужъ смутился въ душѣ, встрѣтивъ горькій упрекъ и осужденіе въ очахъ своей жены! Какъ много понято изъ того, чего прежде общество не понимало, на что, вѣрнѣе, не обращало вниманія! Въ этомъ безспорно, великая заслуга Толстого, нужды нѣтъ, что его проповѣдь вполнѣ контрабандная, нужды нѣтъ, что Толстой въ невѣдѣніи своемъ выступаетъ на брань съ Церковью, хотя всѣмъ своимъ дѣломъ невольно служитъ ей, и эта заслуга его поистинѣ неизмѣрима...

Неизмѣрима эта заслуга потому, что, возбуждая въ заспувшей и искалѣченной душѣ человѣка тѣ же вѣчные и великіе вопросы, о которыхъ учитъ Церковь, графъ Толстой своей моралью, своими окончательными выводами не удовлетворяетъ и не можетъ удовлетворить эту душу.

Развѣ возможно остановиться, напримѣръ, на религіозныхъ вѣрованіяхъ Толстого? Развѣ можно принять его теорію смерти и безсмертія? Развѣ можно согласиться съ его выводами о трудѣ? Развѣ можно пытливому уму и любящему сердцу успокоиться на жестокомъ и холодномъ взглядѣ Толстого на бракъ, какъ на нѣкоторую условную форму сожительства, состоящую въ борьбѣ со страстью невѣдомо ради какой высшей цѣли?

Для чуткаго, развитаго ума и жаркаго сердца, послѣ перваго могущественнаго потрясенія, произведеннаго художественными образами и смѣлой, яркой проповѣдью Толстого, остановки здѣсь быть не можетъ. Толстой всколыхнулъ душу до самыхъ ея глубинъ и бросилъ человѣка на распутьи, не выведя его на твердое, спокойное мѣсто, не давъ ничего яснаго, ничего прочнаго, ибо ничего подобнаго нѣтъ у самого Толстого. Онъ самъ переживаетъ всѣ стадіи сомнѣній, онъ, какъ паукъ, еще самъ ткетъ основу своихъ сжемипутно встряхиваемыхъ убѣжденій. Онъ перестраиваетъ и пересматриваетъ всю міровую нравственность, и разбудивъ жажду духа, не можетъ дать ей удовлетворенія.

Но эта жажда все-таки разбужена. Заснуть вновь, или вернуться къ тощему и жалкому міровоззрѣнію матеріализма и позити-

визма уже невозможно. Послѣ твореній Толстого серьезный умъ волей-неволей обратится къ подлинному церковному ученію, и вотъ тутъ-то станетъ ему ясно все! Онъ поймете, какую огромную услугу оказалъ ему Толстой. Онъ увидитъ всѣ безчисленныя ошибки своего печальнаго учителя, пожалѣетъ о немъ и отъ всего сердца проститъ ему ихъ.

Да, друзья мои! Многихъ, очень многихъ привелъ графъ Толстой прямо къ Церкви. Воюя противъ нея, онъ вернулъ ей многихъ, сильныхъ духомъ, погибшихъ-было чадъ ея. Опровергая ея ученіе, онъ заставляетъ познать и принять его.

Не будемъ смущаться тѣмъ, что у Толстого, какъ у всякаго геніальнаго человѣка, явились ученики, воспринявшіе его ученіе только по внѣшности, какъ нѣкоторую моду. Это явленіе повторялось всегда и вездѣ. Оно—случайный, а не главный продуктъ учительной дѣятельности Толстого. Его вѣрнымъ ученикомъ и слѣпымъ подражателемъ можетъ быть, къ счастію, лишь человѣкъ совершенно ограниченный; всякій иной только пройдетъ сквозь проповѣдь Толстого и не остановится на ней, а непремѣнно пойдетъ дальше. Изъ ученія Толстого, при всемъ желаніи, нельзя составить ни ясной догматики, ни нравственнаго кодекса, ни внѣшняго ритуала, а безъ этого невозможна никакая секта. Явилось было, какъ внѣшній признакъ, понятіе „опроститься“, но и оно не имѣетъ въ себѣ ничего строго-опредѣленнаго, являясь скорѣе своего рода спортомъ, чѣмъ вѣрованіемъ.

Задумываясь надъ дѣломъ и призваніемъ графа Льва Толстого, друзья мои, невольно чувствуешь здѣсь особое смотрѣніе Божіе, таинственную мысль Провидѣнія, устрояющую жизнь человѣческую. Какъ Хомякову дано было властное, прямое слово къ возвѣщенію истинно-православныхъ началъ, какъ Достоевскому дано было художественное творчество и прозрѣніе въ душу человѣческую очами Церкви, такъ Толстому была предназначена упорная борьба съ Церковью къ ея вящей силѣ и славѣ. И, кто знаетъ, не больше-ли всѣхъ иныхъ послужитъ графъ Толстой къ возвеличенію православной Церкви и возрожденію къ истинно-христіанской жизни и взглядамъ погрязшаго въ невѣріи русскаго общества?

Вотъ почему, друзья мои, обличая личныя заблужденія графа Толстого, сокрушаясь о его отчужденіи отъ источника истинной, а

не суетной мудрости, и прославляя Творца Вселенной за проявляемое Имъ о насъ попеченіе, мы должны молиться за эту высокую гордую душу великаго художника, дабы даровалъ Онъ ей прозрѣніе благодати, возвратилъ ее Церкви и устроилъ ей радость вѣчнаго спасенія.

III.

Приведенныя выше двѣ работы были вызваны появленіемъ „Крейцеровой Сонаты". Остальныя въ этой книгѣ имѣютъ уже совершенно самостоятельное значеніе и связаны между собою начавшимся въ „Русскомъ Трудѣ" обмѣномъ мыслей по вопросу о бракѣ.

Въ самомъ началѣ моего изданія, *Рцы*, авторъ статьи „Тексты перепуталъ", помѣстилъ у меня въ №№ 10, 11, 12, 23 и 24-- 1897 г. статью, которая служитъ какъ-бы первою вступительною нотой, первымъ вызовомъ и постановкою вопроса. „Рцы" остановился на любопытной книгѣ заслуженнаго профессора протестантскаго богословскаго факультета въ Монтобанѣ Ж. Педезэра, озаглавленной „Свидѣтельство св. Отцовъ („Le témoignage des Pères"). Предметъ изслѣдованія—односторонность аскетическаго направленія въ христіанствѣ, особенно выразившаяся въ воззрѣніи святыхъ Отцовъ на бракъ. Статья такъ и озаглавлена

Бракъ и святые Отцы.

I.

Книга написана *протестантомъ*. Это нужно имѣть въ виду. Нѣкоторые взгляды автора необходимо принять съ *оговорками*, другіе должны быть вовсе отвергнуты. Если для *насъ* св. Отцы „звѣзды пресвѣтлыя", церковныя кормила, непоколебимые столпы, органы благодати и гусли св. Духа", то для *протестанта*, именно для нашего автора, они только—*великіе писатели, великіе люди, великіе христіане*. Отсюда, естественно, въ цитированномъ трудѣ элементамъ здравой человѣческой логики и чувству историческаго безпристрастія

дается, можетъ быть, болѣе мѣста, нежели сколько можетъ пожелать душа, обвѣянная духомъ искренняго благочестія, но немощная, но колеблющаяся въ опредѣленіи того, насколько можетъ быть допущена *пытливость разума* безъ ущерба для общепринятаго преданія церковнаго?

„Еще же соборы святыхъ Отецъ, и ихъ преданія, и писанія, *Божественному Откровенію согласная*, пріемлемъ и утверждаемъ". Изъ приведеннаго мѣста „Послѣдованія въ недѣлю Православія" позволительно заключить, что Церковь не исключаетъ извѣстной свободы изслѣдованія, не препятствуетъ вѣрующимъ убѣждаться, насколько писанія св. Отецъ Божественному Откровенію согласны? Разумѣется, и тутъ необходима крайняя осторожность, чтобы не сбиться съ пути, но, съ другой стороны, *совершенное недовѣріе* къ силамъ человѣческаго разума врядъ ли согласно съ духомъ Церкви. Такое *крайнее недовѣріе*, пренебреженіе, почти презрѣніе къ уму человѣческому, сказалось, между прочимъ, въ извѣстномъ изреченіи Тертулліана: „Вѣрую, *потому что* это абсурдъ". Извѣстный (мистическій) фактъ „правдоподобенъ, *ибо* нелѣпъ". „То-то (въ области библейской исторіи) несомнѣнно произошло, *такъ какъ* оно явно невозможно!". Есть, на нашъ взглядъ, что-то *циническое* въ *такой* вѣрѣ, но, спѣшимъ прибавить, врядъ ли и возможно, чтобы почва, воспитавшая святыхъ: Климента Александрійскаго, Киприана Карѳагенскаго, Ефрема Сирина, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Іоанна Златоустаго, Исидора Пелусіота, Кирилла Александрійскаго и др., могла породить Тертулліана. Это явленіе чисто *западное*. Припомните только вѣковое развитіе *Западной* Церкви—какъ всюду чувствуется это зерно, брошенное новообращеннымъ римскимъ адвокатомъ на почву слѣпой, *неразумной*, а потому и *несвободной* вѣры!

Повторяемъ: нашъ авторъ *протестантъ*; кромѣ *святыни* Божественнаго Откровенія, нѣтъ предмета, къ которому-бы онъ подошелъ, какъ къ святынѣ. Златоустъ для него не болѣе Шекспира или Данта, а нѣкоторыя мнѣнія, напр. бл. Іеронима и др., онъ критикуетъ съ такою свободою, что *мы* по необходимости, должны *запрещать уму*, жестоко искушаемому неотразимостью діалектики, слѣдовать за критикомъ, соглашаться съ нимъ, сочувствовать ему. Мы должны это сдѣлать не потому, что намъ истина менѣе дорога, чѣмъ проф. Педезэру, а потому, что, отвергая тертулліаново *недовѣріе* къ силамъ

человѣческаго разума, мы не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ принять и протестантской безпредѣльной *вѣры* въ эти силы. Est modus in rebus, и *средній* путь не безъ основанія слыветъ за „царскій путь“.

Каково-же общее настроеніе нашего автора? Какимъ руководящимъ принципомъ освѣщенъ этотъ обширный, несомнѣнно добросовѣстный, безусловно уваженія достойный трудъ?

„Не будемъ оспаривать другъ у друга старыхъ учителей Церкви, не станемъ вооружаться ими для взаимной борьбы; забудемъ несогласія, ради великихъ цѣлей созиданія. Пожелаемъ, чтобы Отцы вдохновляли насъ своими высокими добродѣтелями, являя ихъ предъ нами. Важно не то, чтобы быть добрыми католиками, или послѣдовательными протестантами, но то, чтобы стать, наконецъ *истинными христіанами*“.

Таковы заключительныя слова книги. Развѣ это не прекрасныя мысли? не высокое настроеніе? Развѣ постыдно, опасно вести бесѣду съ такимъ авторомъ?

Послѣдуемъ-же за нимъ безъ унизительной подозрительности. Не станемъ придираться къ словамъ, или отдѣльнымъ выраженіямъ. Окажемъ къ слову автора уваженіе, заслуженное его горячею вѣрою и любовью къ истинѣ.

Педезэръ, какъ мы сказали, высоко цѣнитъ св. Отцовъ, ихъ творенія, ихъ подвиги и еще болѣе ту *цѣльность* души и характера, ту совершенную гармонію *вѣры* и *дѣлъ*, *настроенія* и *жизни*, которую мы, повидимому, давно утратили и которая составляла отличительную черту этихъ великихъ, какъ выражается нашъ авторъ, *героевъ Евангелія*.

„Если глубочайшая особенность христіанства, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что оно—религія *вѣчности*, то основною добродѣтелью св. Отцовъ слѣдуетъ считать ихъ взглядъ на себя, какъ на *пришельцевъ и странниковъ на землѣ*. Одно дѣло—*вѣрить* въ жизнь безконечную, и другое—объ этомъ постоянно думать, и къ этому всегда готовиться. Мысль о вѣчности потому и наполняетъ ихъ творенія, что она наполняла ихъ души. Именно это постоянное размышленіе, это напряженное созерцаніе жизни будущаго вѣка и поддерживало въ нихъ мужество, и вдохновляло ихъ на подвиги и жертвы. Что значили для нихъ блага и бѣдствія настоящей жизни, по сравненію съ безконечнымъ блаженствомъ и вѣчными муками жизни за-

гробной? Вѣрѣ своей, цѣльной и живой, обязаны св. Отцы умѣньемъ такъ прекрасно умирать. Лишить себя жизни, поясняетъ Педезэръ, не значитъ прекрасно умереть. Раскрыть себѣ жилу, сидя въ ваннѣ, пронзить грудь, прочтя Федона... Съ мастерствомъ настоящаго художника Педезэръ сближаетъ два міра, одинъ умиравшій, и въ смерти искавшій успокоенія, другой, только что нарождавшійся, и въ смерти почерпавшій необъятныя силы для жизни...

Языческая древность не имѣла иныхъ помышленій, какъ только о здѣшней жизни; въ самой ея религіи не было поставлено иныхъ цѣлей, кромѣ земныхъ; въ этихъ вѣрованіяхъ никогда не было ни заботы, ни даже отвлеченнаго интереса къ судьбѣ умершихъ душъ. Христіанство зародило въ человѣкѣ новыя мысли. Смерть дотолѣ была концомъ, теперь она стала *началомъ*. Ждать въ мирѣ послѣдняго часа и радостно, легко, съ упованіемъ въ сердцѣ, отойти—вотъ, что значитъ прекрасно умереть, и такъ умирали св. Отцы. Жизнь земная получила назначеніе не исчерпать, не истощить, но лишь подготовить судьбы человѣческія къ условіямъ какого-то новаго существованія. И этой задачѣ посвятили себя св. Отцы.

Отсюда властное очарованіе ихъ златотканной прозы, гдѣ каждая страница—перлъ поэзіи, гдѣ каждая строка—глубина мысли, гдѣ каждая буква—откровеніе какой-то новой, *преображенной* жизни... Что-то страстное, жгучее и совсѣмъ неземное слышится въ этихъ звукахъ:

Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья...

И ихъ слезы—безъ горечи, и ихъ радость—всецѣлая...

„Какой изгнанникъ, проповѣдывали св. Отцы, не спѣшитъ вернуться въ свое отечество? Какой мореплаватель не пожелаетъ, чтобы попутный вѣтеръ позволилъ ему въ скорости вновь увидать дорогихъ его сердцу? Вѣдь рай—наша отчизна, и сами патріархи породнились съ нами. Чего-же мы медлимъ, почему не бѣжимъ къ нашему дому, къ возлюбленнымъ нашимъ? Тамъ ожидаютъ насъ всѣ дорогіе наши; тамъ воздыхаетъ по насъ, спокойное уже за собственное спасеніе, великое множество нашихъ родныхъ, нашихъ братьевъ, нашихъ дѣтей. Увидать ихъ, обнять—какая это радость для нихъ и для насъ! Какое счастье возобладать небомъ, не боясь вновь умереть, и какое безконечное блаженство вѣчно жить! Тамъ сонмъ прославленныхъ

апостоловъ, тамъ лики торжествующихъ пророковъ; тамъ неисчисли-мое множество мучениковъ, увѣнчанныхъ за подвиги и побѣды; тамъ дѣвы, воздержаніемъ укротившія желанія плоти, тамъ милостивые, вознагражденные за свою щедрость, за то, что, послушные слову сво-его Владыки, собрали себѣ сокровища на небесахъ. Возлюбленные братья! Будемъ желать, станемъ горячо молить, чтобы скоро, скоро быть намъ со всѣми ими и отойти ко Христу“ (св. Кипріанъ Карѳагенскій).

Также мудрствовалъ св. Іоаннъ Златоустъ и другіе. Позволимъ себѣ теперь спросить: указанное настроеніе представляетъ-ли вѣко-вѣчную *необходимую* черту въ христіанствѣ, или только *моментъ* въ исторіи христіанства, моментъ удивительный, великій, святой; моментъ, передъ которымъ невозможно не преклониться, но повторить который мы безсильны и даже, можетъ быть, *немножко не хотимъ повторять*? Въ подчеркнутыхъ словахъ и заключается вопросъ. Это нашъ *лич-ный* вопросъ. Его не ставитъ Педезэръ. *Нужно-ли*, *желательно-ли*, такое напряженное устремленіе мысли и воли къ странѣ, откуда никто еще не возвращался? Можно-ли, не отказываясь отъ хри-стіанства, мыслить и жить *иначе*, нежели мыслили и жили св. Отцы, или необходимо признать, что въ высокомъ, но нѣсколько односто-ронненъ пониманіи христіанства, св. Отцы еще не выразили всей полноты истины? Предстоитъ ли человѣчеству застыть въ теперешнемъ лицемѣріемъ *двоевѣріи*, или логика исторіи приведетъ наконецъ, христіанское сознаніе къ постиженію необходимости, къ дѣятельной жаждѣ новыхъ углубленій мысли, новыхъ подвиговъ воли, къ этой старой, болѣе всего другаго необходимой любви къ истинѣ, любви къ человѣку, любви къ Богу, Котораго мы не можемъ, окончательно, забыть, но и не умѣемъ, кажется, искать?

Мы не беремся отвѣчать на эти вопросы. Напомнимъ только, что *близость конца* въ первые вѣка христіанства казалась несомнѣн-ною. Часъ кончины для каждаго смертнаго всегда близокъ, но одно дѣло прилѣпляться къ мысли о смерти, думая только о себѣ, иное дѣло—ждать конца для *всѣхъ*. Именно въ заботѣ *о другихъ* св. Отцы призывали мысль и волю человѣческую въ страну, гдѣ нѣтъ ни болѣз-ней, ни печалей, ни воздыханій...

Но грѣшный міръ стоялъ неподвижно. Проходили годы, вѣка. Напряженность ожиданія не могла не ослабѣть. Живыя письмена пре-

данія, убѣдительныя не силою отвлеченной діалектики, но трепетомъ жизни, въ нихъ заключавшейся,—экстазомъ вѣры, переливавшейся черезъ край логическихъ формулъ, неистощимостью любви, покорявшей гордый разумъ, умягчавшей злобу сердца—мало-по-малу поблѣднѣли, стерлись, умерли и безъ возврата... Осталась *буква*, которая „не пользуетъ ни мало". Она окостенѣла въ подозрительной рукѣ средневѣковой схоластики. Исчезла вѣра, но тѣмъ рѣзче выступили грани формулъ. Изсякла любовь, но тѣмъ болѣе усилилась ревность... Настали гоненія, пролилась кровь, но теперь не отъ руки невѣрныхъ, и эта вторично пролитая за Христа кровь ничего не воскресила. Реакція въ христіанскомъ мірѣ сталовилась психологическою необходимостью, и она наступила тѣмъ рѣшительнѣе, тѣмъ грубѣе, чѣмъ насильственнѣе были средства, которыми думали достигать загробныхъ цѣлей... *J'ai lu vos pères, ils me le payeront!* *) сказалъ Вольтеръ, и вмѣсто призывной трубы послѣдняго суда, раздался смѣхъ фарисейскаго философа, этотъ злой, холодящій душу смѣхъ озлобленнаго человѣка, который слишкомъ много страдалъ, чтобы что-нибудь забыть, слишкомъ много перепесъ, чтобы найти въ измученномъ сердцѣ великодушіе прощать. И слишкомъ, можетъ быть, мало былъ любимъ, чтобы научиться полюбить...

Мы напоминаемъ всѣмъ извѣстные факты, но рѣчь не о томъ, *что было*. Великій вопросъ будущаго: найдемъ-ли въ себѣ достаточно мужества, чтобы оцѣнить положеніе? Что есть путь нашъ? Куда пойдемъ, никѣмъ теперь не принуждаемые? Что выберемъ въ своей свободѣ? То, что есть? Хуже? Лучше?

Своимъ величіемъ, своею святостью, своею побѣдою надъ язычествомъ св. Отцы обязаны *искренности* и глубокой честности своихъ убѣжденій. Они были *строго логичны* въ своемъ взглядѣ на *земное* существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ смотрѣли они на бракъ, семью, науку, искусство, промышленность, на все то, что составляетъ дѣйствительное, серьезное содержаніе нашей жизни, безъ чего, по общему сознанію, невозможна цивилизація, немыслима исторія, безъ чего человѣку пришлось-бы вновь задуматься надъ смертью, но не такъ, какъ задумывались св. Отцы, а какъ *тогда*, читая Федона, садясь въ ванну съ лапцетомъ въ рукѣ, не находя въ усталомъ сердцѣ

*) Я прочелъ вашихъ Отцовъ. Не дешево имъ это обойдется!

никакого восторга, никакой любви, не будучи даже способнымъ на конвульсивный порывъ Леопарди съ его *gentilezza del morir*...

II.

Какъ и слѣдовало ожидать, на *бракъ* св. Отцы смотрятъ не весьма благосклонно, „La morale des Pères, меланхолически замѣчаетъ Педезэръ, est noble, mais outrée“ *). Она („мораль“) требуетъ невозможнаго и такое требованіе, по мнѣнію нашего автора, не только безполезно, но прямо гибельно. Вѣдь это же внѣ сомнѣній, разсуждаетъ онъ, что бракъ былъ установленъ самимъ Богомъ, и если Творецъ міровъ сдѣлалъ его необходимымъ, то Богъ христіанства сдѣлалъ его священнымъ. Не такъ, по мнѣнію Педезэра, мудрствуютъ св. Отцы. Да, говорятъ они, Богъ, конечно, дозволилъ бракъ, но по той же причинѣ, по какой позднѣе Моисей дозволилъ разводъ — по жестокосердію нашему, по немощи грѣшной плоти. Бракъ — снисхожденіе къ человѣческимъ слабостямъ, и далеко не все дозволенное можетъ быть одобрено Богомъ. „Лучше жениться, чѣмъ разжигаться, но насколько было-бы лучше, замѣчаетъ *Тертулліанъ*, и не жениться, и не разжигаться (At enim quanto melius est neque nubere, neque uri!)! Конечно, въ крайности лучше остаться съ однимъ глазомъ, чѣмъ быть вовсе слѣпымъ, но нужно искать не меньшаго зла, а положительнаго добра. Не сказалъ-ли намъ Спаситель, что, смотрящій на женщину съ вожделѣніемъ—прелюбодѣйствуетъ съ нею въ сердцѣ своемъ? Но какъ иначе, какъ не съ вожделѣніемъ можетъ смотрѣть мужъ на жену свою, и та на него? Конечно, законъ дѣлаетъ различіе между бракомъ и любодѣяніемъ, но имъ не устраняется одинаковость чувствъ и дѣйствій...“

Св. Ириней также думаетъ, что разрѣшеніе брака послѣдовало по той-же причинѣ, въ силу которой былъ дозволенъ разводъ. Это былъ актъ снисхожденія къ немощнымъ, чтобы не довести ихъ до отчаянія и тѣмъ окончательно не отвратить отъ Бога.

Бл. Августинъ согласился-бы, пожалуй, признать за бракомъ ту хорошую сторону, что актъ дѣторожденія даетъ возможность „восполнять число святыхъ“, но *наслажденіе*, сопутствующее достиженію

*) Мораль св. Отцовъ благородна, но преувеличена.

указанной доброй цѣли, во всякомъ случаѣ есть плодъ грѣха, такъ какъ знаменитому Отцу Западной Церкви не кажется, чтобы по замыслу Творца, въ условіяхъ первопачальной эдемской чистоты, не было возможно нѣкое *духовное* общеніе супруговъ, не менѣе плодотворное, не менѣе достигающее цѣлей супружескаго единенія, но свободное отъ слабости чувственности и обличающаго грѣховность таковой чувства стыда. Одинъ изъ западныхъ богослововъ позднѣйшаго времени *(о. Вентура)*, развивая мысль бл. Августина, высказывалъ даже сожалѣніе, что продолженіе рода въ человѣчествѣ невозможно, какъ въ нѣкоторой части растительнаго царства, безъ взаимнаго участія двухъ половъ...

Св. Амвросій въ общемъ держится тѣхъ же воззрѣній. „Такъ прекрасна дѣвственность, что даже львы удивляются ей (tantum habet virginitas admirationis, ut eam etiam leones mirentur). Наше настоящее состояніе—то, въ которомъ мы родимся, которое получили отъ Творца, а не то, къ которому приводитъ бракъ".

Бл. Іеронимъ еще рѣшительнѣе склоняется въ сторону аскетическихъ идеаловъ. Напоминая VII гл. перваго посланія къ Коринѳянамъ, онъ говоритъ: „Если не прикасаться къ женщинѣ — добро, то, очевидно, прикасаться къ ней—зло, ибо противоположность добра не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ зломъ" (Si bonum est mulierem non tangere, malum est ergo tangere, nihil enim bono contrarium, nisi malum). Онъ напоминаетъ заповѣдь Апостола: непрестанно молиться, а исполненіе супружескихъ обязанностей препятствуетъ молитвѣ. Но вѣдь и сонъ препятствуетъ молитвѣ? Да, отвѣчаетъ бл. Іеронимъ, но сонъ есть состояніе невинности, которую тщетно было-бы искать въ первомъ случаѣ. Онъ ставитъ далѣе на видъ, что заповѣдь: „растите и множитеся" приводится въ исполненіе „*послѣ* рая, наготы и смоковничьихъ листьевъ, знаменующихъ брачное похотѣніе... Ева въ раю была *дѣвою*"... Въ другомъ мѣстѣ бл. Іеронимъ горячо убѣждаетъ молодую вдову не налагать на себя ярма новыхъ супружескихъ узъ. „Ты познала печали супружества. Насладившись брашнами до пресыщенія, ты наконецъ почувствовала горечь поднявшейся желчи, ты извергла смертоносную снѣдь, ты облегчила переполненное чрево, зачѣмъ же ты хочешь, спрашиваетъ онъ, примѣняясь къ извѣстному слова Апостола (II Петр., 3, 2), послѣдовать за псомъ, котораго тянетъ вернуться на свою блевотину"?..

Очень лестно для покойнаго супруга, замѣчаетъ Педезэръ.

„Привѣтъ тебѣ изъ глубины души, восклицаетъ св. Григорій Назіанзинъ, о дѣвственность, даръ Божій, источникъ истинныхъ благъ, мать невинности и счастья".

Поражаютъ глубиною мысли св. Климента Александрійскаго. Онъ не думаетъ, чтобы нужно было угождать Богу исключительно аскетическими подвигами. Онъ находитъ, что стяжать вѣнецъ добродѣтели можно и въ превратностяхъ семейной жизни. Геніальный представитель александрійской школы съ особою силою развиваетъ эти мысли въ сочиненіи „Какой богачъ спасется?"

„Гдѣ, спрашиваетъ онъ (беремъ это мѣсто изъ „Православнаго Обозрѣнія" за 1883 годъ, стр. 225), труднѣе угодить Богу: живя-ли въ мірѣ, семейною жизнью и, слѣдовательно, будучи обремененнымъ заботами не объ одномъ только себѣ (memento: „загробный эгоизмъ" К. П. Леонтьевъ), но и о членахъ своего семейства, заботами не о личномъ спасеніи только, но и своихъ домочадцевъ, или—отказавшись отъ міра и семьи, и сосредоточивая все свое вниманіе, всѣ заботы исключительно на одномъ себѣ?.. Насколько первый, заключаетъ мудрый учитель Церкви, долженъ быть *выше аскетовъ!*" Въ другомъ сочиненіи св. Климентъ высказываетъ такую мысль: „*обѣ* святы о Господѣ, а эта—какъ жена, та—какъ дѣвственница". Въ боговдохновенныхъ твореніяхъ того же святаго автора находятся еще слѣдующія строки: „Мы приспособлены для брака, какъ явствуетъ изъ природы мужчины и женщины, и такъ: жениться—добро, и правъ будетъ тотъ, кто сдѣлаетъ это ради отчизны, ради дѣтей, ради совершенствованія міра, поскольку чрезъ нихъ таковое зависитъ отъ насъ".

Эти мысли—можно ли запретить уму восхищаться ими?—не составляли одинокаго мнѣнія великаго свѣтильника Церкви. Въ твореніяхъ Златоуста, св. Григорія Богослова и др. врядъ-ли можно найти что-либо противорѣчащее этому, какъ можно-бы думать, вполнѣ здравому и истинно святому ученію, но... не будемъ забывать, что Оригенъ—удивительнѣйшее явленіе христіанства, *ученикъ* св. Климента Александрійскаго—не только не былъ признанъ святымъ, но былъ *проклятъ* на соборѣ...

И этотъ фактъ представляется тѣмъ болѣе значительнымъ, что по нѣкоторымъ пунктамъ онъ только *продолжалъ* своего великаго учителя. Такъ, врядъ ли можно сомнѣваться, что самая опасная ересь

Оригена—мысль, будто *все и вся* спасется, будто угроза *вѣчныхъ* мукъ должна раствориться въ плѣнительной, но увы! анаоематствованной идеѣ *абсолютной* гармоніи—врядъ-ли, говорю, можно сомнѣваться въ томъ, что эта мысль отчасти была навѣяна великодушнымъ сердцемъ и свѣтлымъ міровоззрѣніемъ самого св. Климента Александрійскаго, полагавшаго, повидимому, что безконечная благость Божія не безсильна спасти *всякаго, всегда, вездѣ,* не только на землѣ, но и въ аду, ибо „Онъ Тотъ же и на землѣ и во адѣ, и во времени и въ вѣчности“. Очень замѣчательно вмѣстѣ съ тѣмъ, что идея о возстаніи всѣхъ“, о *всеобщемъ* спасеніи, не исключая даже демоновъ и сатаны, если тѣ *захотятъ* спастись“, въ особенности возмущала бл. Іеронима, столь непавистно относившагося, какъ мы видѣли, къ браку. Въ этой идеѣ, по мнѣнію названнаго Отца, есть что-то нелѣпое и въ высшей степени несправедливое. Пусть вообразятъ себѣ цѣлыя тысячелѣтія геенскихъ мученій, но, если въ концѣ концовъ все сведется на нѣтъ, что толку? Между дѣвственницею и жертвою „libidinum publicorum“ не будетъ никакой разницы? Отецъ, какъ извѣстно, охотно приникалъ мыслью къ вещамъ, отъ которыхъ съ негодованіемъ отвращалась его плоть, и въ этой психологической черточкѣ, быть можетъ дающей указаніе на неопознанный еще законъ *равновѣсія силъ,* Недезэръ склоненъ видѣть своего рода „отмщеніе природы“ (une revanche de la nature)... Нѣкоторая распущенность мысли и слова, при безусловномъ цѣломудріи жизни, дѣла, факта, *и обратно*—вотъ тайна, вскрытіе которой можетъ быть перепутаетъ когда-нибудь всѣ наши представленія о людяхъ, въ особенности тѣхъ, которые преимущественно мыслили, писали, говорили... Но вернемся къ поставленной на разрѣшеніе нашей проблемѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это такъ? Праведная *Лиза* „Дворянскаго гнѣзда“ очутится въ одной компаніи съ многогрѣшной *Соней Мармеладовой* („Преступленіе и наказаніе“)? .

Мы не думаемъ, чтобы отвѣтъ на этотъ вопросъ представлялъ непреодолимую трудность, если проникнуться духомъ безконечнаго милосердія евангельской истины, но, съ другой стороны, мы не сомнѣваемся въ нашемъ правѣ констатировать совершенно, на нашъ взглядъ, непререкаемый *фактъ*. Расцвѣтъ христіанской мысли сопровождался ясно выраженною *двойственностью* настроенія. Существовали, очевидно, *два теченія* въ христіанскомъ обществѣ. Каждое имѣло своихъ горячихъ приверженцевъ и высоко-даровитыхъ защитниковъ,

каждое такъ или иначе отразилось на ученіи и практикѣ Церкви. Идетъ-ли рѣчь о загробномъ воздаяніи, ставится-ли вопросъ объ отношеніяхъ св. Отцовъ къ браку—всюду найдемъ эту *двойственность* взгляда на вещи.

Спрашивается теперь: какой изъ этихъ двухъ взглядовъ—не рѣшаемся сказать *окончательно* восторжествовалъ,—но несомнѣнно *возобладалъ* на протяженіи многихъ вѣковъ христіанской исторіи? Не будемъ выходить изъ рамокъ затронутаго вопроса *о бракѣ*. Оставимъ въ сторонѣ такіе факты, какъ обязательность целибата у духовенства Западной Церкви, допущеніе только одного брака у нашего, особый чинъ вѣнчанія для второбрачныхъ, эпитемія, налагаемая на вступающихъ въ третій бракъ, и пр. и пр. Не будемъ недоумѣвать, какъ это случилось съ однимъ молодымъ, но чрезвычайно благочестивымъ священникомъ: зачѣмъ положена очистительная молитва *„по внегда родити жена“*? Въ чадородіи есть ли какая „скверна“?... *) Остановимся вотъ на чемъ. Вникалъ-ли кто въ *Послѣдованіе вѣнчанія*? Вслушивался-ли, вчитывался-ли въ положенныя для этого чина молитвы, старался-ли вникнуть въ ихъ конструкцію, въ ихъ духъ? Не замѣчалъ-ли, какъ много въ нихъ *библейскаго, старо-завѣтнаго*, и какъ мало въ нихъ чисто *евангельскаго, оригинально-христіанскаго*?.. Неизсякаемый источникъ вдохновенія и поэтическаго творчества какъ бы изсякъ, какъ бы отказалъ въ своихъ благодатныхъ струяхъ для центральнѣйшаго пункта земнаго человѣческаго существованія... Бракъ, дѣторожденіе, дѣти, *ихъ* первый лепетъ, *ихъ* ласка,—ласка и улыбка ангеловъ,—*ихъ* радости и ихъ *страданія*, при видѣ коихъ чья вѣра не поколеблется, чей духъ не изнеможетъ? И, слѣдовательно, какое другое поприще могло-бы быть такъ благодарно для проявленія подвиговъ величайшей святости? Этотъ огромный міръ, по неисто-щимости содержанія, по безднѣ самыхъ тонкихъ движеній души, въ немъ заключенныхъ, этотъ, повторяю, *центральнѣйшій* пунктъ земнаго существованія, какъ бы замолчанъ, обойденъ, забытъ, пренебре-

*) Напомнимъ, что, по Хомякову, церковное *таинство* брака—*„грѣшное и вещественное облекаетъ въ праведность и чистоту“*. Очевидно, такъ же понималъ дѣло и уважаемый молодой пастырь. Отсюда недоумѣніе: настоитъ-ли надобность въ новомъ освященіи „грѣшнаго и вещественнаго“, заключающагося въ *слѣдствіи* уже разъ навсегда освященной, разрѣшенной, отпущенной *причины*? Не сказывается-ли тутъ чувство нѣкоторой затаенной *брезгливости*, безсознательно, можетъ быть, унаслѣдованной отъ бл. Іеронима и его единомышленниковъ? *Авт.*

BIBLIOTHÈQUE RUSSE

женъ, ибо естественно, онъ не могъ входить въ святые горизонты сирійскихъ пустынь и уединенія Аѳонской горы, откуда излилась на міръ благоухающая поэзія и философская мудрость христіанскаго созерцанія... Въ то время, какъ силы христіанскаго Запада, сбиваясь мало-по-малу съ пути, окончательно сосредоточились на устроеніи *царства отъ міра сего*, на организаціи церковной *государственности*, съ ея боевыми дружинами монашествующихъ орденовъ, съ ея абсолютизмомъ центральной власти, съ ея нивелирующею дисциплиною, съ ея притязаніями на вселенское владычество—въ то время христіанскій Востокъ, не измѣняя іоты въ полученномъ сокровищѣ апостольскаго преданія, устроялъ дѣло *монастыря*, но до времени, *только* одного монастыря...

Что мы хотимъ этимъ сказать? Усомнимся-ли, что Марія „благую часть избрала“? Станемъ-ли сожалѣть, что все, что было сильнаго въ христіанствѣ, отдалось служенію аскетическимъ идеаламъ? Нѣтъ! Но нужно, мнѣ кажется, какое-то *упорство слѣпоты*, чтобы не замѣчать размѣра бѣдствія, или нужно безконечное *равнодушіе* къ судьбамъ со всѣхъ сторонъ потопляемаго корабля христіанства, чтобы ни о чемъ не хотѣть догадаться, чтобы въ отчаяніи не вспомнить, что есть еще *путь Маѳы*, этой милой Маѳы, которая *пеклась и молвила о многъ*, которая для насъ, *мірскихъ*, такъ близка, понятна и дорога... Отвергнутъ-ли указанный путь Господомъ? Возбраненъ-ли онъ Церковью? Нѣтъ, но онъ затерялся въ дебряхъ „вѣры безвѣрной“ и жизни, разбившейся на множество безсмысленныхъ существованій, разрозненныхъ, одинокихъ, безсильныхъ что-нибудь предпринять, что-нибудь *сдѣлать*... Не будемъ забывать, что созерцательные восторги сирійскихъ пустынь и аѳонскаго уединенія отлились въ прочную жизненную *организацію*... Но какой восторгъ, что святое вдохновеніе *организуетъ* полуразсыпавшуюся храмину современной полухристіанской, полуязыческой семьи? Вѣдь храмина эта—*домашняя Церковь*, по слову Апостола, и ея *лѣпота* не стоитъ-ли даже великихъ подвиговъ истинно-церковныхъ людей?...

Нужно очень благодарить тѣхъ немногихъ, которые отъ времени до времени напоминаютъ о *приходѣ*, о приходской *организаціи*, но этому дѣланію не должно-ли предшествовать воскрешеніе *православныхъ братствъ*, сослужившихъ уже такую добрую службу въ нашей исторіи? Въ самомъ дѣлѣ, что такое православное братство въ идеѣ,

какъ не *соборъ „домашнихъ церквей“*, пожалуй совпадающій съ географическими границами прихода, но собираемый и обусловливаемый не количествомъ столькихъ-то душъ, не размѣромъ территоріи, но *внутреннею* потребностью, сердечнымъ исканіемъ царствія Божія и правды Его, непреодолимою жаждою *„пути Маріи“*?

Мы даемъ только намекъ на *возможность выхода*; не трудно было-бы развить эти мысли, но сознана-ли *необходимость* выхода? Почувствована-ли *тоска* по пути Маріи? Согласятся-ли признать, что одинъ „путь Маріи“ не раскрылъ еще всей полноты христіанской истины, что ея живительные лучи не коснулись огромнаго міра, центръ котораго—*дѣти*, о которыхъ Спаситель сказалъ: „блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ“... Вотъ эту одну заповѣдь принять-бы не только въ сердце, но и осуществить на дѣлѣ, при томъ окончательно, всесовершенно, такъ, что, если-бы и самъ Спаситель пришелъ на землю и спросилъ: что-же вы *сдѣлали*, рабы лукавые и лѣнивые?—„Вотъ, Господи! *Одна* заповѣдь,—но бо̀льшаго уже сдѣлать невозможно, ибо въ смерти властенъ Ты, а свѣтлѣе жизни этихъ ангеловъ на землѣ еще не бывало“... Ну, что если-бы... рискнуть въ видѣ опыта, такъ, чтобы *научно*, *точнымъ образомъ*, *экспериментальнымъ путемъ* доказать, что въ Евангеліи даны идеалы *практически неосуществимые*? А что, какъ окажется, что они осуществимы? Но, конечно, нуженъ для этого восторгъ, необходимо вдохновенье... Ахъ, еслибы ихъ можно было создавать, какъ создаются у насъ „штаты“!..

Вернемся еще на минуту къ нашей книгѣ.

Торговля, промышленность, искусство, краски, звуки, формы, все, что тѣшитъ взоръ, ласкаетъ слухъ, по мнѣнію Педезэра, подвергалось суровой критикѣ св. Отцовъ. Они какъ-бы забывали, что и лилія полевая, болѣе прекрасная, чѣмъ Соломонъ во всей славѣ своей, и сочные плоды, и ароматы цвѣтовъ, и пѣніе птицъ, и блескъ свѣтилъ небесныхъ, и красота моря—все создано Творцомъ. Красота и радость вышли изъ рая! А бракъ въ Канѣ Галилейской? Въ чудѣ претворенія вина не возобновлено-ли, не *подчеркнуто-ли* самимъ Спасителемъ благословеніе Божіе на всякую чистую радость въ мірѣ? И станутъ говорить, что радость жизни можетъ быть не угодною Богу! Да какая иная хвала Творцу такъ прекрасна, такъ смиренна, такъ свята, если не та, что вылилась отъ избытка счастья? Блаженство

тамъ, блаженство безъ конца—какъ хорошо!.. Но почему и не *здѣсь* также? И если въ мірѣ такъ мало радости, почему отвращаться отъ той, которая *есть*, которая дана? Но нѣтъ, аскетическій идеалъ, чтобы остаться вѣрнымъ себѣ, хотѣлъ-бы на-ново, по-своему передѣлать и человѣка, и міръ. Прочь смѣлая инициатива, плодотворный замыселъ, блестящіе подвиги! Не нужно ни Праксителя, ни Фидія, ни Рафаэля, ни Рубенса, ни Бетховена, ни Моцарта, а бѣдный Колумбъ только смѣшенъ съ своимъ жалкимъ открытіемъ... Это, впрочемъ, не значитъ,—оговаривается Педезэръ,—чтобы сердца св. Отцовъ были закрыты для прекраснаго, великаго, достойнаго славы. Были и у нихъ свои грезы счастья, свои видѣнія, свои восторги. Ихъ очи созерцали красоту, передъ которою наша, можетъ быть, блѣднѣетъ. Слухъ ихъ наслаждался гармоніей, которой здѣсь не услыхать. Были и у нихъ минуты экстаза—и какая это была поэзія!..

„Какой изгнанникъ,—повторимъ еще разъ этотъ полный вдохновенія и поэзіи призывъ св. Отцовъ,—не спѣшитъ вернуться въ свое отечество? Какой мореплаватель не пожелаетъ, чтобы попутный вѣтеръ позволилъ ему въ скорости вновь увидать дорогихъ его сердцу? Вѣдь рай наша отчизна, и сами патріархи породнились съ нами. Чего-же мы медлимъ, почему не бѣжимъ къ нашему дому, къ возлюбленнымъ нашимъ? Тамъ ожидаютъ насъ всѣ дорогіе наши; тамъ воздыхаетъ по насъ спокойное уже за собственное спасеніе, великое множество нашихъ родныхъ, нашихъ братьевъ, нашихъ дѣтей.—Увидать ихъ, обнять—какая это радость для нихъ и для насъ, какое счастье возобладать небомъ, не боясь вновь умереть, и какое безконечное блаженство вѣчно жить“!

Мы упиваемся успѣхами цивилизаціи, но не можемъ не замѣчать, что *внутри* современнаго человѣка все мало-по-малу меркнетъ. Св. Отцы мало заботились о земномъ, но за то сердца ихъ горѣли.

Возможно-ли примиреніе того, что есть истиннаго въ нашей цивилизаціи, съ устроеніемъ внутренняго человѣка въ духѣ и силѣ св. Отцовъ—вотъ проблема будущаго.

Во всякомъ случаѣ, нельзя подойти къ ея рѣшенію, не согласившись предварительно на томъ, что раздвоенность нашего полуязыческаго, полухристіанскаго существованія есть *непослѣдовательность*, въ которой нѣтъ ни красоты античнаго міра, ни святости

первыхъ христіанъ, ни истины, которой преимущественно хотѣли-бы служить новые вѣка. Ложная мудрость, призрачная жизнь...

На этомъ словѣ мы покинемъ нашего автора и его добросовѣстный трудъ—не правда-ли, съ *сожалѣніемъ*, не правда-ли, съ благодарностью?

Съ сожалѣніемъ о чемъ-то утраченномъ нами, что̀, можетъ быть, никогда, никогда болѣе не вернется; съ благодарностью, съ умиленіемъ передъ этими великими „героями Евангелія“, которыхъ зовутъ Отцами и Учителями Церкви...

IV.

Хотя первымъ поставившимъ здѣсь вопросъ о бракѣ и слѣдуетъ, какъ читатель уже видѣлъ, считать *Рцы*, но настоящій толчокъ спору далъ въ сущности В. В. Розановъ. До своего переѣзда въ Петербургъ этотъ авторъ напечаталъ нѣсколько очень цѣнныхъ и обширныхъ трудовъ по философіи и критикѣ, которые и создали ему довольно громкое имя, такъ какъ печатались въ такихъ солидныхъ изданіяхъ, какъ „Русскій Вѣстникъ“, „Вопросы философіи и психологіи“ и др. Но въ это время своего *провинціальнаго,* если такъ можно выразиться, творчества почтеннѣйшій Василій Васильевичъ ни однимъ словомъ не обмолвился ни о бракѣ, ни о полѣ. Ни въ изслѣдованіи „Цѣль человѣческой жизни“, ни даже въ громадномъ философскомъ трудѣ, трактатѣ „О понираніи“, гдѣ Розановымъ изслѣдованы чуть не всѣ стороны бытія и сдѣлана попытка установить твердыя границы человѣческаго знанія, о полѣ нѣтъ и помина. Вся эта область совершенно исключена; словно мысль автора никогда въ нее не залетала и надъ нею не останавливалась. Въ Петербургѣ наоборотъ В. В. Розановъ какъ-бы заболѣлъ этою темой Ему показалось, что онъ сдѣлалъ рядъ великихъ философскихъ открытій, и его мысль упорно заработала въ этомъ скользкомъ и опасномъ направленіи.

Упорно вглядываясь умственнымъ взоромъ въ моментъ зарожденія человѣческаго существа и вдумываясь въ великую и

страшную тайну воплощенія новой души, по его характерному выраженію „завивающейся въ матерію изъ премірныхъ высотъ“, В. В. Розановъ увидалъ въ этомъ моментѣ непрерывно продолжающагося творчества все средоточіе религіи, философіи и морали. При чрезвычайно сильномъ воображеніи, огромной эрудиціи и живомъ искреннемъ изложеніи, разумѣется, подъ перомъ В. В. Розанова стало слагаться цѣлое ученіе, котораго по весьма понятнымъ причинамъ уже не могли „вмѣстить“ толстые и благочестивые журналы. Писатель, котораго охотно печатали органы самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ „Сѣвернаго Вѣстника“ до „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Гражданина“, оказался въ затрудненіи,—гдѣ изложить свою новую теорію и повѣдать міру о своихъ открытіяхъ. Приходилось перебѣгать изъ газеты въ газету, чтобы кое-какъ протиснуть фельетонъ или статью, излагающую ту или иную часть грандіозной схемы. Такъ, статьи: „Кроткій демонизмъ“, „Смыслъ аскетизма“ и „Изъ загадокъ человѣческой природы“ были помѣщены въ „Новомъ Времени“ *), „Сѣмя и жизнь“ и „Женщина передъ великою задачею“—въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ **) писалъ В. В. Розановъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ писалъ послѣ закрытія „Русскаго Труда“ даже въ „Гражданинѣ“.

Направился онъ между прочимъ и ко мнѣ. Огромная статья и даже съ иллюстраціями излагала самую суть новаго ученія. Я не рѣшился ее печатать въ виду слишкомъ уже откровенной постановки вопроса и выводовъ, болѣе чѣмъ щекотливыхъ. Не знаю, нашла-ли себѣ эта статья подходящій органъ, но „Русскій Трудъ“ Василій Васильевичъ уловилъ на другомъ.

Онъ принесъ мнѣ свою переписку съ протоіереемъ С—скаго собора о. А. У—скимъ, сообщивъ для напечатанія подлинныя письма послѣдняго, а себѣ оставивъ лишь комментаріи и реплики. Какъ увидитъ читатель, эта переписка необыкновенно содержательна и любопытна, а духовный санъ и высшее богословское образованіе о. У—скаго снимали съ меня заранѣе значительную долю редакторской отвѣтственности.

*) №№ 7806 и 7846 за 1897 годъ и 7978 за 1898.

**) №№ отъ 29 ноября 1897 и отъ 1 и 3 мая 1898 г.

Однако, соглашаясь печатать эту переписку, я предупредилъ Василія Васильевича, что буду не только безпощаднымъ цензоромъ и редакторомъ, но и обставлю его и его собесѣдника слова самыми рѣзкими полемическими примѣчаніями. Надо воздать должное терпимости и снисхожденію обоихъ авторовъ. Мои примѣчанія, какъ увидитъ читатель, переходили за границу простой вѣжливости и, однако, не навлекли на меня даже нареканій. Увы! Эти нареканія явились съ другой стороны, со стороны нѣкоторыхъ строгихъ читателей... Но я все таки былъ очень доволенъ, помѣстивъ переписку, такъ какъ она вызвала нѣсколько очень цѣнныхъ и глубокихъ разъясненій со стороны лицъ, которыя безъ этого вѣроятно даже не подумали-бы писать о бракѣ и полѣ.

Теперь прошу читателя ознакомиться съ перепиской г. Розанова и о. протоіерея У—скаго, а также съ моими къ ней редакціонными примѣчаніями.

Бракъ и христіанство.

I.

Въ рядѣ статей въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ *) мнѣ пришлось, оспаривая нѣкоторыя ходячія мнѣнія, высказаться утвердительно о красугольномъ камнѣ бытія человѣческаго—*семьѣ*, и о таинственномъ родникѣ, изъ коего и вокругъ коего она образуется. Я былъ такъ счастливъ, что мысли мои нашли отзвукъ, и, какъ увидитъ читатель, онѣ даже дали нѣкоторый плодъ, вызвавъ такія формулы вопроса, какія мнѣ не приходили на языкъ и которыя, именно какъ выраженія, какъ формулы, я считаю высоко цѣнными. Въ сущности умственно, духовно, субъективно не можетъ быть колебанія въ этомъ вопросѣ; и метафизическія, и этическія соображенія твердо устанавливаютъ священность семьи; требуютъ, взываютъ о религіозной санкціи сюда;

*) Приведены выше въ моемъ объясненіи.

но есть великія затрудненія выразить эти метафизическія и этическія соображенія въ словѣ: тутъ можетъ быть случай, удача, когда вдругъ нужное слово, какъ „огненный языкъ“, разрѣшаетъ тучу нависшихъ и еще не прорвавшихся, но умѣющихъ прорваться, мыслей.

Желаніе подѣлиться этими формулами,—пусть сказавшимися кратко, афоризмически,—но выражающими великія и отдаленныя чаянія человѣческаго сердца, побуждаетъ меня къ нескромности: предать печати четыре частныя письма русскаго священника, такъ и этакъ, но касающіяся великаго идеала: какъ построить христіанскую семью? Какъ ощутить семью не номинально, но реально—религіозною? Не въ томъ помѣ, которое ее предваряетъ, но въ той res, въ которой она существуетъ и течетъ.

Поводомъ къ письмамъ моего почтеннаго корреспондента послужило слѣдующее: едва была напечатана въ № „Нов. Вр.“, отъ 31 декабря 97 г., статья моя „Смыслъ аскетизма“, какъ въ № 3 „Церковныхъ Вѣдомостей“, отъ 17 января 1898 г., явился обширный ся разборъ; „Христіанскій аскетизмъ и ложныя сужденія о немъ“ г. Мих. Сменцовскаго; по научному содержанію,—всегда основательному у духовныхъ писателей,—эта статья заслуживала-бы разбора; но, къ сожалѣнію, дурной тонъ, допущенный ея авторомъ въ концѣ статьи, и явное непониманіе имъ моей мысли понудили меня удержаться отъ отвѣта. Я наблюлъ только, и считаю нужнымъ отмѣтить это, скопческую у автора тенденцію: именно, разбирая мое указаніе на видѣнія Іезекіиля и ап. Іоанна четырехъ мистическихъ животныхъ, изъ коихъ у одного „лице было какъ-бы дѣвы“ (такое именно лицо я вижу, по крайней мѣрѣ, нерѣдко, въ храмовыхъ изображеніяхъ), г. Сменцовскій яростно отринулъ это утвержденіе: не „дѣвы“, но „человѣческое“. Однако, „дѣвы“ или „юноши“ было это лицо—оно было которымъ нибудь изъ нихъ, если было „человѣческое“; и яростное, дважды повторенное, въ текстѣ и примѣчаніи, отрицаніе: „не дѣвы“ есть именно та ярость „ложно толкуемаго аскетизма“, которая бросаетъ нашихъ скопцовъ къ ихъ печальной операціи „надъ дѣвами“. Этой точки зрѣнія, отдаленно и косвенно скопческой: уничиженія дѣвства, уничиженія пола въ человѣкѣ—я не хотѣлъ, не могъ принять; оспариванію этой точки зрѣнія на аскетизмъ посвящена была моя, такъ дурно понятая и въ дурномъ смыслѣ перетолкованная, статья „Смыслъ аскетизма“.

Въ началѣ февраля 98 г., зайдя въ редакцію „Новаго Времени“, я получилъ отъ ея секретаря слѣдующую записку-вопросъ:

Покорнѣйше и усерднѣйше прошу Уважаемую Редакцію сообщить мнѣ адресъ сотрудника „Новаго Времени“ В. В. Розанова, автора фельетона „Смыслъ аскетизма“, помѣщеннаго въ „Новомъ Времени“ отъ 31 декабря 1897 года.

На отвѣтъ прилагаю семикопеечную марку.

Съ полнымъ уваженіемъ остаюсь С—скій Соборный Протоіерей Александръ Ус—скій.

30 января 1898 г.

Признаюсь, не безъ тревожнаго ожиданія, что мнѣ предстоитъ приватно выслушать обвиненія, подобныя тѣмъ, какія печатно сдѣлалъ г. Смецовскій, я далъ требуемый адресъ; но не вездѣ, гдѣ мы ожидаемъ ямы, мы находимъ ее: я имѣлъ утѣшеніе получить слѣдующее письмо:

„11 февраля 1898 г. Досточтимѣйшій Василій Васильевичъ! Пользуясь настоящимъ случаемъ, чтобы прежде всего засвидѣтельствовать Вамъ искреннюю и глубокую признательность за многіе часы истиннаго удовольствія и наслажденія, испытанные мной при чтеніи Вашихъ сочиненій. Первою попалась въ мои руки Ваша брошюра „Мѣсто христіанства въ исторіи“, наполнившая мою душу неописаннымъ восторгомъ. Затѣмъ я познакомился съ Вашей обширной книгой „О пониманіи“, которая съ тѣхъ поръ стала моею настольною книгою. Читалъ я еще рядъ Вашихъ статей, въ которыхъ Вы изложили историческіе взгляды К. Леонтьева *), и статьи въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“ **). Такъ что я уже давно принадлежу къ числу Вашихъ молчаливыхъ поклонниковъ и давно уже собирался отыскать Вашъ адресъ, въ намѣреніи обратиться къ Вамъ съ однимъ предложеніемъ или, правильнѣе, съ просьбою. Но дѣло откладывалось. Непосредственнымъ побужденіемъ написать Вамъ въ настоящій разъ послужила критика „Церковныхъ Вѣдомостей“ на Вашъ фельетонъ

---

*) „Эстетическое пониманіе исторіи“ — въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1892 годъ. январь—апрѣль.

**) „Замѣтки о важнѣйшихъ теченіяхъ русской философской мысли“, 1890 г., кн. III; „О борьбѣ съ Западомъ, въ связи съ литературною дѣятельностью одного изъ славянофиловъ“, 1890, кн. IV; и „Цѣль человѣческой жизни“, 1892 г., книги XIV и XV „Вопросовъ Философіи и Психологіи“.

„Смыслъ аскетизма". Меня поразило извращеніе Вашихъ мыслей статьею „Церковныхъ Вѣдомостей", и вотъ я, не имѣя ни силъ, ни возможности защищать Васъ въ печати, рѣшился хотя письмомъ высказать Вамъ свое сочувствіе и одобреніе. Я имѣю въ виду Вашу основную мысль касательно основъ аскетизма *). Позвольте заявить похвалу Вашей наблюдательности въ разсматриваемой Вами области, поблагодарить Васъ за отвагу и смѣлость высказать свой взглядъ въ печати и засвидѣтельствовать Вамъ о моей полной солидарности съ Вами въ Вашей основной мысли. Вы высказали такую мысль, которой принадлежитъ развитіе и будущность, и которая должна будетъ освѣтить и уяснить нѣкоторые непонятные досель пункты и стороны аскетической и святой жизни (напр. споръ варлаамитовъ и паламитовъ о фаворскомъ свѣтѣ, сіяніи на лицѣ Моисея послѣ полученія имъ

*) Моя основная мысль заключалась въ томъ, что аскетизмъ религіозный не имѣетъ ничего общаго въ тенденціяхъ и существѣ съ скопческою надеждою „внити въ Царствіе Божіе безполымъ, и при условіи безполости, существомъ". Аскетизмъ есть родъ плотскаго молчанія, налагаемаго на себя человѣкомъ не иначе, т.-е. не въ иныхъ надеждахъ и не съ инымъ смысломъ, какъ и *обѣтъ молчанія*, столь обыкновенный въ монастыряхъ; углубляется внутреннее слово, когда умолкаетъ внѣшнее; просвѣтляется, озаряется сердечное глаголаніе, когда нѣтъ пустой базарной болтовни. Великіе молчальники суть не только монастырскіе аскеты: ими были великіе мудрецы, великіе въ подвигѣ именно слова, когда оно нужно и благовременно. Вообще, всѣ виды молчанія, плоти-ли, устъ-ли имѣютъ значеніе великаго сосредоточенія, собиранія человѣка внутрь себя. Въ частности, аскетизмъ плоти имѣетъ то значеніе, что никому острота плоти и высота ея смысла не бываетъ такъ открыта, какъ именно аскетамъ: не бѣлый священникъ, но аскетъ Никаноръ первый ополчился въ защиту брака противъ идей, высказанныхъ въ „Крейцеровой сонатѣ" Толстымъ; не безъ удивленія, какъ радующее подтвержденіе своихъ мыслей объ аскетизмѣ, я прочелъ, въ № 13 „Русскаго Труда", слѣдующія слова знаменитаго Порфирія Успенскаго, высказанныя имъ въ бесѣдѣ съ митрополитомъ Филаретомъ: „Достойно вниманія, что аѳонскіе отшельники, не пускающіе женщинъ на св. Гору свою, любили изображать въ своихъ церквахъ семейныя добродѣтели и занятія. Представляю вамъ примѣры: Іоакимъ и Анна угощаютъ левитовъ и священниковъ, пѣстуютъ Марію и любуются Ею. Пресвятая Дѣва слушаетъ благовѣстіе Архангела съ веретеномъ въ рукахъ, прядущая червленицу для храма. Спаситель и Матерь Его присутствуютъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской. Апостолы Петръ и Павелъ обнимаются и лобызаются послѣ примиренія. Весьма семейна икона Богоматери, питающей Младенца Своего сосцомъ *обнаженнымъ* (курс. автора). Умилителенъ образъ Ея, называемый *Сладкое цѣлованіе* (курс. автора),— *Γλυκοφιλοῦσα*: Матерь и Сынъ лобызаютъ другъ друга. Эти картины и иконы внушили мнѣ мысль дать новое направленіе церковной живописи, такъ чтобы она была семейная и общественная, а не монашеская только. Домашнія добродѣтели и общественныя доблести послужатъ превосходными и назидательными предметами для храмовой живописи" и проч. („Русскій Трудъ" № 13. за 98 г., стр. 12). Какъ „умное молчаніе" не есть „безсловесность" презрѣніе или отрицаніе существа „слова": такъ „молчаніе плоти" не есть ея „некорененіе", ни даже простая къ ней „вражда". *Прим. В. Розанова.*

скрижалей Завѣта и т. под.). Что касается 4-хъ частныхъ пунктовъ *) критики, то, конечно, въ этихъ пунктахъ Вы лишь только допустили недоговоры и маленькіе недосмотры. Когда это мое письмо будетъ принято Вами благосклонно, то въ слѣдующемъ обращусь къ Вамъ съ своею просьбою. Вашъ давнишній почитатель, С—ій соборный протоіей А. Ус—скій".

---

*) Отвѣтъ, коего я не могъ дать г. Сменцовскому, охотно даю г. Ус—му: 1) Соломонъ совершалъ въ самомъ началѣ царствованія куренія *на высотахъ* (мое утвержденіе), но не по сирофиникійскому ритуалу (возраженіе г. Сменцовскаго). Въ трехъ-двухъ строчкахъ и могъ бросить лишь намекъ, по его дальнимъ развитіемъ служатъ, такъ мало постигнутыя историками, всѣ страницы четырехъ *Книгъ царствъ*, съ ихъ неумолчною скорбью-негодованіемъ: „Поклонялись (Евреи) Господу, но поклонялись и... сирофиникійскимъ божествамъ". Изъ этой скорби ясно открывается, что въ классическій и творческо-религіозный періодъ своей исторіи (пророки) Евреи находились въ какомъ-то явномъ недоумѣніи о Лицѣ Поклоняемомъ, и какъ-то въ чемъ-то сбиваясь, то поклонялись по-еврейски, то по-тирски, по-сидонски: какъ-бы мы, сбиваясь изъ раціонализма въ мистицизмъ, и обратно, тамъ и здѣсь все-таки исповѣдуемъ одно. Фактъ этотъ безспоренъ, и негодованіе пророковъ такъ-же мало указуетъ отсутствіе родства между іудаизмомъ и сирофиникійскими культами, какъ мало о „не христіанскомъ", „анти христіанскомъ" содержаніи штунды свидѣтельствуютъ миссіонерскіе, „христіанскіе противъ штунды" съѣзды. Была разница въ имени Лица Поклоняемаго; въ тембрѣ и колоритѣ самаго поклоненія (большая и меньшая страстность); но не въ природѣ, какъ Теизма, такъ и Лица Поклоняемаго, которое здѣсь и тамъ оставалось: „Сый" (откровеніе Моисею). „Огнь поѣдающій" (Богъ о Себѣ—въ *Исходѣ*), „Богъ ревнующій" (тамъ же) Иначе какъ близостью и, такъ сказать, двоюродностью всѣхъ исповѣдывавшихся въ Сиріи и Финикіи культовъ нельзя объяснить какъ этой явной сбивчивости, такъ и построенія храма Іеговѣ (Соломонова храма) финикійскими мастерами, которые, не спрашивая Соломона, уже знали, Кому и какъ построить „домъ молитвы"; ни, наконецъ, слѣдующаго поразительнаго восклицанія Іезекіиля, бросившаго Тиру слова *Божіи*: „Ты былъ помазаннымъ Херувимомъ", „Ты—въ саду Божіемъ", „Ты совершенъ былъ въ путяхъ твоихъ со дня сотворенія твоего" (глава 28), Поклоненіе Соломона „на высотахъ" есть только подробность въ этомъ непрерывномъ почти-сліяніи іудаизма и финикійства; правдоподобность, что онъ совершилъ поклоненіе „по сиро-финикійскому ритуалу", свидѣтельствуется вызовомъ для построенія храма финикійскихъ мастеровъ, какъ-бы мы вызывали, при Грозномъ, „флорентійскихъ художниковъ", и уже никакъ, для построенія Василія Блаженнаго, не могли-бы позвать художниковъ изъ магометанскаго Константинополя или брамнискаго Бенареса. Такимъ образомъ, г. Сменцовскій явно не понялъ великой проблемы, которую ему предлежало-бы объяснить, и на которую я лишь намекнулъ.—2) Св. Юстинъ—философъ „хвалитъ Платона не за то, что онъ проповѣдуетъ безуміе въ любви, а за то, что онъ согласно съ ветхозавѣтными пророками учитъ о Единомъ Богѣ, о воскресеніи и судѣ". Ссылокъ на согласіе съ пророками, о коихъ ничего Платонъ не зналъ, мы не находимъ въ его діалогахъ: но это согласіе есть фактъ, нами наблюдаемый, и который наблюдается параллельно со ссылкою Платона въ „Тимеѣ", что „мы. Эллины—дѣти въ познаніи природы вещей, 'коего глубь и великая дѣдина находится въ Египтѣ" (куда Платонъ и совершилъ путешествіе, гдѣ онъ научился). Такимъ образомъ открывается идентичность ветхозавѣтныхъ Пророковъ, Египетскаго ученія и философскихъ доктринъ

II.

Читатель да не посѣтуетъ, что ради немногихъ безцѣннаго значенія строкъ—я печатаю, какъ обстановку ихъ, эти письма; кой что не относящееся къ темѣ, выраженной въ заголовкѣ статьи, интересно въ другихъ отношеніяхъ. Получивъ письмо, вышенапечатанное, съ выраженіемъ сочувствія моимъ утвердительнымъ мыслямъ о полѣ, я почувствовалъ къ автору его горячую признательность по одной особенной причинѣ: по сознанію опасности темы, по сознанію огромнаго риска, который я дѣлалъ, начиная говорить о ней, ставя самую тему, опредѣляя ее, подчеркивая ее.

Оцѣломудрить человѣчество!.. двѣ тысячи лѣтъ это понимается какъ *отвергнуть* полъ, *уничтожить* его; и никто не догадывается, что *это* именно и есть cadence пола, его загрязненіе, его развращеніе. Вдумаемся въ предметъ. Вдумаемся въ себя, въ обстановку своихъ дѣйствій. Вотъ—„жена“ („да будетъ имя ей не Сара, *госпожа*, но Сар—ра, *высокая жена*“. *Бытіе*), и вотъ—„наложница“. Какая

Платона — тема для размышленія богослова, какъ и философа. Но для моей темы особенно было важно указать, что самостоятельно возвысившійся до богооткровенныхъ истинъ философъ есть въ то же время авторъ діалоговъ: „Федръ“ и „Пиръ“, и характернаго требованія, мною приведеннаго, относительно чувственной любви. Св. Юстинъ—философъ не могъ бы высказать одобренія „Федру“ или „Пиру“, но не по какой иной причинѣ, какъ что „закрылись уже очи его“ на ту связь между религіозностью и чувственностью, какую постигъ умомъ, и вѣроятно непосредственно въ себѣ ощутилъ греческій философъ —3) „Не знаемъ, на какихъ основаніяхъ г. Розановъ устанавливаетъ подобную мнимую связь апокалипсическихъ животныхъ съ египетскими“... На тѣхъ *зрительныхъ* основаніяхъ, что если въ Апокалипсисѣ написано „левъ“ и въ египетскихъ изображеніяхъ нарисовано „левъ“ же, то я читаю: „левъ и левъ“; равно: „орелъ и орелъ“, „быкъ и быкъ“, лицо „какъ бы человѣческое“ и „какъ бы человѣческое“ (не всегда вовсе дѣвы: есть сфинксы мужскіе). Г-ну Сменцовскому мучительно, а мнѣ радостно видѣть христіанство въ средоточіи всемірнаго теизма; и моего Господа—чаемымъ въ „языкахъ и странахъ“. Онъ не наблюлъ въ самомъ Евангеліи, его тусклое воображеніе не поразило, не потрясло, что вѣдь таинственные „волхвы съ Востока“, руководимые „звѣздою“, которые пришли и поклонились „рождшемуся Богу“, поклонились конечно, нашему, но немножко и *нaъ* Богу, *ими* исповѣдуемому, у *нихъ* чаявшемуся „на Востокѣ“, т. е. именно въ Месопотаміи, именно на Нилѣ, –куда, кстати, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ бѣжала и Богоматерь.—4) Іовъ не сказалъ приписанныхъ ему мною словъ: „Дыханіе мое опротивѣло женѣ моей, и я долженъ умолять ее ради дѣтей чрева моего“, т. е. что на гноищѣ реальное супружество Іова не прекратилось, и это не помѣшало ему быть „праведнымъ, благочестивымъ“ и „лучшимъ всѣхъ людей передъ очами Господними“. Но слова эти текстуально см. на стр. 638 (стихъ 17, гл. 19) синодальнаго изданія „Библіи или книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта“. Спб. 1892 г. *Прим. В. Розанова.*

ихъ разница? Да разница въ нашемъ къ нимъ отношеніи: что беря обѣихъ въ полѣ,—мы беремъ одну съ тяжелодумной серьезностью, религіозно; и другую—играя, свѣтски. Т.-е. нѣкоторый *плюсъ* нашего отношенія къ полу начинаетъ семью, открываетъ въ женщинѣ жену; и нѣкоторый *минусъ* этого же отношенія начинаетъ „свѣтскую связь“—преобразуетъ, низводитъ, сбрасываетъ женщину до „наложницы“. Вотъ альфа постиженія всего дѣла. Продолжимъ опытъ. Вынемъ изъ отношенія къ полу поэзію, которая еще играетъ въ свѣтской связи: нѣтъ уже ничего здѣсь духовнаго; „полный разрывъ плоти и духа“ достигнутъ—и въ оставшейся физіологіи, теперь отвратительной, мы читаемъ всѣ черты ужаса проституціи. Вотъ ея родина; вотъ ея „камень“, который „бысть во главу зданія“ современнаго Вавилона. Нѣтъ не только священнаго въ отношеніи къ полу, нѣтъ шутки, игры; духъ вынутъ, и умершее тѣло пола заражаетъ зловоніемъ своего разложенія цивилизацію. Какъ отсюда подняться?—По ступенямъ, по которымъ мы низошли сюда. Внесемъ въ образъ смерти лучъ духа; вотъ, мы играемъ, шутимъ:

Посмотри—въ тѣни мелькаетъ
Русая головка
. . . . . .
Ты не спишь плутовка...

и эта теплота отношенія возстановляетъ проститутку до относительной высоты любовницы.

Теперь грубость, оскорбленіе, уличное сквернословіе—недопустимо; духъ, внесенный сюда, гонитъ вонъ все это. Но игра эта есть временное, и пѣснь о „русой головкѣ“—оборвется. Мы ищемъ прочнѣйшаго: беря за руку „русую головку“, мы идемъ къ предстоятелю Божію и говоримъ: „благослови, соедини“, „дай намъ Бога—возведи насъ къ Богу“. Какъ только это сказано, т.-е. какъ только, безъ перемѣны функціи, почувствовалась въ ней религія,—романъ исчезъ, и началась семья. Пѣсенъ нѣтъ уже—есть нѣчто болѣе серьезное: „соблюди ее, сохрани ее“; „соблюдитесь другъ другу въ вѣрности“; „и въ болѣзняхъ, и въ старости—даже до послѣдняго ея дыханія“, „прощайте другъ другу вины—и горькое-ли, сладкое-ли вкушайте все вмѣстѣ, ничего не относя одинъ отъ другаго“. Здѣсь взятъ полъ-же и для пола: но онъ насыщенъ атмосферою священства.

Мы получаемъ бракъ въ прочности и правильности священно-юридическаго института. Все-ли конечно здѣсь? Только начато! Дайте намъ бракъ—*исполненный*, семью—*исполненную*; дайте *священное исполненіе* великихъ завѣтовъ священника брачащимся, великихъ обѣтовъ брачащихся передъ священникомъ, какъ-бы передъ Богомъ; т.-е дайте намъ священство rei, а не священство nominis.

Ну, такъ всю эту полноту ощущенія, эту вздымающуюся грудь, эту готовность, эти слезы, это сіяніе души передъ алтаремъ—повторите и повторяйте во всѣ дни живота вашего даже до гроба! Никогда не имѣйте отношенія къ полу, какъ къ тѣлу, но всегда—какъ къ духу и духовное. Какъ это возможно? Не поражало-ли васъ: всякій духовный актъ, какъ вихрь, вовлекаетъ въ себя и тѣло. Мы говоримъ, и глаза наши горятъ; мать Самуила молилась, скорбѣла о безплодіи своемъ, „и щеки ея пылали, губы шевелились, но словъ не было слышно, такъ что первосвященникъ подумалъ: не пьяная-ли она". Мы воздѣваемъ руки, подымаемъ брови, нахмуриваемъ лобъ; и тѣло движется вслѣдъ за движеніемъ души. Что за таинственная связь? Радостнѣйшая связь, показывающая, что тѣла наши не извержены изъ милости Божіей, изъ круга спасенія; что Онъ призрѣлъ и на тѣлесное наше смиреніе (обѣтованіе тѣлеснаго воскресенія: „оживутъ кости", „облекутся плотью", хотя безспорно они суть плодъ плотскаго соединенія), потребовалъ къ молитвѣ не одинъ „умъ" нашъ, но и руки, уста, грудь, взоръ...

Какая глубина въ этомъ словѣ „взоръ": вѣдь тутъ—глазное яблоко, одна, казалось-бы, физіологія: но въ этой „физіологіи" есть скорбь, есть безутѣшное—есть духъ, высоко-духовное, по коему мы и переименовываемъ анатомическое „глазное яблоко" въ почти религіозное—„взоръ". Но углубимъ-же преданность Богу, и дадимъ въ куреніе Ему всю суть насъ, сожжемъ Богомъ въ себѣ („Азъ есмь огнь поядающій"—см. *Исходъ*) послѣдній грѣхъ. Теперь мы „въ чертѣ Бога" не воздѣтыми руками, не шевелящимися руками, но „отъ вѣка и до вѣка", „до десятаго и сотаго, и тысячнаго поколѣнія", съ „дѣтьми, и внуками", съ „святою землею" нашего священнаго „Азъ есмь".

Вся мука, вся задача на землѣ религіи—стать реальною, *осуществиться*; соединимъ-же конецъ ея съ самымъ центромъ реализма въ себѣ, и уже на всю остальную жизнь она разольется сама собою

и свободно. Кто внимательно слѣдитъ за нашею мыслью, угадаетъ, что въ ней есть нѣкоторое подобіе таинственной и непсповѣдимой „лѣствицы“, которая была показана въ почномъ видѣніи первому во Израилѣ, отъ „чреслъ“ коего „потекли 12 колѣнъ“,—Іакову. Въ самомъ дѣлѣ, конецъ безспорно на землѣ; сама „мать земля“, „сырая земля“; и иной конецъ—какъ показываютъ великіе образы великихъ женъ, священныхъ женъ—ну, отъ понятной даже Шекспиру Дездемоны, отъ понятной всѣмъ Татьяны, до святой Рахили, и даже до таинства Вифлеема—безспорно въ себѣ. Это—безконечная гамма; но, странно, тогда какъ никого не пугаетъ нисхожденіе по ней, и мы уже спизошли до проституціи, именно потому, что мы такъ низко пизошли по ней, „стопмъ на землѣ и не видимъ неба“, насъ пугаетъ не это стояніе, но обратный поворотъ къ небу. „Съ такою-то землею“, „съ этою тяжестью долу“—мы пойдемъ къ Богу? Но развѣ Богъ не превозмогаетъ всякій грѣхъ и самая „земля“, что обездушеннымъ трупомъ лежитъ передъ нами, не всегда была такова и даже вовсе не такова въ таинственной и скрытой своей природѣ? Ее ищите; ее разрывайте; и проще, конкретнѣе: отъ „потеряпной женщины“— ну, хоть восходите къ наложницѣ; но оставьте и ее—идите къ женѣ; и, наконецъ, свято почувствуйте жену, полноту вашего передъ нею долга. Какъ просто, какая азбука! Но азбука страшитъ младенцевъ, еще не приступившихъ къ ней, и имъ кажется это погруженіе святыни, „священства“ въ зараженный уже сейчасъ источникъ, отъ коего всѣ пьютъ и не могутъ не пить,—не его „очищеніемъ“, но „погубленіемъ святыни“. Но старый опытный священникъ знаетъ, что дѣлаетъ, надѣвая эпитрахиль, беря святую воду и крестъ: онъ погружаетъ его въ колодезь, „куда пала дохлая кошка“.

— „Теперь, православные—пейте безбоязненно“...

Но подвигъ вѣры, на васъ дѣйствующій, скоро ли будетъ замѣченъ? „Онъ смѣшалъ небо съ землею“, „онъ заразилъ всякую въ землѣ святыню“, до сихъ поръ въ чистотѣ лежавшую и въ сторонѣ отъ нашей скорби и грѣха“. Боже, какъ будто суть, таинственная суть христіанства и не лежитъ именно въ этомъ смѣшеніи, замѣшиваніи; какъ будто не Христосъ наверху „лѣствицы“ простираетъ къ человѣку руки: какъ будто не этою именно лѣствицею Онъ сошелъ на землю! И мы, въ самомъ дѣлѣ, дѣлаемъ маленькое толкованіе; это вѣдь Іаковъ видѣлъ во снѣ Спасителя; а лѣствица—это и есть

Богоматерь, омега во Израилѣ, увидѣнная или показанная тому, кто былъ позванъ стать альфою въ немъ.

Въ письмѣ къ почтенному священнику я выразилъ полноту тревогъ и опасеній монхъ; и полноту—мотивовъ, прося сохранить письмо. Вотъ его отвѣтъ:

* * *

Многоуважаемый В. В.

Глубоко благодарю Васъ за письмо. Буду хранить его, какъ драгоцѣнность. А теперь простите, если я своей безцеремонной навязчивостью нѣсколько нарушу обычное теченіе Вашихъ мыслей.

Поводомъ къ моей просьбѣ послужило Ваше собственное замѣчаніе, высказанное Вами въ предисловіи къ ряду статей по истолкованію мыслей К. Леонтьева. Тамъ Вы сказали, что ранѣе Вы не слыхали и имени этого писателя, но что, когда Вамъ попали въ руки его сочиненія, Вы были пріятно удивлены свѣтлостью его взглядовъ и рѣшились привести ихъ въ систему. Такъ вотъ, мнѣ хочется предложить Вамъ новую работу въ томъ-же родѣ, а именно, познакомить свѣтское русское общество съ сочиненіями и взглядами другаго малоизвѣстнаго русскаго писателя, Александра Матѳеевича Бухарева, бывшаго архимандрита Ѳеодора. Не говоря уже о свѣтскомъ обществѣ, этотъ писатель даже и въ средѣ духовенства не только не пользуется популярностью, но даже простою извѣстностью. Вотъ, я, напримѣръ, прошелъ всю духовную школу, отъ нижняго края до высшаго, и что же? Ни одинъ учитель духовнаго училища, ни одинъ наставникъ семинаріи, ни одинъ профессоръ духовной академіи ни разу, ни полсловомъ не обмолвился о Бухаревѣ. При жизни его считали писателемъ неудобопонятнымъ, а послѣ смерти стали называть мистикомъ. При томъ, монахи намѣренно замалчиваютъ его существованіе, въ его оригинальной и замѣчательной судьбѣ находя какъ бы укоръ и посрамленіе монашеству. А между тѣмъ, что это за свѣтлая личность! И какія чудныя, неподражаемыя идеи проповѣдывалъ онъ! Это единственный у насъ на Руси богословскій писатель, который не скользитъ только по поверхности христіанства, а опускается въ самую глубь и суть его. Въ настоящее время, при пробуждающемся въ свѣтскомъ обществѣ интересѣ къ религіознымъ вопросамъ, писанія

Бухарева незамѣнимы для послѣдняго. Возьмите во вниманіе хотя одно заглавіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр.: „О православіи въ отношеніи къ современности“, „О современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни, особенно русской“. Вѣдь только тотъ, „кто мертвъ душой и спитъ умомъ“, можетъ равнодушно пройти мимо этихъ заглавій! Когда же Вы возьмете въ руки эти книги, то убѣдитесь, что заглавія эти не одна вывѣска и не для краснаго словца только поставлены.

Я самъ по окончаніи академическаго курса питалъ надежду изучить сочиненія Бухарева и написать относительно ихъ изслѣдованіе. Но эта задача оказалась для меня слишкомъ непосильною. И вотъ, съ тѣхъ поръ я ищу, кому бы передать мнѣ мою завѣтную мечту. Обращаюсь къ Вамъ. Попробуйте познакомиться съ сочиненіями Бухарева. Можетъ быть, Вы заинтересуетесь ими и дадите о нихъ рядъ блестящихъ статей, подобно тому, какъ это Вы сдѣлали съ сочиненіями К. Леонтьева. Многія сочиненія Бухарева можно найти въ книжномъ магазинѣ П. Л. Тузова. Прежде были они и въ магазинѣ Овсянникова, Гостиный дворъ, № 17. Нужно только имѣть въ виду, что одни изъ нихъ надписаны именемъ архимандрита Осодора, а другія—именемъ А. Бухарева.

Для первоначальнаго ознакомленія съ личностью и характеристикой Бухарева потрудитесь прочитать въ апрѣльской книжкѣ „Православнаго Собесѣдника“ за 1896 годъ статью проф. Знаменскаго „Печальное двадцатипятилѣтіе“, затѣмъ въ его же „Исторіи Казанской Дух. Академіи“, выпускъ I-й, 1891 г., страницы 124—136, 176—180; выпускъ II-й, 1892 г., стр. 205—221, 388, и 389, и еще въ „Русской Старинѣ“ за мартъ 1897 года статью „Консисторскій судъ надъ Бухаревымъ“.

Ласкаю себя надеждою, что рекомендую Вамъ писателя, который придется Вамъ по вкусу. Если же этого послѣдняго не случится, или если Вы уже знакомы съ нимъ, то великодушно простите меня, извинивъ меня тѣмъ, что мое предложеніе Вамъ исходитъ отъ преискренняго желанія напомнить своимъ соотечественникамъ объ имени такъ незаслуженно забытаго писателя, къ сочиненіямъ котораго самъ я прибѣгаю всякій разъ, какъ только почувствую оскудѣніе духа, или черствость и жестокость по отношенію къ своимъ ближнимъ.

Вашъ горячій поклонникъ С—скій соборный протоіерей *Александръ У—скій.*

4 Марта 1898 года.

* * *

Свѣдѣнія о Бухаревѣ пробудили во мнѣ живѣйшій порывъ познакомиться съ нимъ; но „въ скорби нашихъ дней“ мы даемъ едва минуты духу, ибо все остальное время не то чтобы „работаемъ тѣлу“, но прокормляемъ“ грѣшную сію немощь, которую несемъ до могилы. Чувство обязанности литературной исполнить предложенное вызвало во мнѣ сейчасъ же отвѣтъ, что этого исполненія я не могу дать ни сейчасъ, ни даже поздпѣе, ибо дни свободныхъ досуговъ, когда писались обширныя статьи, какъ о Леонтьевѣ, по всему вѣроятію, навсегда для меня окончились. Взамѣнъ я предложилъ самому ему исполнить эту тему, и онъ мнѣ отвѣчалъ:

Многоуважаемый В. В.

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ Вы писали, что Вамъ некогда заняться Бухаревымъ. Но, должно быть, въ нынѣшнія времена у всѣхъ достаточно дѣла. Вотъ и я все собирался написать Вамъ поподробнѣе о немъ, но увы! не удосужился, и теперь пишу для того лишь, чтобы сказать, что мнѣ надолго предстоитъ необходимость забыть о всякихъ Бухаревыхъ. Прошу Васъ еще разъ великодушно простить меня за доставленное Вамъ моею просьбою безпокойство.

Если достану брошюру проф. Знаменскаго о Бухаревѣ, пришлю Вамъ.

Продолжайте-же заниматься вопросомъ о бракѣ. Онъ стоитъ того. Въ этомъ вопросѣ я вполнѣ Вамъ сочувствую. Все, что Вы выскажете въ этомъ направленіи, будетъ и интересно, и поучительно.

Если опять когда соблаговолите написать мнѣ, то будьте любезны сообщить, какую должность теперь вы въ Петербургѣ занимаете.

Вашъ горячій почитатель, прот. *А. У—скій.*

IV.

Едва была напечатана въ „Нов. Вр.“ статья „Изъ загадокъ человѣческой природы“, гдѣ я указалъ на трансцедентный характеръ пола, какъ мой корреспондентъ отозвался слѣдующимъ письмомъ:

Многоуважаемый В. В.!

Глубоко благодарю Васъ за фельетоны *). Особенно важна, конечно, вторая половина. Ну, что за прелесть! Что за роскошь! Такъ и разцѣловалъ-бы Васъ за эту статью! Вѣдь Вы открываете своего рода Америку. Вѣдь вопросъ, Вами поднятый, это совершенно непочатая почва; это—область, куда еще не ступала нога христіанская; это первобытные, дѣвственные лѣса Америки, которыхъ еще не касалась сѣкира человѣческая. Да и посудите, кому-же было до сихъ поръ браться за рѣшеніе брачнаго вопроса съ точки зрѣнія христіанскаго міросозерцанія? Вѣдь вся наша христіанская догматика составлена монахами, или дѣйствительными, или фальсифицированными дѣвственниками, т. е. такими людьми, которые считали стыдомъ и грѣхомъ для себя даже только открывать ротъ, чтобы говорить о брачныхъ отношеніяхъ. Да, этотъ вопросъ именно ждалъ для своего рѣшенія такихъ работниковъ, которые-бы были и людьми женатыми, и вмѣстѣ съ тѣмъ „во главу угла“, въ „начало веселія своего“ полагали единственно, исключительно и непзмѣнно мысль о небесномъ Іерусалимѣ **); которые-бы на приглашеніе ихъ на вечерю Божію

*) Имѣю въ виду особенно фельетонъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, „Женщина передъ великою задачею“. Прим. пр. *У—скаго.*

**) Замѣчательна эта ссылка на Апокалипсисъ. Въ Апокалипсисѣ, и именно въ указываемомъ образѣ, дано и указано *удвоеніе* христіанства, и именно (какъ мы предполагаемъ)—разлитіе его на вторую область, сверхъ той одной аскетической, въ которой сейчасъ-же, подъ впечатлѣніемъ Голгоѳы, стало выражаться, фразироваться христіанство. И въ самомъ дѣлѣ, никакъ иначе, какъ въ смыслѣ *удвоенія*, нельзя понять апокалипсическихъ видѣній о *второмъ* Іерусалимѣ, сходящемъ съ неба, когда уже *одинъ* есть и стоитъ на землѣ, о *второмъ* „вѣчномъ Евангеліи“, пролетающемъ надъ землею, когда уже написано и держится въ рукахъ человѣчествомъ—первое. Мысль *удвоенія*, какого-то невѣроятнаго *расширенія* христіанской истины, очевидна изъ этихъ видѣній. Теперь вопросъ: куда, въ какую сферу возможно это расширеніе? Вчитаемся въ этотъ дивный образъ:

„И явилось на небѣ великое знаменіе: жена—облеченная въ солнце; подъ ногами ея—луна, и на головѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ.

„Она имѣла во чревѣ и кричала отъ болей и мукъ рожденія“ (Апокалипсисъ, гл. XII).

Какіе-бы комментаріи къ этому темному видѣнію мы ни дѣлали—его прямой смыслъ не можетъ быть оспоренъ, и онъ состоитъ въ томъ, что „рожденіе“, „рождающая“ есть центръ, очевидно мистическій и религіозный, кому какъ-бы поклоняются „солнце, луна и звѣзды“; здѣсь, до извѣстной степени, повторено видѣніе Іакова, но уже не въ отношеніи къ Іосифу и братьямъ его, утлому зачатку Израиля, но въ отно-

не отвѣчали дикимъ нелѣпымъ отказомъ: „жену поихъ и потому не могу прійти“, а, напротивъ, обращались къ Зовущему: „Господи, позволь мнѣ придти къ Тебѣ ужь и съ женою и съ дѣтками“ *).

шеніи къ какой-то небесной Евѣ, откуда пошелъ, „родился“ человѣческій родъ. Въ тоже самое время, какъ *противуположное* рожденію начало, указана смерть, и глава смерти—діаволъ. „И другое знаменіе явилось на небѣ: вотъ—большой красный драконъ съ седьмью головами и десятью рогами, и на головахъ его седьмь діадемъ (земные вѣнцы, земная похвала духу „отрицанія и небытія“; „вѣнчикъ святости“ который исхитилъ онъ для себя у человѣчества). Хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звѣздъ (онъ подобится, уподобляется святости „жены“) и повергъ ихъ на землю (загрязненіе, произведенное на землѣ отрицаніемъ „рождающей жены“). Драконъ сей сталъ передъ женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родитъ, *пожрать ея младенца* (дѣтоубійство, Продовъ варіантъ „исканія Христа“ черезъ „избіеніе“ въ себѣ—субъективное—или объективно, когда уже онъ рожденъ—*младенческаго существа*). Суть христіанства есть поклоненіе *Богу во младенцѣ* (чудотворныя иконы); суть антихристіанства, „древній Драконъ“—есть вражда, борьба противъ младенцевъ; запрещеніе имъ „играть во чревѣ передъ Господомъ“, какъ и выразила это старица-Елизавета передъ Маріею: „Величитъ душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Богѣ-Спасѣ моемъ: и откуда это мнѣ, что пришла Матерь Господа моего ко мнѣ?“ Замѣчательно это евангельское событіе: изъ него открывается, что первымъ апостоломъ, возвѣстившимъ Іисуса вселенной—и было „чрево матери“, уже совершенно земной и безъ небесныхъ отношеній, но въ которое былъ заключенъ „предтеча“ Господа. Однако, вернемся къ Апокалипсису: четыре животныхъ передъ престоломъ Божіимъ, „не имѣющія ни днемъ, ни ночью покоя, взывали: „святъ, святъ, святъ“ — каковы-бы опять ни были комментаріи къ нимъ, суть именно то, что о нихъ написано: „животныя“, нѣкоторое „животное“ смиреніе въ Космосѣ, позванное къ Агнцу, какъ и животныя стада встрѣтили и окружили „родившагося“ въ Виолеемѣ Бога. Всѣ эти многочисленныя, нами указываемыя черты, и которыя мы не можемъ-же признать поставленными „безъ разума“ въ Евангеліяхъ и Апокалипсисѣ, открываютъ тенденцію туда именно, куда и на что мы указываемъ—разлитіе христіанства въ кровь, въ семью, въ кровную „родственность“ человѣческихъ „стадъ“. Дабы „святое“ глаголовъ Іисусовыхъ вошло не въ книжную разработку („*книжники* и фарисеи“), но встало, пусть не связнымъ, но умиленнымъ лепетомъ младенчествующаго человѣчества, младенчествующаго въ свѣтѣ старости („мудрый, какъ змій и чистый, какъ дѣти“), и непосредственно сливающагося съ „лиліями полевыми“ и „птицами небесными“. *В. Р.*

*) Вотъ, вотъ слова—ради коихъ мы пишемъ эти комментаріи, и печатаемъ всѣ письма: Господи—возьми насъ вкупѣ, возьми въ той связи, которою мы затеплились во имя Твое на землѣ; возьми насъ въ родствѣ и смиренномъ несеніи тяготы другъ друга, которое мы совершили здѣсь въ веселіи и въ скорби. Я хочу Тебѣ поклониться не одинъ, какъ увядающая и безплодная смоковница, которую Ты проклялъ: но, принеся плодъ Тебѣ,—иду самъ другъ, уже старецъ и со старицею—женою, и съ дѣтьми, которыхъ мы научили на землѣ имени Твоему Святому, молитвѣ Тебѣ, и вотъ, теперь ихъ за руки подводимъ къ Престолу Твоему, дабы и на „вечери Твоей“ сидѣть рядомъ и согласными сердцами радоваться радостью, которую Ты уготовалъ вѣрнымъ Тебѣ. Это—совершенно новая концепція христіанства: поклоненіе Богу не въ темныхъ ризахъ аскетическаго отъединенія, но въ свѣтлыхъ ризахъ кровнаго соединенія. Конечно, мысль христіанства не только не искажается черезъ это, но черезъ это-то она и входитъ въ полноту. Однако—не искажается-ли? Но развѣ законъ у Христа Небеснаго—

У насъ на Руси, въ послѣднее время, я зналъ только двухъ такихъ работниковъ. Это Василій Андреевичъ Жуковскій и Александръ Матоесвичъ Бухаревъ. Но они дали только ничтожное зерно къ рѣше-

---

ной, чѣмъ у Христа въ земномъ Его образѣ? Вездѣ Онъ бралъ людей въ кровномъ соединеніи, и нигдѣ, ни разу не разорвалъ кровей ихъ: „не скорби, сестра: *братъ твой* Лазарь не умеръ, онъ—спитъ"—„Гдѣ вы положили дѣвицу?" спросилъ Онъ о *дочери* Іаира *). Въ этомъ, и только въ этомъ освѣщеніи понятны, законны и радостны становятся его бесѣды съ семи-мужнею Самаряпкою, прощеніе грѣшницы, слова о Хананеянкѣ, о Маріи Магдалинѣ: не осудивъ „блудницъ", кольми паче благословилъ онъ „женъ"! И опять только въ этомъ освѣщеніи понятны и законны станутъ нѣкоторыя Его слова: „блудницы и мытари впередъ васъ внидутъ въ царство небесное", „потерявшій душу свою — сбережетъ ее, а сберегающій —потеряетъ". Т. е. не говори, какъ скупецъ (и скопецъ): „духъ" „духъ мой" „тебя взыскую", но „взыскуй ближняго" даже цѣною потери этого „духа", и вотъ тутъ-то, когда ты думаешь, что „потерялъ" его—ты и „обрѣтаешь" его, даже сторицею какъ-бы выколосившееся зерно. Такимъ образомъ, начало собственно плоти и плотскаго человѣка къ человѣку „прилѣпленія" не только не враждебно Христу, но, можно сказать, что въ эту слѣпленность людскую Христосъ и вошелъ, какъ въ сѣнь Свою, вездѣ беря человѣка не въ сіяніи одеждъ его, не въ украшеніяхъ гроба, но въ радости семейнаго очага, у колыбели.... Только этотъ взглядъ, вводящій семью ко Христу, спасаетъ отъ колебаній и даже гибели само христіанство; ибо если начало „кровности" не входитъ въ христіанство, то наряду и около христіанства открывается возможность второй религіи, развивающейся изъ свѣта и теплоты „семейности" и изъ несокрушимости, а также изъ трансцендентности плотскихъ узъ. Или Христосъ есть брачный и брачущій Женихъ человѣчества (такъ Онъ и именовалъ Себя: „доколѣ женихъ съ ними — пусть будутъ свѣтлы"), или открывается возможность еще и притомъ противуположнаго Христа и, можетъ быть, тревога объ „антихристѣ", сейчасъ-же почувствовавшаяся въ христіанствѣ (собственно — въ Писаніи ея нѣтъ), какъ только оно ступило на аскетическую почву, имѣетъ здѣсь, въ этомъ истинномъ предчувствіи, для себя основаніе По этотъ, предчувствуемый „еще Христосъ" есть первый, сказавшій таинственныя слова: „вкусите плоти — и живы будете, испейте крови — въ жизнь вѣчную", которыя мы понимаемъ или какъ аллегорію, или какъ напоминаніе, когда они исполнены реализма и раскрываютъ существо Христа, какъ Бога плоти, какъ Господа „кровей". Христосъ и есть Сама Небесная Евхаристія; тотъ таинственный „опрѣснокъ", который повелѣно было Іудеямъ вкушать въ Пасху; „хлѣбъ животный"— какъ Онъ опредѣлилъ Себя, т.-е. плодъ зрѣлый, ниспавшій отъ Отческаго зерна, которое есть Сѣмя и Отецъ міра.

Замѣтимъ, что собственно всякая концепція христіанства становится правдоподобною, насколько она принимаетъ въ нѣдра свои кровную и слезную, скорбную

*) Позвольте! А это: „И сказали Ему: вотъ Матерь Твоя... и т. д. И отвѣчалъ имъ: кто Матерь Моя? И кто братья Мои? И обозрѣвъ сидящихъ вокругъ Себя говоритъ: вотъ Матерь Моя и братья Мои" (Маркъ III, 32—34)?

Затѣмъ, какъ объяснить совершенно опредѣленное положеніе Евангелія, что дѣвство *выше, духовнѣе* супружества и, какъ высшій подвигъ, дается лишь тѣмъ, кто можетъ вмѣстить? Не возвращаетъ-ли насъ В. В. Розановъ назадъ къ упраздненной христіанствомъ религіи плоти? *Авт.*

нію этого вопроса съ христіанской точки зрѣнія. Вы ударяете въ самый центръ, въ самую суть дѣла. О, пожалуйста, продолжайте работать надъ этимъ вопросомъ: право, онъ стоитъ того. Два Вашихъ фельетона (отъ 31 декабря „Смыслъ аскетизма“ и настоящій „Женщина передъ великою задачей“)—безсмертны и неумирающи; имъ предстоитъ будущность и развитіе. Смущаться нечего, что для многихъ Ваши мысли покажутся странными. Вѣдь всякая новая мысль казалась своимъ современникамъ странною. Между тѣмъ, нужно-же, чтобы кто-либо впервые провозгласилъ ту или иную новую мысль. Въ данномъ вопросѣ счастливая доля глашатая истины выпала на Васъ.

Теперь нѣсколько словъ о Бухаревѣ. Онъ кончилъ курсъ въ Московской д. академіи въ началѣ 40-хъ годовъ. Былъ послѣдовательно профессоромъ въ Московской и Казанской д. академіяхъ. Сряду, по окончаніи курса, принялъ монашество. Митрополитъ Филаретъ, смущавшійся своеобразіемъ его воззрѣній, перевелъ его въ Казань, а отсюда его вывели цензоромъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ началъ печатать толкованіе на Апокалипсисъ, но, по происками Аскочепскаго, печатаніе это было остановлено, и самое толкованіе его запрещено. Это обстоятельство такъ его поразило, что онъ счелъ неудобнымъ для себя продолжать далѣе пести на себѣ тяготу монашескаго послушанія и снялъ съ себя и санъ архимандрита, и обѣты монашества. Послѣ сего вступилъ въ законный бракъ, жилъ около 8 лѣтъ и померъ въ 1871 году, на 47-мъ году жизни. Жена его, Анна Сергѣевна, еще и доселѣ проживаетъ въ г. Переяславлѣ, Владимірской губерніи.

Главною, основною идеей, которую онъ проводилъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, была мысль о необходимости благодать и истину Христовы распространять на всѣ стороны, во всѣ слои человѣческой жизни, семейной, общественной, политической *). Въ наши дни,

---

человѣческую правду. Тутъ проходятъ такія глубины самоотреченія и деликатнаго прощенія, такую „Голгоѳу“ несетъ порою на себѣ человѣкъ, передъ которою всѣ аскетическіе „подвиги и упражненія“ въ „ядѣніяхъ“, „питіяхъ“ и „глаголаніяхъ“ представляются совершенно блѣдными. И весь этотъ духовнѣйшій подвигъ — около семьи и крови человѣческой, около младенца и колыбели его: отъ чего они и святы въ себѣ, священны (не касаемы) должны быть для человѣка. *В. Р.*

*) Собственно, это есть не столько даже нужда *жизни*, *практики* нашихъ дѣлъ (религіозное имъ освѣщеніе), сколько нужда для самого христіанства, которое доселѣ поставлено угломъ къ жизни и стоитъ „въ углу“, а не въ „серединѣ“ жизни; не дѣйствуетъ, а посему и не дѣйствительно (не осуществлено). *В. Р.*

когда мы имѣемъ подъ руками массу сочиненій Влад. С. Соловьева, П. Н. Пеплюева и подобныхъ, эта мысль для насъ не новость. Но первымъ ее провозгласилъ архимандритъ Оеодоръ, и это въ началѣ 50-хъ годовъ, когда безраздѣльно царствовалъ у насъ въ духовной литературѣ жестокій, подавляющій режимъ митрополита Филарета. Да, поистинѣ, Бухаревъ послужилъ тѣмъ „упавшимъ на землю“ и потому, конечно, всѣми забытымъ зерномъ современнаго пророческаго направленія въ русской публицистикѣ, которое (зерно) приноситъ на нашихъ глазахъ такой обильный, такой роскошный, заставляющій истинно радоваться, духовный плодъ. Правоту своихъ воззрѣній Бухаревъ хотѣлъ подтвердить своимъ собственнымъ поведеніемъ, снятіемъ съ себя монашества и вступленіемъ въ законный бракъ, сбивъ съ позиціи монополію монашества на спасеніе.

Но писалъ-ли что-нибудь Бухаревъ о существѣ брака, этого я Вамъ не умѣю сказать, такъ какъ весьма многихъ сочиненій Бухарева не только не читалъ, но и не видывалъ. Въ этомъ отношеніи нужно было-бы просмотрѣть его книги: „О св. апостолѣ Павлѣ“ и „О міротвореніи“. Но первой книги въ свое время я не нашелъ даже въ фундаментальной библіотекѣ Петербургской дух. акад. Нѣтъ ее и у Тузова. Что касается второй книги, то—когда я могъ-бы ознакомиться съ нею, ея у меня не было, а теперь мнѣ—рѣшительно некогда. На основаніи другихъ сочиненій его могу сказать, что онъ говорилъ о бракѣ съ нравственной точки зрѣнія, находя въ немъ отсвѣтъ *) духовнаго союза Христа съ Церковію.

---

*) Нужно замѣтить—„романъ“ въ бракѣ все исказилъ и запачкалъ, такъ что къ нему стало даже страшно подступить съ религіознымъ воззрѣніемъ; но какъ только мы возьмемъ его грубо и въ реализмѣ—трансцендентная и мистическая его природа сейчасъ выступитъ. Бракъ есть чадо-зачатіе, чадо-рожденіе, чадо-воспитаніе: изъ нихъ послѣднее, уже явно высокое и высокое для насъ, есть все-же меньшее;—оно раціонально. Какая-то Божія тайна, неразрѣшимая для всѣхъ средствъ науки, лежитъ въ чадо-вынашиваніи и чадо-рожденіи: но здѣсь человѣкъ есть сосудъ тайны, а еще не „таинотворецъ о чадѣ“. Чадо-зачатіе есть главный трансцендентно-мистическій актъ, гдѣ человѣкъ актомъ участія своего сводитъ душу съ до-мірныхъ высотъ и завиваетъ ее въ стихіи. Нельзя не видѣть въ актѣ этомъ еще продолжающагося и по сей часъ міротворенія; ибо міръ въ точности *еще* творится, *вновь* созидается въ каждомъ именно зачинаемомъ живомъ существѣ. Никогда и никѣмъ (наукою) не постигнутое существо жизни, „тайна жизни“, „тайна живаго бытія“ отъ того и не постигнуто, что стихіи: „азотъ“, „кислородъ“, куда завита жизнь—и земны, и раціональны, но „огонекъ“, въ нихъ завитый „душою живою“, точно писалъ „съ неба“, точно—не земной вовсе, и не стихійной природы. Мы какъ-то говорили объ аномаліяхъ въ полѣ: противу-естественныхъ (и часто не одолимыхъ) въ немъ влеченіяхъ, такъ мало и даже вовсе не разгаданныхъ;

Особенныхъ какихъ-либо сочиненій о бракѣ въ духовной литературѣ я не знаю. Да, кажется, рѣшительно никто еще не касался вопроса о бракѣ именно съ той стороны, съ которой Вы его разсматриваете. Въ свое время у меня была выписана изъ одной журнальной статьи небольшая тирадка, которая по своему значенію имѣетъ нѣкоторое, хотя и отдаленное, соприкосновеніе съ вашей мыслью. Переписываю ее для Васъ. Вотъ она: „Около половины XII в. Нов-

—

однако вдумаемся-же въ самый терминъ, который одинъ мы съумѣли прибрать къ непонятному явленію: подъ идетъ *противъ* естества, *рушитъ* его, намъ сколько-нибудь понятные, законы и обнаруживаетъ такое въ природѣ своей, что не отвѣчаетъ всѣмъ нашимъ понятіямъ о немъ и раскрываетъ его именно съ трансцендентной стороны. Можно сказать: дать удобопонятное объясненіе этимъ аномаліямъ значило-бы ввести понятное въ душу міра и, наконецъ, приблизиться къ разгадкѣ жизни на землѣ. Но остановимся-же на терминѣ *противу*-естественное и значитъ *вне*-естественное, *без*-законное т. е. нигдѣ-привходящее въ законы и естество „сего міра", -притомъ—ихъ отмѣняющее, одолѣвающее. Что-же это такое? Всегда почти это суть волненія, отмѣняющія законъ чадо-рожденія, и собственно его замѣщающее собою, т. е. ему эквивалентное. Эти тайны такъ жгутъ языкъ, что объ нихъ нельзя собственно говорить: и языкъ „прильпе къ гортани", и бумага подъ чернилами горитъ, тлѣетъ, проваливается. Наступаетъ—„ἄρρητος". Но вотъ кой-что и хоть въ формѣ намека: въ аномаліи, которую мы не смѣемъ назвать по имени, человѣкъ усиливается и дѣйствительно ухитряется выйти изъ своего „species", закона чрева выносившей его матери и также Закона Божія, отдѣлившаго день его созданія отъ прочихъ и болѣе раннихъ дней. Но „Господь привелъ къ человѣку всѣхъ животныхъ и повелѣлъ всѣмъ имъ нарещь имя", т. е. постичь ихъ существо и дать формулу. И вотъ, какъ-бы „нарекая имена", человѣкъ отходитъ отъ своего „я" и обращается къ жущимъ его вниманія без-рѣчнымъ животнымъ. Онъ сходитъ съ „трона человѣчности" и погружается въ міръ подъ собою, въ природу до себя, въ „дыханіе" болѣе раннихъ дней творенія, чѣмъ „шестый день": единственная точка и единственная секунда, гдѣ это совершается, гдѣ это можетъ совершиться. „Я" его—расплылось теперь, растворилось не выразительно, но на самомъ дѣлѣ въ

...дольней лозы прозябанье
И гадъ морскихъ подводный ходъ.

Страшная минута, гдѣ вѣяніе и даже именно дыханіе, біеніе пульса, содроганіе переступаетъ грани, вообще доступныя человѣку, и о чемъ вспомнивъ, онъ можетъ и *въ правѣ* будетъ повторить, что—

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Листовъ разумѣлъ прозябанье—
Была ему звѣздная книга ясна ..

Это-же поразительно: это—фактъ, онъ именно въ томъ состоитъ, на что мы указываемъ: именно въ слiянности на секунду, въ *отожествленіи*, въ *сліяніи* даже *до одного неразрываемаго существа* съ стихіями пятаго и четвертаго творческихъ дней. Нигдѣ еще, ни въ чемъ еще человѣкъ не можетъ совершить акта этого могущества, и

городскій епископъ Ипфонтъ, въ своихъ отвѣтахъ на вопросы мѣстныхъ приходскихъ священниковъ, высказалъ слѣдующія правила о супружескихъ отношеніяхъ. Одинъ священникъ (Кирикъ) спрашивалъ своего владыку: „достоитъ-ли дати тому причащеніе, иже въ Великій постъ съвокупляется съ женою своею?—Разгнѣвася: ци учите, рече, въздержаться въ говѣніе (т.-е. въ продолженіе *всего* Великаго поста) отъ женъ? *Грѣхъ вы въ томъ*!“ Другой (Савва) предлагалъ

никогда отъ этого онъ не порывается иначе, какъ въ полѣ, къ этому „выходу изъ себя“, „переступанію черезъ себя“. Вотъ маленькая попытка возможнаго объясненія; вотъ тайны, очень мало „сшившіяся нашимъ мудрецамъ“, по которыхъ тайное вѣдѣніе мы находимъ въ мірѣ скульптуры и живописи, въ темныхъ мифахъ человѣчества, во всѣхъ этихъ „минотаврахъ“ и проч., гдѣ дни „творенія“ перемѣшаны, и мы видимъ сумерки бытія, ни день, ни ночь, ни „человѣка“, ни „лошадь“, но „полулошадь и получеловѣка“. Какъ далеко все это отъ архаизма и дикости, но заключаетъ въ себѣ поумешальную тайну, видно, изъ того, что при множествѣ болѣе благородныхъ „сюжетовъ“ упражнялся надъ этимъ кисть свою (и слѣд. воображеніе) творецъ „Тайной вечери“—Леонардо-да-Винчи („Леда“) и „Страшнаго суда“—Микель-Анджело („Леда“-же). Человѣкъ въ полѣ раздвигается въ „альфу и омегу“ жизни и бытія, когда во всемъ остальномъ онъ есть альфа-ли, омега-ли, но непремѣнно *одна* и *опредѣленная* буква животнаго алфавита. „Не хорошо быть человѣку одному“... Теперь, что-же просвѣчиваетъ намъ въ этой аномаліи? Родство человѣка съ природою, не изолированность его, и то, что онъ лежитъ на ней кроткимъ и владычественнымъ вѣнцомъ: все то, что такъ трудно теоретически доказать. Это—аномалія въ одну сторону, и есть еще четыре или пять, расходящихся по разнымъ направленіямъ. Во всѣхъ ихъ чрево міра какъ-бы пробуравливается, и въ узенькую воронку потрясающаго случая мы разглядываемъ еще второе, „надъ“ или „подъ“ міромъ чрево: въ самомъ дѣлѣ „еще землю“ и „опять небо“—звѣздное-же, но уже не съ нашими созвѣздіями, „лилейное“—но гдѣ цвѣты не нашихъ садовъ.

Вернемся теперь къ первому моменту бытія собственно человѣка, къ тому „обыкновенному“ пола, что все-же такъ необыкновенно: собственно, *одна* душа, и то не всегда, завивается въ стихіи міра; но фактъ поразительнаго сходства (обыкновенно—дочери) съ отцомъ показываетъ, что полный его душевный и тѣлесный образъ перешелъ въ такой частицѣ, малость коей почти не изслѣдима. Мы знаемъ августовскій и ноябрьскій пролетъ аэролитовъ черезъ земную атмосферу, въ которой они свѣтятся: собственно, всякое человѣческое слiяніе есть пролетъ, не всегда со впаденіемъ „въ сферу тяготѣнія земли“, цѣлыхъ созвѣздій человѣческихъ душъ; есть въ точности „млечный небесный путь“ „дыханій жизни“, „безсмертныхъ душъ“, который исходитъ изъ существа пола и не заходитъ сюда, не зацѣпляется за „кислородъ“, „водородъ“ „азотъ“. Но, какъ, небесный сводъ повернулся, и мы днемъ не видимъ ночнаго неба, ночью—дневнаго; такъ на утрѣ проснувшись—и не помнимъ, и не думаемъ, и не видимъ видѣннаго. Что, однако, мы видѣли: наше сознаніе *померкло* и мы *содрогнулись*, т. е. индивидуальное „я“ стерлось, сошло на „нѣтъ“, уничтожилось до атома „невидимаго въ малости и безгласнаго въ безмыслiи“, до трупнаго „остолбенѣнія“. Засыпанное свѣтомъ и могуществомъ промелькнувшихъ метеоритовъ, какъ-бы небо на насъ разсыпалось и подавило до паденія и исчезновенія, до крика ничтожества и уничтоженія. Что половое приниженіе существуетъ, какъ фактъ, и что оно такъ поумешально-неодолимо, ясно отсюда.

В. Р.

такіе вопросы: „Въ клѣти иконы дрьжачи, или честный крестъ, достоить-ли быти съ женою своею?—*Ии въ грѣхъ, рече, положена своя жена*... А крестъ на тобѣ чи сънмаешь, съ своею женою буда?“ Еще: „Аще случится платъ женьскый въ портъ въшити попу, достоитъ-ли въ томъ служити портѣ“?—И рече: достоитъ,—*ци погана есть жена?*“ Третій (Илья) недоумѣвалъ по тому случаю, что „жена бяше причащалася на обѣдни, а на вечеръ лежалъ съ нею мужь.— И не повелѣ ей владыка дати епитемьи, но рече: аже быша съблюли ту ночь, аже хотяче заутра причащатися, а по причащеніи съблюли другую, то добро. Ажели будуть молоди, а не мочи начнуть, то нѣтуть бѣды: *во своей бо жени нѣтуть грѣха*“.—Для насъ эти отвѣты Нифонта имѣютъ тѣмъ большую важность, что они, какъ извѣстно, приняты были въ составъ Кормчихъ русской редакціи и чрезъ то сдѣлались у насъ источникомъ общаго церковнаго права („*А. Павловъ.* „Христ. чт.“ 1884 г., № 3—4, стр. 388). Для меня отвѣты Нифонта имѣютъ важность еще въ томъ отношеніи, что въ нихъ слышится голосъ древняго христіанскаго русскаго сознанія, еще не затемненнаго разными византійскими измышленіями, выдающими, подъ фирмой христіанскихъ, гностическія и манихейскія *) воззрѣнія.

Хочу еще привести Вамъ такъ для любопытства, маленькую параллель между дѣвственниками и брачниками, составленную мною въ дни юности моей, въ то время, когда я еще былъ студентомъ и лично для себя рѣшалъ вопросъ о бракѣ и безбрачіи. Параллель эта явилась у меня подъ вліяніемъ господствующаго у насъ воззрѣнія о превосходствѣ дѣвства. Я захотѣлъ провѣрить правильность этого воззрѣнія путемъ примѣровъ святой жизни изъ библейской исторіи, и у меня самъ собою открылся только лишь параллелизмъ между дѣвствомъ и супружествомъ, а никакъ не превосходство перваго предъ послѣднимъ. Вотъ эта параллель:

*) Въ сущности –проклятіе плоти, и безразсудно-грѣшная мысль, что въ половомъ началѣ, родникѣ вообще жизни, лежитъ начало и сущность „перво-роднаго“, „внутрь-роднаго“ грѣха—есть до христіанская и внѣхристіанская мысль именно манихеизма: при этомъ манихейскомъ воззрѣніи сейчасъ-же возникаютъ „два Бога“: „духа“ и „плоти“. И еще можетъ быть споръ, который святѣе и могущественнѣе: ибо начало „семьи“, „семейности“ не только есть „духъ“, но и безспорно—„святой“, религіозно-свѣтящійся духъ. Гораздо его менѣе въ „академическомъ“ духѣ, въ „лженемномъ разумѣ, раздражающемся „Summ'ой teologiae“ псевдо-„ангельскаго философа“ (Ооны Аквинскаго) *В. Р.*

Дѣвственники:

1. *Апостолъ Павелъ.* Сила любви: Я желалъ-бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти. (Римл. 9, 3,)

2. *Іоаннъ Крестителъ.* О немъ Господь сказалъ: не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя. (Мѳ. 11, 11).

3. *Пророкъ Илія*—видѣлъ явленіе Господа на горѣ Хоривѣ. (3 Цар. 19, 11—13).

4. *Илія*—на Ѳаворѣ со Христомъ. (Мѳ. 17, 3).

5. *Илія*—живой взятъ на небо. (4 Цар. 2, 11).

Брачные:

Пророкъ Моисей. Сила его любви: Прости имъ грѣхъ ихъ. А если нѣтъ; то изгладь и меня изъ книги Твоей, въ которую Ты писалъ. (Исх. 32, 32).

Проp. Моисей. Ему Господь сказалъ: Обрѣлъ еси благодать предо Мною, и вѣмъ тя паче всѣхъ. (Исх. 33, 17).

Царь Давидъ—называется человѣкомъ по сердцу Божію (1 Цар. 13, 14, 16, 12).

Праведный Іовъ—Нѣсть, яко онъ, на земли человѣкъ непороченъ, истиненъ, благочестивъ. (Іов. 1, 8).

Проp. Моисей — видѣлъ явленіе славы Божіей на горѣ Синаѣ. (Исх. 33, 18—23).

Моисей—то-же.

Енохъ—то-же. (Быт. 5, 24).

Какъ видите, для сравненія взяты самыя высокія вершины нравственнаго совершенства, до какихъ только когда либо достигали отдѣльные индивидуумы человѣчества. Но на всѣхъ вершинахъ мы одинаково встрѣчаемъ, какъ дѣвственниковъ, такъ и брачниковъ. Сравниваемыя мною лица по преимуществу взяты изъ Ветхаго Завѣта, но это обстоятельство нимало не уменьшаетъ авторитетности сравненія для сыновъ Новаго Завѣта, ибо „все, что писано было прежде, написано намъ въ наставленіе, чтобы мы терпѣніемъ и утѣшеніемъ изъ писаній сохраняли надежду“ (Римл. 15, 14). „Все это происходило съ ними, какъ образы: а описано въ наставленіе намъ, достигшимъ послѣднихъ вѣковъ“ (1 Кор. 10, 11).

Такъ вотъ вы гдѣ? Чиновникомъ состоите? А я полагалъ, что вы служите по учебному вѣдомству. Ну, что-же? Дѣло доброе. Нынѣ чиновничій міръ далъ много писателей съ пророческимъ направленіемъ: Побѣдоносцевъ, Филипповъ, графъ Валуевъ, Терперъ; не знаю, а, вѣроятно, и Властовъ изъ этого-же міра. Къ этой плеядѣ пророковъ принадлежите и Вы. Да, нынѣ вѣкъ пророковъ. Не даромъ Владимiръ

Сергѣевичъ Соловьевъ такъ любитъ употреблять это слово. Вѣроятно, будущій историкъ нашихъ дней начнетъ свое сказаніе о нихъ такими словами: „Въ то время, когда пастыри душъ человѣческихъ превратились въ пастырей однихъ только кармановъ человѣческихъ,—для руководства человѣческими душами сталъ Господь Богъ воздвигать пророковъ.

А что Филипповъ? (Т. II.) Все попрежнему носится со своей идеей Вселенскаго собора? Но вѣдь эта идея—чистая фикція. Слѣдовало-бы сказать ему, что о *Вселенскомъ* соборѣ не можетъ быть не только рѣчи, но и помышленія до тѣхъ поръ, доколѣ не образуется и не получитъ права гражданства *тріединое* христіанство. А до тѣхъ поръ можно говорить только о соборѣ *Православія*, а никакъ не о *Вселенскомъ*.

Началъ я это письмо 12 числа, немного продолжилъ 16 числа и кончаю 18 числа. И это только ради необходимости и невозможности откладывать еще далѣе. Вотъ видите, какой плохой я письмописецъ.

Вашъ усердный поклонникъ и почитатель,

Протоіерей *А. У—скій.*

18 мая 1898 года.

V.

Вопросъ о бракѣ столь-же мучителенъ, какъ и труденъ; столь-же скользокъ и грозитъ бездной, какъ и открываетъ просвѣтъ въ небесныя видѣнія, къ небеснымъ связямъ. Безспорно—его суть чувственна: гдѣ нѣтъ половъ—нѣтъ брака; нѣтъ брака между однополыми существами; и сама Церковь безъ возраженій расторгаетъ бракъ, когда дано свидѣтельство его *неосуществленности* и *неосуществимости* (медицинская причина разводовъ). Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ въ словахъ; „того ради оставитъ человѣкъ... и прилѣпится... и будутъ два въ плоть едину“, такъ и въ повозавѣтномъ словѣ Апостола о томъ, что не мужъ владѣетъ своимъ тѣломъ, но жена, и не жена владѣетъ своимъ тѣломъ, но мужъ, текстуально опредѣлено существо брака, какъ тѣлеснаго „прилѣпленія“. И одновременно—онъ есть „религіозное таинство“, что также признано и канонизовано. Такимъ образомъ, въ этой связности текстовъ и признанія открывается *религіозная чувственность*, возможность и даже требованіе религіознаго

ощущенія въ чувственномъ актѣ, и, повидимому черезъ это непремѣнно сейчасъ-же допускается и даже указуется—*чувственная религіозность**). Это не можетъ не испугать насъ и не заставить задуматься. Но гдѣ страхъ, тамъ и надежда; послѣ тщательныхъ разматываній вопроса умомъ, мы постигаемъ, что именно это путающее насъ сліяніе чувственности и отношенія къ Богу и есть камень непорочной и святой семьи, которую тогда „врата ада не одолѣютъ“; что именно завитокъ „религіознаго“ здѣсь все сберегаетъ въ семьѣ, отъ всего предохраняетъ семью: дѣлаетъ ее чистѣйшею колыбелью дѣтей. Безъ этого „камня“ связуемости и даже нераздѣлимости пола и религіи не возможенъ вовсе „бракъ“, и осталась-бы грубая физіологія, которую никакъ не возведешь въ таинство: грязно-холодная, безсмысленно „нужная“ и непонятно „неизбѣжная“. Лютеръ, выбросившій бракъ изъ состава „религіозныхъ таинствъ“—сталъ на эту точку зрѣнія; но что ноуменальная сторона религіи лежитъ именно въ бракѣ, обнаружилось изъ того, что лютеранство сейчасъ-же послѣ этого впало въ поверхностную феноменальность раціональнаго, земнаго явленія. Въ сущности, на лютеранской точкѣ зрѣнія стоялъ и Григорій VII Гильдебрандтъ, введшій целибатъ всего католическаго священства; но то, что Лютеръ допускалъ, какъ *безразлично*-физіологическое, Григорій VII отринулъ какъ *грязно*-физіологическое, отринулъ, по крайней мѣрѣ, для клира. Замѣчательно послѣдствіе этого: католицизмъ сейчасъ-же высвѣтился темнымъ, демоническимъ свѣтомъ, истиннымъ духомъ „уныніи, печали и празднословія“ „Dies irae, dies illa, veniet“. Зажглись костры инквизиціи не ранѣе этого. Теплота материнства, святая „животность“ не смягчала ригористическихъ формулъ парижскихъ и римскихъ богослововъ; пламя „ада“,—что въ самомъ дѣлѣ зальетъ его (мы испытуемъ религіозныя концепціи), какъ не молоко матерей, когда опѣ рвутся въ самый „адъ“ извлекать оттуда „дѣтокъ“ своихъ? Я хочу сказать, что какъ только мы возьмемъ религіозную-ли концепцію семьи, или семейную концепцію религіи, идея „ада“ упраздняется по совершенной невозможности: въ „аду дѣти“, „родители въ раю“, по абсолютному требованію здѣсь: „всѣ вмѣстѣ“, „каждый за всякаго“. Обратно, какъ только мы разрѣзали нить семейности, „рай“ и „адъ“ для „право“ и „не-право“ исповѣдующихъ

*) Совсѣмъ не то. См. примѣчаніе ниже. *Ред.*

становится возможенъ на небесахъ, возможенъ и здѣсь на землѣ. Это—„подпись“ или „не подпись“ на присяжномъ листѣ католичества. Кто „не подписался“, того въ адъ, и уже здѣсь, на землѣ—на костеръ. Рѣзкость и острота формулы торчитъ сухой логической костью, „не одѣтой плотью“. Но перейдемъ-же къ третьей изъ раздѣлившихся Церквей. Православіе осталось въ эклектической нерѣшительности; отъ этого оно не вошло въ мощность выраженія историческаго, не имѣетъ ни страстнаго, ни твердаго „нѣтъ“ католицизма, ни, по крайней мѣрѣ, учености протестантства: но оно все свѣтится тихимъ мистическимъ свѣтомъ, оно имѣетъ свѣтъ теплоты, *подлинной* вѣры—и это происходитъ именно отъ эклектичности въ немъ „ума“ и тѣхъ частицъ „да“ въ данномъ пунктѣ, передъ данною проблемою, которыя затерялись въ его робкомъ сердцѣ и недоумѣвающемъ умѣ. „Старенькій священникъ“, „полинялыя ризы“... да, это дѣйствительнѣе и авторитетнѣе въ православіи, чѣмъ вопросъ, какого профессора онъ слушалъ въ Сорбоннѣ? Взять *возрастъ*, *сѣдина*, что-то *дѣдовское*, какая-то будничная простота, опыта-ли, *долгаго-ли* служенія, но вообще продолжительнаго *около людей хожденія* — какъ ручательство *священства*. Но это — *жизненное* и *теплое*, это — *плоть* около скелета логики, и ее не переложить на членораздѣльную рѣчь. Но возвращаемся къ *полу* и *браку*.

Какимъ образомъ бракъ, *тѣлесное* явленіе, можетъ быть *религіозенъ*, т.-е. *по-ту стороненъ*, когда „кости“ наши и наше „тѣлесное тлѣніе“ столь явно *по-сю-стороне?* Именно потому, что *полъ* уже не есть вовсе тѣло, что тѣло клубится *около* него и *изъ* него, какъ временный фантомъ, въ которомъ онъ скрытъ, какъ не умирающій и по-ту-свѣтлый ноуменонъ этого тѣла, какъ лицо порядка „Сый“ въ насъ. „Сый—такъ будешь ты называть Меня“: что за непонятное и даже безсодержательное на первый взглядъ опредѣленіе! „Je pense—donc je suis“, формулировалъ Декартъ; между тѣмъ, совершенно обратно „je suis“ и уже потомъ, на фундаментѣ этого „suis“-„сый“—„мыслю, чувствую, желаю“. Въ этотъ порядокъ „сый“ западная философія никогда не заглянула: отъ этого атеистичность, какъ и бѣдная раціональность,—суть ея душа и тенденціи. Порядокъ „сый“ открытъ былъ Семитамъ, а гдѣ родникъ его и что этотъ родникъ существенно религіозенъ — выразилось въ „обрѣзаніи“. Его печать и приложена именно къ нашему и всеобщему „сый“. Мысль обрѣзанія—въ рели-

гіозномъ *устроеніи* пола: и въ томъ, чтобы *воспитать* человѣка къ религіозности здѣсь.

Всякій разъ, когда Еврей (Египтянинъ или Финикіянинъ, у коихъ *всѣхъ* было обрѣзаніе) начиналъ думать о Богѣ, хотѣлъ опредѣлить свое къ Нему отношеніе, онъ не могъ не вспомнить объ обрѣзаніи; такъ для него явно было, что *тутъ* сказался и что-то, пусть совершенно непонятное, изрекъ ему Богъ; отсюда взята кровь для написанія непостижимаго, но страшнаго договора, его именно, „Ханма", „Ицки", и т. д. съ Богомъ („а кто не обрѣжется — да истребится душа того изъ племени своего и рода своего", *Бытіе*, слова Аврааму). Обратно всякій разъ, когда въ точкѣ обрѣзанія пробуждалась жизнь, онъ не могъ не вспомнить о Богѣ, и своемъ съ нимъ завѣтѣ, печать коего приложена сюда. И это—уже невольно; это въ вѣкахъ, тысячелѣтіяхъ. Такимъ образомъ, чрезъ обрѣзаніе устанавливалась и достигалась постоянная связность жизни пола съ мыслью о Богѣ, и обратно: созерцаніе Бога какъ, бы черезъ свой полъ. Это навсегда устранило „романъ", шутку, „пошлость" въ полѣ; выбросило отсюда „анекдотъ"; сдѣлало психологически невозможною проституцію; но главное—семья, столь кровно связанная съ Богомъ, потекла религіозно, стала въ точности „святою семьею", и, до извѣстной степени, замѣнила собою религію („нѣтъ храмовъ"—кромѣ руинъ одного). Вотъ—Сіонъ; и таковы-же были Геліополисъ, Ѳивы, Тиръ: мысль *одна* вездѣ, вездѣ поклоненіе „святому Сый", страстно-*музыкальное* поклоненіе въ іудаизмѣ, *образно*-страстное въ Египтѣ и Финикіи (Моисеевы: „не изображай„ „не видѣли образовъ", „не тварп поклонитесь, но Творцу"—„въ бурѣ", „въ тихомъ вѣтрѣ", „во мглѣ"). Сказаннымъ объясняется множество подробностей въ іудаизмѣ: отвращеніе къ браку съ инородцами, „нечистыми — именно, именно въ бракѣ — животными"; и то, что собственно Еврейство есть половой союзъ, т.-е. вѣчно религіозно-брачущееся внутри себя племя. Здѣсь узелъ пониманія его; оно „отчуждено", напр. отъ другихъ племенъ, какъ вѣрные „жена и мужъ" нѣсколько отчуждены, „отрѣзаны" отъ міра. Міръ содрогается отъ „эгоизма" Евреевъ, но удержитесь и загляните *внутрь* его; это — эгоизмъ „своего ложа", „не раздѣленнаго съ другимъ"; эгоизмъ, въ сущности, величайшаго цѣломудрія—какъ-бы разлившагося на всѣ дѣла и отношенія. „Нѣтъ *васъ* для меня:—есть возлюбленный женихъ—мое племя; возлюблен-

ная невѣста—эта заплеванная міромъ Хайка", которой „пребуду „вѣренъ", и съ нею — „въ роды и роды". У насъ нѣтъ „обрѣзанія"; но для достиженія его ноуменальныхъ задачъ и неодолимо-могущественнаго на душу вліянія, предлежитъ, по крайней мѣрѣ, философски обрѣзаться, т.-е. повторить древній завѣтъ не въ знаменіяхъ и видѣніяхъ, не кровью и ножомъ, но въ обратившейся сюда и обширно развитой философіи. Альфа ея—разрывъ съ „функціей" и „органомъ", т.-е. разрывъ съ „физіологіей", на почвѣ коей невозможно „таинство", ни „религія". Лицо, какъ уголъ, къ коему сбѣгается ноуменальный планъ человѣка—вотъ „^{3}" постиженія пола; *лицо*, какъ индивидуальнѣйшее, неизслѣдимое, невыразимое—тутъ въ самомъ дѣлѣ возможенъ завитокъ брака и семьи въ религіозномъ смыслѣ. Знаменитый вопросъ (недоумѣніе) одного изъ героевъ романа „*Что дѣлать?*": „почему не дать пріятелю покурить изъ своей трубочки?"—въ сущности такъ и остался безъ отвѣта. *Вѣрность* въ бракѣ невозможно удержать, стоя на почвѣ физіологическаго воззрѣнія. Но вѣрность, или къ ней тенденція, ея требованіе, есть *фактъ*; ревность — это опять фактъ, раскрывающій поразительныя зрѣлища. Отелло, заливаясь слезами, убиваетъ Дездемону, а года три назадъ, гдѣ-то въ переулкѣ Петербургской стороны, Отелло-сапожникъ закололъ „финскимъ короткимъ ножомъ" измѣнявшую ему Дездемону, закололъ и сознался, хотя „она" даже не была, кажется, ему женою. Чувство „ревности" потому и возможно, что „половая связь" есть „связь индивидуальностей" половыхъ, т.-е. „лицъ пола"; а что она священна и по-тусвѣтна, выражается въ томъ, что за измѣну въ дружелюбіи, за невѣрность въ коммерціи и вообще во всякомъ земномъ дѣлѣ — гнѣваются, буйствуютъ, но такъ быстро и не колеблясь не закалываютъ. Нѣтъ этого *чувства права*. И вдругъ, „въ этихъ-то пустякахъ" — вырастаетъ такое, ни царями, ни законами не пожалованное право, и въ коемъ какъ-то люди не смѣютъ отказать человѣку, содрогаются „засудить" Отелло. Съ „функціональной" точки зрѣнія такое мелкое и, наконецъ, „грязное" явленіе: „чего, казалось-бы, стоитъ?". Но факты не выдуманные, а *разражающіеся* показываютъ, что эти „пустяки" не только идентичны и равновѣсны жизни и крови, но и *выше* ихъ, поглощая ихъ себѣ въ жертву, въ подножіе себя. Вотъ смыслъ потрясающихъ явленій. И обратная, свѣтлая ихъ сторона лежитъ въ вѣрной и непорочной семьѣ, какъ святомъ союзѣ ноуменально-свя-

тыхъ въ человѣкѣ лицъ: бракъ есть „кровь, выливаемая на землю“, когда оскверняется; т.-е. онъ есть „кровная, теплящаяся къ Богу молитва“—когда блюдется. Снова обращаясь къ „цикламъ и эпицикламъ“ пола, этимъ „неправильностямъ“ его, отмѣняющимъ бѣдное Птоломеевское воззрѣніе и требующимъ Коперниковской поправки, мы наблюдаемъ, что онъ именно не „органъ“ и не „функція“, что существо пола не умираетъ и даже не старѣетъ (не ослабляется), когда вся функціональная сторона ослабла и почти гаснетъ. Вѣчно живучее есть въ полѣ, и онъ также не связанъ съ годами, какъ мышленіе; „не старѣетъ во дняхъ“. Далѣе, формы волненій пола часто не имѣютъ ничего общаго съ функціей: и именно здѣсь они разражаются бурно и страстно. Родникъ ихъ, очевидно, не въ функціональной сторонѣ пола, но именно во владычественной и личной. Она пугаетъ насъ своимъ видомъ, своимъ „ἀῤῥητας“, но и затѣмъ открываетъ міръ великихъ надеждъ. Мы всѣ рождаемся изъ пола, т.-е. человѣкъ въ точности поуменонъ и приходитъ изъ ноуменальнаго міра; вотъ основаніе „не убій“. Мы становимся драгоцѣнными, по-ту-свѣтными существами другъ для друга: хочется лобзать руки другъ-другу, ибо „образъ Божій“ въ насъ есть не красивая аллегорія, но точный фактъ. Какъ только мы признаемъ религіозный смыслъ точекъ „обрѣзанія“ въ себѣ, то за великую на это рѣшимость мы получаемъ богатства мышленія, передъ коими не кажутся большими обѣтованія, полученныя Израилемъ за каплю таинственной и изъ таинственной точки крови. „Міръ — отъ Бога“, „Міръ—Божья тварь“ — это до такой степени близко становится, это такая простая и родная истина, что, упояемые ею, мы впадаемъ въ „скаканіе и играніе“ Давидово; мы хотимъ— Псалтири, мы ищемъ—псалмовъ. Какъ-же иначе, когда Богъ переполняетъ сердце, и я почти осязаю Его:

И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду?

Является міро-моленіе, міро-лобзаніе, жизне-молитва: пусть будутъ прощены мои неуклюжіе глаголы! Я ложусь на землю и цѣлую ее: почему?—Божія! Я беру мотылька—и не сорву съ него крылышекъ, но съ неизъяснимой нѣгой буду слѣдить, какъ онъ неумѣлыми ножками ползетъ по пальцу: братъ мой, сынъ мой, одно съ нимъ у

меня „дыханіе жизни“. Нѣтъ болѣе могилъ—вездѣ „воскресеніе истлѣвшихъ костей“. Самая смерть непостижима для меня иначе, какъ второе рожденіе; и муки болящаго тѣла суть муки утробы, извергающей изъ себя „жизнь будущаго вѣка“. Куколка умерла, мотылекъ вспорхнулъ; опять это не сказка, но точный и теперь понятный фактъ. Ибо міръ есть утроба, которая умѣетъ только рождать и не можетъ умереть. Вотъ горизонты, открывающіеся изъ „грязныхъ блужданій мысли“, изъ „запачканности воображенія“, куда мы впадаемъ. Не сойдя въ адъ—не побѣдишь смерть. Но пока всѣ эти свѣтлыя мысли раскроются, пока ступень за ступенью спускаешься внизъ, въ челюсть „смерти“ и казалось-бы „вѣчной гибели“,—какъ сердце бьется и пугаетъ сторонній крикъ: „что ты дѣлаешь?“ И въ особенности пока-то, пока еще найдешь

...языкъ простой
И голосъ мысли благородной,

а до времени употребляй первыя попавшіяся, раскосо-стоящія слова, чтобы сказать новое и неожиданное, что на ступеняхъ видишь. Такимъ пугающимъ голосомъ для меня прозвучало письмо-строка, полученная мною на другой день по напечатаніи статьи: „Изъ загадокъ человѣческой природы“:

„Василій Васильевичъ!

„Подъ гнетомъ духа любодѣяшія написаны ваши послѣднія статьи“ *).

*) Вѣрно, вѣрно, истинная правда! Я очень досадую на себя, что рѣшился печатать Ваши статьи, почтеннѣйшій Василій Васильевичъ! Каюсь, передъ сдачей въ наборъ не дочиталъ до конца, да вѣдь и почеркъ Вашъ отчаянный! Когда мнѣ подали корректуру № 50—51, и я прочелъ, какъ сладко разглагольствуете Вы о „противуестественномъ“, я взялъ перо и началъ вымарывать, смягчать и накладывать фиговые листья. И все-таки „духа любодѣйнаго“ выкурить не могъ.

Вы говорите, что Ваша цѣль—*оцѣломудрить человѣчество*, но что современное *церковное христіанство* этого не понимаетъ и, поклоняясь аскетизму, отрицаетъ „плоть“, считаетъ „животнымъ“ состояніемъ тотъ моментъ, который Вы, повидимому, готовы считать наиболѣе *божественнымъ*. Вы даже въ эту ересь цѣлаго протоіерея соблазнили. Но пусть отецъ протоіерей постъ Вамъ какіе угодно акаѳисты, Ваша теорія сначала до конца соблазнительна и несостоятельна. Въ прошломъ году *Рцы* напечаталъ у меня статейку „Бракъ и святые отцы“. Тамъ, стоя тоже немножко на Вашей почвѣ (хотя дѣйствительно цѣломудренно), онъ задавалъ вопросъ: почему въ Церкви есть такія чудныя молитвы и такъ любовно разработанъ ритуалъ всѣхъ таинствъ, *кромѣ брака*, гдѣ все дышетъ Ветхимъ Завѣтомъ? Вотъ тутъ-то и есть Вамъ отвѣтъ. Да потому, что По-

Голосъ былъ не авторитетомъ только (по учености), но и дорогъ по интимности личнаго ко мнѣ отношенія. Не заблуждаюсь-ли я? Не гублю-ли душу свою безсмертную и съ нею вмѣстѣ души своихъ читателей, за кои по существу дѣла авторъ всегда отвѣтственъ Богу? Что область блуждавшій „грязновата“—это-то я видѣлъ; но вѣдь и вся цѣль поисковъ была—найти, не *загрязнена*-ли только она, та-

---

вый Завѣтъ только *снисходитъ* къ немощи человѣческой и благословляетъ *союзъ душъ*, а неизбѣжный при немъ союзъ тѣлъ *прощаетъ*, какъ совершенно опредѣленный *грѣхъ*. Идеалъ христіанства несомнѣнно *дѣвство*, т.-е. *отрицаніе пола* для тѣхъ, кто можетъ вмѣстить, тогда какъ у Еврея дѣвство—*позоръ*. Идя по Вашей дорогѣ, непремѣнно, логически придешь къ тому, что актъ грѣхопаденія человѣка будешь считать самымъ настоящимъ богослуженіемъ, откуда даже шага не надо дѣлать къ культу Астарты,—онъ уже готовъ. Я не могу строить здѣсь теоріи въ опроверженіе Вашей и только набросаю ея схему. Человѣчество въ христіанствѣ несомнѣнно одухотворилось. Животная сторона, *необходимость* отступила, *свобода* приблизилась. Сочетаніе мужчины и женщины о Христѣ есть совсѣмъ нѣчто иное, чѣмъ еврейскій бракъ. Тамъ все идетъ по предписанію, все регламентировано, здѣсь благословленъ союзъ душъ, союзъ духовной любви и оставлена свобода животной сторонѣ, категорически названной *грѣхомъ*. Отчего читается молитва надъ родившей? Ангелъ-то ангелъ, да изъ грѣха вышелъ! Этого никакъ не перетолкуете. Развѣ, что въ этомъ грѣхѣ не каются, ибо онъ предвидѣнъ заранѣе, какъ слабость „не могущихъ вмѣстить“. Но представьте, что мужъ съ женой, оба, *добровольно* условятся жить, какъ братъ съ сестрой. Для Еврея это беззаконіе, для насъ—подъемъ духовный и навѣрно ни одинъ священникъ не скажетъ: „ну зачѣмъ это?“. Далѣе: Церковь не входитъ въ супружескія отношенія, но ихъ *ограничиваетъ*, запрещаетъ ихъ тогда-то и тогда-то. Медицина идетъ на помощь и договариваетъ, чего не досказала Церковь. Не прикасайся къ беременной, не прикасайся къ кормящей. Возьмите нормальную жизнь. Много-ли мѣста грѣху, если строго жить по закону Церкви да по гигіенѣ? Да почти только и остается, сколько нужно для зачатія. Посмотрите съ этой точки зрѣнія и Вы увидите, какое глубокое таинство—бракъ. Я не ошибусь, если скажу, что это есть именно таинство *воздержанія*. Здѣсь его идеалъ и Левъ Толстой былъ-бы совсѣмъ правъ, если-бы по своей всегдашней привычкѣ не перепуталъ. У Васъ половой актъ является какимъ-то гимномъ, почти богослуженіемъ, торжествомъ и т. д., у идеальнаго христіанина,—вполнѣ собой владѣющаго—только печальной *уступкой* святому и справедливому желанію имѣть дѣтей. Такой цѣной приходится покупать дѣтей, спускаясь до животнаго—да, да! Отчего ослабѣваетъ аскетизмъ? Оттого, что это протестъ противъ разврата, а разврата съ эволюціей семьи *должно* становиться меньше. Не религія, такъ медицина поможетъ. Человѣкъ и дома, въ семьѣ высоко настроенной, можетъ быть *почти* аскетомъ. И сколько такихъ! Есть кружки цѣломудренной до брака молодежи. Полагаете-ли Вы, что *воспитавшій* въ себѣ среди нашихъ соблазновъ цѣломудріе мужчина, вступая въ бракъ, станетъ „вознаграждать“ себя? Да самая любовь, съ такою силою охватывающая влюбленныхъ, есть-ли это *только* предисловіе къ грѣху? Съ самой пламенной любовью годы ждутъ, и въ ней, въ духовной любви, охватывающей душу, ничтожной точкой, а иногда и прямо концомъ, смертью, является физическое соединеніе. Совершенно обратно животному міру. Такъ вотъ, эту-то любовь возводитъ въ таинство бракъ, оставляя полную свободу *не грѣху*, а *воздержанію*. А грѣхъ останется грѣхомъ, и чуть Вы его изъ этой области попытаетесь приподнять, сейчасъ-же открываются перспективы высшей порнографіи, хотя-бы и философической, которою мы съ Вами вотъ уже три нумера подъ-рядъ угощаемъ читателя. *Рец.*

кова-ли „an und für sich“ въ до-мірной истинѣ своей?*) И если „нѣтъ“ — *очистить*. Это, такъ сказать, мыслепное лобзаніе своей темы, которому я предавался; это отираніе лицомъ своимъ (авторскимъ) точки всеобщаго тысячелѣтняго плеванія: что оно было,**) какъ не горючія слезы, коими только и можно было сжечь исторпческій здѣсь навозъ. Но всякій-ли могъ различить механизмъ моего дѣйствія и понять, что оно полярно противоположно „разврату“, какъ именно противоположно ему „святое супружество“? Смутившись духомъ, я послалъ письмо-строку единственному корреспонденту, въ коемъ находилъ сочувствіе, прося отвѣта: не ошибаюсь-ли я? Не скоро я получилъ на него слѣдующій отвѣтъ:

VI.

Многоуважаемый В. В.!

Вотъ, какъ долго я не отвѣчалъ на Ваше письмо. Великодушно простите меня и не сочтите моего долгаго молчанія за невѣжливость. Причина его та, что я человѣкъ больной, и уже въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ кое-какъ лавирую между жизнью и смертью.

Я чрезвычайно радъ, если могъ быть въ чемъ нибудь, хотя въ ничтожной степени, для Васъ утѣшеніемъ. Письмо къ Вамъ N. N. не выдерживаетъ даже и слабаго прикосновенія критики. Слѣдовалобы сказать совершенно наоборотъ: не „подъ гнетомъ духа любодѣянія“, а подъ гнетомъ духа самаго чистаго, святаго цѣломудрія. Но, увы! письмо это въ тысячу сотый разъ подтверждаетъ лишь непреложность того духовнаго закона, который св. апостоломъ Павломъ высказанъ въ слѣдующихъ словахъ: „душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. Но духовный судитъ о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ“ (1 Кор. 2, 14, 15). Изъ письма виденъ человѣкъ ***), который никогда не ставилъ для себя задачей

---

*) Не „грязна“, а животна, низменна, не свободна, и во всякомъ случаѣ ниже *воздержанія*, разематриваемаго, какъ свободный подвигъ. *Ред.*

**) Вотъ, вотъ, это-то и гадко! *Ред.*

***) Весь нижеслѣдующій взглядъ на моего краткословнаго корреспондента неправиленъ, какъ основанный на незнакомствѣ съ его дѣйствительно возвышенной, по строгой и аскетической личностью. Суть „брака“ и мучительность въ томъ и состоитъ, что онъ безспорно анти-аскетиченъ и имѣетъ „свять“. Но этотъ взглядъ отца У—ского

освѣтить христіанской идеей всѣ области, всѣ проявленія и всѣ уголки своей собственной жизни; который смотритъ на христіанство, лишь какъ на внѣшній объектъ для своего сознанія, наравнѣ съ магометанствомъ, буддизмомъ, еврействомъ и т. под. Такіе люди — плохіе судьи въ дѣлахъ, касающихся практическаго, а не номинальнаго христіанства. Потому и не мудрено, что Вашъ критикъ произнесъ о Вашемъ фельетонѣ такой судъ... Но, вѣдь, при всемъ этомъ, есть и нѣкоторыя общія нормы для оцѣнки предметовъ, не подлежащія прихоти частныхъ вкусовъ.

Вмѣсто того, чтобы кручиниться отъ приговора N. N., лучше обратитесь къ сочиненіямъ Бухарева. Не полѣнитесь сходить къ Тузову и не поскупитесь купить у него книгу архимандрита Осодора „О міротвореніи“. Она стоитъ всего 75 коп. Прочтите въ ней страницы 80—83-ю. На нихъ Вы встрѣтите многочисленное подтвержденіе Вашихъ мыслей. Для Васъ тутъ выгода въ томъ, что Бухаревъ можетъ быть для Васъ основательной и авторитетной точкой опоры. Во-первыхъ, онъ магистръ богословія; во-вторыхъ, онъ былъ профессоромъ, послѣдовательно въ двухъ духовныхъ академіяхъ, и притомъ не по какимъ-либо второстепеннымъ, а по самымъ главнымъ, основнымъ и существеннымъ богословскимъ предметамъ, каковы: „Изъясненіе священнаго Писанія“ и „Догматическое и нравственное богословіе“.

въ томъ смыслѣ вѣренъ, что аскетъ вообще и никогда не сможетъ проникнуть въ святое существо брака, скользнетъ по немъ фикціей („свято—вѣнчаніе, а потомъ—не знаемъ“), внѣшнимъ благословеніемъ („вѣнчаніе“-же), но въ глубь „обрѣзанія“, т.-е. точекъ и секундъ брака—просто откажется спуститься. Принося извиненіе моему корреспонденту за напечатаніе строкъ нелестнаго (и невѣрнаго) о немъ отзыва, прибавлю только, что идентичный отзывъ о. У—скій далъ-бы и о другомъ моемъ корреспондентѣ, знаменитомъ С. А. Рачинскомъ, съ коимъ въ теченіе цѣлой зимы я велъ упорный на эту-же тему споръ, и не могъ ни побѣдить его, ни въ чемъ-либо уступить ему, и вынужденъ былъ прекратить безплодную корреспонденцію, колебавшуюся у него между „святое“ и „мерзость“. Для меня было ясно, что святымъ собственно квалифицируется *авторитетъ* церковнаго постановленія („бракъ—таинство“), но то, къ чему оно относится, квалифицируется „мерзостью“; какъ-бы сказано было: „Церковь повелѣла считать честнымъ и даже святымъ то, что въ себѣ самомъ безчестно и даже проклято“. Какимъ образомъ могла у Церкви возникнуть рѣшимость на такое чудовищное признаніе, и какъ сложится въ ней самый позывъ къ этому передъ предложившимъ ея проклятію или благословенію неизвѣстнымъ, предположительно гнуснымъ фактомъ—Рачинскій не объяснялъ и, очевидно, не могъ объяснить. Я рѣшительно становлюсь на точку зрѣнія о. У—скаго, открывающую „святое супружество“, и противъ доктринъ NN и Рачинскаго, идейно и исторически открывшихъ эру проституціи (уничижительнаго, гадливаго отношенія къ полу). *В. Р.*

Такимъ образомъ, голосъ его является авторитетнымъ и компетентнымъ въ богословской области. Но, можетъ быть, Вамъ посчастливится найти у букинистовъ и книгу его „О св. апостолѣ Павлѣ“. Полагаю, что въ ней онъ неизбѣжно долженъ былъ коснуться и ученія о бракѣ.

Теперь обращаюсь къ Вашей мысли о святости брака. Она стоитъ того, чтобы о ней говорить и писать. „Дайте мнѣ только точку опоры, и я сдвину съ мѣста землю“,—восклицалъ нѣкогда Архимедъ. „Дайте мнѣ только матерію, и я построю вамъ весь міръ“, — восклицалъ Кантъ. Такъ было въ области механики и въ области космогоніи. Но въ области религіи еще не появилось такого отважнаго пророка, который-бы, на основаніи опыта собственной жизни, воскликнулъ: „Дайте только въ руки христіанской супружеской четѣ, какъ постоянный принципъ жизни, обѣтованіе Христово: истинно говорю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то, чего-бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго; ибо гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ — и тогда совершенно преобразится, совершенно пересоздастся весь соціальный строй общественной жизни *). Это былъ-бы такой могуще-

*) Вотъ второй великій глаголъ моего корреспондента, ради коего я печатаю и комментирую его непритязательныя и между тѣмъ прекрасныя и глубокія письма. Конечно, все—въ *практикѣ* жизни, и, *не ощутивъ* „святаго“ въ бракѣ, нельзя постигнуть его святости. Нужно годы трудиться, смиренно копаться другъ около друга женѣ и мужу: наблюдать эту уйму терпѣнія, страданія другъ за друга, чтобы, остановившись, воскликнуть, наконецъ, съ изумленіемъ: да откуда это? Неужто-же это не Божіе? Неужели „кровность“ союза, дающаго такой полновѣсный плодъ, передъ коимъ по истинѣ суть „ленты вдовицы“ всѣ и всяческія дѣла остальнаго человѣческаго подвига и милосердія, неужели эта кровность не есть *первое* Божіе, „кровнѣйшее“ Богу: и слова: „Я посреди васъ“ не первѣе-ли всего относятся къ свѣтлому утру и сумеречному закату „благочестивыхъ въ юности“, „благочестивыхъ въ старости“, Товіи-ли и Сары, Іоакима и Анны, и всякаго изъ насъ, кто ихъ смиренно повторитъ? „Милостивые Самаряне“, красиво одѣляющіе копейками изъ филантроническихъ комитетовъ,—какой *подробностью* они проходятъ по *поверхности* жизни, коей фундаментъ, и стѣны, и крыша—все вытканно изъ „союза кровей“ и странной неугасимой любви, которая изъ него льется и не умѣетъ остановиться, не знаетъ усталости. Горда-ли эта любовь?—Смиреннѣйшая! Ищетъ-ли наградъ?—Да, въ простой ласкѣ. Простота кровнаго союза, его смиренныя формы—поражаютъ такъ-же, какъ неистощимость льющагося изъ него подвига. Тогда мы останавливаемся передъ узломъ его: „тутъ — завѣта Божія тайна!“ оттого все особенно и исключительно свѣтло здѣсь, что именно „въ кровяхъ, въ кровяхъ рожденія“, какъ написалъ Іезекіиль (гл. 15) Богъ и берегъ человѣка, приближается къ нему, его къ Себѣ приближаетъ. А новозавѣтное: „Я—посреди ихъ“ имѣетъ первою себѣ Церковью не иной, по опять-же кровный союзъ, откуда разными голосами и разные лики поютъ

ственный духовный рычагъ, о послѣдствіяхъ примѣненія котораго къ жизни теперь трудно было-бы и гадать. Вѣдь это было-бы то оживленіе мертвыхъ духовныхъ костей человѣчества, которое такъ ясно предвидѣлъ св. пророкъ Іезекіиль (гл. 37). Это было-бы то первое воскресеніе духовныхъ мертвецовъ, которое такъ опредѣленно и такъ настойчиво предвозвѣстилъ новозавѣтный Тайнозритель (гл. 20). Приложеніе этого принципа къ жизни можно было-бы сравнить съ открытіемъ въ физикѣ электрическаго освѣщенія.

Позволю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ сравненіи. Христосъ Спаситель истинныхъ своихъ послѣдователей называетъ свѣтомъ міра, свѣтильниками для освѣщенія окружающей среды (Мѳ. 5, 14, 15). Теперь возьмите во вниманіе способы физическаго освѣщенія. Почти до половины XIX столѣтія человѣчество знало только одиночные свѣтильники. Этимъ я хочу высказать ту мысль, что для производства свѣта употреблялась одинокая свѣтильня, будетъ-ли это свѣтильня свѣчи, лампы, ночника или факела. Но вотъ, появилось электрическое освѣщеніе, гдѣ для производства свѣта непремѣнно требуются два агента, два проводника электричества, анодъ и катодъ, окончности которыхъ поставлены почти въ соприкосновеніе между собою.

Что сказали-бы теперь о томъ скептикѣ, который въ XVIII столѣтіи сталъ-бы упорно отрицать всякую возможность *парнаго* освѣщенія и настаивать на исключительности освѣщенія *одиночнаго*? Вѣдь то, что считалось немыслимымъ въ XVIII столѣтіи, стало воочію совершающимся фактомъ въ XIX столѣтіи. Теперь продолжите Христово сравненіе, подыскавъ и въ духовной области подобіе электрическому парному освѣщенію. До половины текущаго столѣтія у насъ, въ восточномъ православіи, признавали *(?Ред.)*, что свѣтильниками духовными могутъ быть только люди одинокіе, монахи, люди, отрекшіеся отъ міра, отъ семейства, отъ супружества. Но вотъ, одновременно съ появленіемъ парнаго электрическаго свѣта, и какъ-бы въ параллель къ нему, стали у насъ и въ духовной области раздаваться го-

---

одну неисповѣдимую пѣснь Господу: и лепетомъ младенца изъ колыбели, и „первымъ ученіемъ“ отрока, и цѣломудріемъ невѣсты — „вдаемой въ бракъ“, и радующихся на нее, какъ на созрѣлый плодъ своей жизни, „старыхъ Іоакима и Анны“.

В. Р.

лоса о святости и спасительности *) супружеской жизни. Не есть-ли это признаніе той истины, что и въ духовной области свѣтомъ міра могутъ быть не только одинокіе свѣтильники, иноки или монахи, но и всякая христіанская супружеская чета или пара? Да и мало еще этого. Не слѣдуетъ-ли, далѣе, признать, что, если электрическій *парный* свѣтъ и гораздо ярче, и гораздо сильнѣе *одиночнаго* простаго ламповаго или свѣчнаго свѣта, то и духовный свѣтъ супружеской четы, или пары **) долженъ быть и ярче, и сильнѣе духовнаго свѣта *одинокаго* монаха? Не принимая на себя смѣлости на поставленный вопросъ дать утвердительный отвѣтъ, нахожу, по крайней мѣрѣ, позволительнымъ признать, что тотъ и другой родъ духовнаго свѣта должны пользоваться одинаковымъ признаніемъ ихъ права на существованіе.

Такимъ образомъ, тотъ, кто въ наши дни сталъ-бы отрицать чистоту, святыню и спасительность супружескихъ отношеній въ законномъ бракѣ у истинныхъ и неподдѣльныхъ послѣдователей Христовыхъ, не уподобился-ли-бы предполагаемому мною скептику XVIII вѣка, оспаривающему возможность парнаго физическаго свѣта?

Крайне хотѣлось-бы не пропускать ни одной Вашей статейки, касающейся брачнаго вопроса. Но такъ какъ Вы печатаете свои

---

*) Именно, именно! Пока мы признаемъ бракъ (и его зерно) *позволительнымъ*— мы собственно еще не получаемъ брака, какъ „таинства": мы стоимъ на точкѣ безразличія и, собственно, „допущеннаго разврата". Нужно еще дополнить: бракъ—*религіозно спасителенъ, духовно-очищающъ, мистически зиждителенъ* (дѣти). Это и открываетъ „религіозное таинство", тогда непремѣнное для всякаго, и во всѣ дни живота его, какъ непремѣнно для всякаго христіанина рѣшительно каждое изъ остальныхъ (?! *Ред.*) таинствъ, „крещеніе", „причащеніе" и др. Именно только послѣдняя точка зрѣнія и правильна, цѣльна, послѣдовательна. *В. Р.*

**) Нужно замѣтить, что, возведя „бракъ" въ „религіозное таинство", чего не сдѣлано относительно монашескаго пострига, Церковь и дѣйствительно признала предпочтительную богоугодность „парнаго" „служенія Богу". Но тутъ начинается изумительный эклектизмъ. Едва это сдѣлавъ, Церковь стала какъ-бы неблагосклонно смотрѣть на бракъ, всюду выдвигая, какъ высшій образъ христіанскаго житія, „черное отреченіе" отъ брака и семьи. Церковь „правительствующая", „передающая дары священства", и даже, канонизированно-святая" (см. перечень угодниковъ въ святцахъ) есть Церковь, „отрицающая" міръ и „отрекшаяся" отъ міра. (*? Ред.*) Этотъ эклектизмъ есть въ сущности точка колебанія. Не будемъ завидовать спасенію черницовъ, но, скорбя объ отсутствіи (??! *Ред.*) „угодниковъ" изъ мірянъ, не можемъ не удержаться, чтобы не подумать, что родникъ этого есть именно непросвѣщенность отброшенной, пренебреженной и въ сущности вовсе *не постигнутой* въ тайныхъ *дарахъ* своихъ *семьи*. „Изгой" и „рабъ" не поведетъ себя, какъ „господинъ", и нѣтъ у насъ, да и невозможно пока, „господскаго поведенія" въ семьѣ-ли, въ бракѣ-ли. Еще не изучились „угождать Господу" „парно": но это не по существу „пары", но по ея „непросвѣщенности", а по неустроенности „свѣтильниковъ". *В. Р.*

статьи въ разныхъ газетахъ и журналахъ, то слѣдить за ними мнѣ нѣтъ возможности. Не будете-ли любезны о такихъ статейкахъ увѣдомлять меня кратко, открытыми письмами?

Подвизайтесь на славу Божію, не отдавая въ обиду и въ поношеніе первую заповѣдь Божію, данную человѣческой четѣ (Быт. 1, 28).

Вашъ глубокій поклонникъ, магистрантъ богословія, протоіерей, *А. У—скій.*

14 августа 1898 г.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce. PARIS

V.

Можно себѣ легко представить, что напечатанная выше переписка вмѣстѣ съ моимъ примѣчаніемъ не остались безъ отвѣта. И дѣйствительно, съ одной стороны, отозвался авторъ писемъ къ В. В Розанову, протоіерей А. У—скій, съ другой стороны въ споръ вступилъ новый оппонентъ, пожелавшій скрыть свое имя за псевдонимомъ „Міряпинъ". Я помѣстилъ оба письма подъ общимъ заглавіемъ. „О В. В. Розановѣ и его религіи брака" въ №№ 24, 25 и 26 „Русскаго Труда" за 1899 годъ, предпославъ первому, о. протоіерея, довольно рѣзкое редакціонное примѣчаніе и сдѣлавъ нѣсколько примѣчаній подъ текстомъ.

О В. В. Розановѣ и его религіи брака.

I.

Письмо протоіерея У—скаго къ редактору „Русскаго Труда".

М. Г.

Будьте любезны, во имя выясненія истины, дать мѣсто на страницахъ Вашего почтеннаго журнала нижеслѣдующимъ нѣсколькимъ моимъ строкамъ.

Вы говорите въ примѣчаніи къ статьѣ В. В. Розанова „Бракъ и христіанство", помѣщенной въ № 52 „Русскаго Труда" за минувшій годъ, что я „пою акаѳисты въ честь Розанова". Позвольте-же

теперь спѣть акаѳистъ Вамъ, хотя этотъ послѣдній будетъ нѣсколько съ инымъ содержаніемъ и въ иномъ тонѣ, чѣмъ мои акаѳисты Розанову.

Вы обвиняете и Розанова, и меня въ ереси. Напрасно Вы такъ неосторожно употребляете такое опасное, такое тяжеловѣсное слово. Вѣдь кто приметъ его за шутку, а кто можетъ принять и въ серьезномъ смыслѣ. Согласитесь-же, что обвинить своихъ ближнихъ въ ереси есть слишкомъ жестокое и тяжелое обвиненіе. Но насколько оно основательно съ Вашей стороны? Вы, конечно, знаете, что ересью называется отступленіе отъ какого-либо, строго, опредѣленно и точно, на вселенскихъ соборахъ, формулированнаго догмата христіанскаго вѣроученія. Позвольте-же Васъ спросить, взглядъ Розанова на брачныя отношенія, какъ на одну изъ формъ, средствъ или способовъ служенія Богу, какъ на такое дѣло, которое, наравнѣ со всѣми прочими христіанскими дѣлами, должно совершаться въ духѣ молитвы, во славу Божію и съ чувствами непрестанной благодарности Вездѣсущему, Всезрящему Творцу и Вседержителю Богу, во исполненіе и безостаточное примѣненіе заповѣдей апостольскихъ: *непрестанно* молитеся, *о всемъ* благодарите (I Сол. 5, 17, 18) и ѣдите-ли, пьете-ли, или *иное что* дѣлаете, *все* дѣлаете въ славу Божію (I Кор. 10, 31)—есть отступленіе отъ какого, на которомъ вселенскомъ Соборѣ и въ какихъ выраженіяхъ формулированнаго догмата? Если-же догмата, діаметрально противуположнаго воззрѣнію г. Розанова, на Соборахъ формулировано не было, то съ Вашей стороны провозглашать во всеуслышаніе „протопопъ—еретикъ!“ было-бы преждевременно *).

Но все-таки это Ваше заявленіе было-бы и умѣстно, и терпимо, если-бы въ противовѣсъ взгляду г. Розанова сами Вы высказали совершенно правильное воззрѣніе на занимающій г. Розанова вопросъ. Къ сожалѣнію, этого не случилось. Позвольте-же нѣсколько остановиться на разборѣ Вашего взгляда. Правда, принимаясь за это дѣло, я чувствую себя крайне въ стѣсненномъ положеніи. Вѣдь, если свѣтскій человѣкъ выскажетъ какую-нибудь вольность по религіознымъ вопросамъ, то это ему легко сходитъ съ рукъ, но чуть только священ-

*) Мы говорили это въ шутку и совсѣмъ не такъ: „Вы даже въ эту ересь цѣлаго протоіерея соблазнили“. Вотъ наши подлинныя слова: здѣсь „ересь“ употреблена отнюдь не въ смыслѣ церковномъ, а какъ простое лжученіе. Говорится напр., „что вы за ересь проповѣдуете“ и т. п. *Ред.*

шикъ обнаружитъ нѣкоторое свободомысліе въ этой области, сейчасъ-же это ему поставятъ въ заблужденіе, въ преступленіе „по должности“, въ ересь, какъ вы уже и сдѣлали. Но все-таки вопросъ, поднятый г. Розановымъ, настолько важенъ и имѣетъ такое жизненное значеніе, что молчать о неправыхъ его рѣшеніяхъ было-бы нравственнымъ преступленіемъ. Итакъ, я рѣшаюсь сдѣлать нѣсколько краткихъ замѣчаній.

Догадываетесь-ли Вы, что все Ваше длинное примѣчаніе къ статьѣ г. Розанова есть ни болѣе, ни менѣе, какъ извращеніе христіанства, неосновательная клевета на Церковь, отдаленные, но живучіе отпрыски и отголоски гностицизма и манихейства? Но войдемъ въ подробности. Вы приводите вопросъ изъ статьи г. *Рцы*: „почему въ Церкви такъ любовно разработанъ ритуалъ всѣхъ таинствъ, *кромѣ брака*, гдѣ все дышитъ Ветхимъ Завѣтомъ?“. Не мало я на своемъ вѣку повѣнчалъ свадебъ, не мало крестилъ младенцевъ, и исповѣдывалъ кающихся, отпѣвалъ умершихъ, но, признаюсь, никогда не замѣчалъ, чтобы церковное „послѣдованіе“ обрученія и вѣнчанія было лишено „чудныхъ молитвъ“, чтобы оно, по своей продолжительности, по возвышенности и задушевности своего тона, по величавой торжественности и умилительной глубинѣ своихъ *чудныхъ* молитвъ, было бѣднѣе и скуднѣе „послѣдованія“ прочихъ таинствъ и церковныхъ обрядовъ. И если г-ну Рцы такъ показалось, то это, вѣроятно, оттого, что самъ онъ не вѣнчался, а если и вѣнчался, то не потрудился внимательно прослушать тѣ дивныя молитвы, которыя при этомъ читаются. Посему принимаю на себя смѣлость порекомендовать и Вамъ, и г-ну Рцы запастись „Требникомъ“ и у себя на дому, въ досужій часъ, со вниманіемъ прочитать „послѣдованіе“ обрученія и вѣнчанія, чтобы чрезъ то избавить себя отъ печальной возможности хотя впредь публично, въ печати, клеветать на церковный чинъ вѣнчанія.

„Гдѣ все дышитъ Ветхимъ Завѣтомъ“! Какъ много въ этихъ словахъ слышится незаслуженнаго пренебреженія къ Ветхому Завѣту! Какъ много горделиваго и высокомѣрнаго превозношенія *своимъ* Новымъ Завѣтомъ! Но имѣемъ-ли мы съ Вами право и основаніе такъ презрительно относиться къ Ветхому Завѣту? Неужели мы съ Вами, по высотѣ и величію нравственнаго совершенства, превзошли боговидца Моисея, который во мракѣ и облакѣ бесѣдовалъ съ Самимъ Богомъ? Неужели мы съ Вами по силѣ и дѣйствительности своей

вѣры и молитвы стали выше Іисуса Навина, который словомъ своимъ остановилъ солнце въ его теченіи? Неужели мы съ Вами, по святости и праведности жизни, можемъ сравняться съ праведнымъ Енохомъ, который живымъ вознесенъ въ пренебесныя обители? Если-же мы съ Вами не только не превзошли, но даже и не сравнялись съ представителями Ветхаго Завѣта, то намъ-ли превозноситься предъ нимъ? *).

„Новый Завѣтъ только *снисходитъ* къ немощи человѣческой и благословляетъ *союзъ душъ*, а неизбѣжный при немъ союзъ тѣлъ *прощаетъ*, какъ совершенно опредѣленный *грѣхъ*“. Позвольте Васъ спроситъ, на какомъ основаніи все это Вы высказали? Очень жалко, что Вы не сдѣлали ни одной ссылки на Слово Божіе, а говорить, въ вопросахъ религіи, отъ своего чрева (sic!) представляетъ мало убѣдительности для читателя. Союзъ-ли только душъ благословляется Новымъ Завѣтомъ, или и союзъ тѣлъ, это со всею очевидностію открывается изъ самаго церковнаго чина вѣнчанія брачущихся. Вотъ, напримѣръ, съ какимъ молитвеннымъ воззваніемъ обращается священнодѣйствующій къ Богу во время вѣнчанія: „Иже за непзреченный Твой даръ и многую благость, пришедый въ Кану Галилейскую, и тамошній бракъ благословивый, да явиши, яко *Твоя воля есть законное супружество, и еже изъ него чадотвореніе*“. Или еще: „*вѣнчай ихъ въ плоть едину, даруй имъ плодъ чрева*“. Не привожу многихъ другихъ подобныхъ выраженій. Потрудитесь сами прочитать ихъ въ „Требникѣ“. И въ такомъ-то смыслѣ, отъ лѣтъ древнихъ, понимаемый христіанскою Церковію союзъ мужа и жены, какъ союзъ для *чадотворенія*, называется, далѣе, въ „послѣдованіи“ обрученія *святымъ соединеніемъ*. Какъ Вы полагаете, благопріятствуетъ-ли все это Вашей теоріи? Но я сдѣлалъ эту маленькую экскурсію въ область церковной практики вовсе не съ цѣлію опровергать Вашъ взглядъ, а только лишь мимоходомъ. Хотя голосъ и сознаніе древней Вселенской Церкви, поскольку они выразились въ „послѣдованіи“ обрученія и вѣнчанія, служатъ уже неопровержимымъ доказательствомъ противъ Васъ, но глав-

*) Что за нечистоплотная аргументація! И гдѣ о. протоіерей нашелъ у насъ „незаслуженное пренебреженіе“? Мы говорили, что основа брака въ Ветхомъ Завѣтѣ совсѣмъ не та, что въ Новомъ. Возьмите хотя-бы слова Спасителя о разводѣ, гдѣ Онъ ясно указалъ разницу: что въ Ветхомъ Завѣтѣ допускалось „по жестокосердію“, то Новымъ Завѣтомъ категорически отрицается. *Ред.*

ное возраженіе противъ своего взгляда Вы встрѣтите въ Словѣ Божіемъ. Вы, должно быть, упустили изъ вниманія первобытный законъ, высказанный первозданной человѣческой четѣ, сряду-же послѣ ея сотворенія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „раститеся и множитеся, и наполните землю (Быт. 1, 28)“ *). Теперь одно изъ двухъ: если по Вашему супружеское соединеніе есть *грѣхъ*, то слѣдовательно этотъ грѣхъ узаконенъ и вмѣненъ въ обязанность человѣку Самимъ Богомъ; если же мыслить Бога родоначальникомъ и законоположникомъ грѣха нечестиво и богохульно, то слѣдовательно супружеское сожитіе быть грѣхомъ никоимъ образомъ не можетъ.

Но Вы возразите, что такъ было въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ Новомъ-же Завѣтѣ совсѣмъ не то. На это я отвѣчу Вамъ нѣкоторымъ сравненіемъ. Вы, конечно, хорошо знаете, что у естествовѣдовъ существуетъ ученіе о неизмѣнности, постоянствѣ, единообразіи и вѣчности физическихъ законовъ міра. Эту неизмѣнность міровыхъ законовъ представители естественныхъ наукъ простираютъ даже до того, что на основаніи ея отрицаютъ возможность сверхъестественнаго—чудесъ, якобы нарушающихъ постоянство и единообразіе дѣйствія физическихъ силъ природы. Хотя съ послѣднимъ выводомъ согласиться совершенно невозможно, ибо если я, ничтожная тварь, положивши для себя правиломъ жизни обѣдать въ два часа дня, а въ баню ходить по пятницамъ, имѣю полное право и возможность, по требованію нужды и обстоятельства, измѣнить этотъ, положенный для себя, законъ и пообѣдать въ три, или въ двѣнадцать часовъ, а въ баню сходить въ четвергъ, или въ среду, то было-бы смѣшно и безсмысленно утверждать, что Отецъ вселенной и Вседержитель всяческихъ, держащій въ Своей десницѣ ключи отъ всѣхъ безусловно міровыхъ законовъ, не имѣетъ права, возможности и положительной мощи, примѣнительно къ Своимъ божественнымъ планамъ и предначертаніямъ, видоизмѣнять дѣйствіе этихъ законовъ, тѣмъ не менѣе общее правило о неизмѣнности и постоянствѣ физическихъ міровыхъ законовъ остается во всей своей силѣ. Но въ чемъ-же и гдѣ-же корень, основа, сущность и гарантія этой неизмѣнности? Да, очевидно, въ первоначальныхъ Творческихъ „да будетъ“, „да прораститъ“, „да умножатся“. Но эта-же идея неизмѣнности и постоянства законовъ

*) Т.-е. опять-же Ветхій Завѣтъ. *Ред.*

одинаково относится и къ области міра нравственнаго, духовнаго, или, правильнѣе сказать, психофизическаго. И здѣсь, въ области нравственной, что было закономъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, не можетъ измѣниться по существу въ Новомъ Завѣтѣ. Идеалъ нравственнаго совершенства какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, совершенно одинъ и тотъ-же. Въ Ветхомъ Завѣтѣ сказано: „Будьте святы, ибо святъ Я, Господь Богъ вашъ (Лев. 19, 2)“. Въ Новомъ Завѣтѣ предписано: „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Мо. 5, 48)“. Какъ изволите видѣть, нравственный идеалъ стоитъ *внѣ* вопроса о бракѣ или дѣвствѣ *). А почему въ христіанствѣ особенно цѣнится дѣвство, на это есть особыя причины, и объ этомъ я поговорю когда-либо въ другой разъ **), а теперь въ доказательство правильности своей мысли о неизмѣнности и постоянствѣ дѣйствія нравственныхъ законовъ какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, до скончанія вѣка, приведу лишь слѣдующее категорическое утвержденіе Основоположника Новаго Завѣта, воплотившагося Сына Божія: „Не думайте, что Я пришелъ нарушить Законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не прейдетъ небо и земля, ни одна іота, или ни одна черта не перейдетъ изъ закона, пока не исполнится все“ ***) (Мо. 5, 17, 18).

„Идя по Вашей дорогѣ, непремѣнно, логически, придешь къ тому, что актъ грѣхопаденія человѣка будешь считать самымъ настоящимъ богослуженіемъ“... Это могло-бы быть лишь въ томъ случаѣ, если-бы мы стали понимать фактъ грѣхопаденія нашихъ прародителей въ смыслѣ людей, полагающихъ, будто-бы грѣхъ ихъ въ раю состоялъ въ супружескомъ совокупленіи. Но христіанская Церковь всегда понимала грѣхопаденіе прародителей не въ иносказательномъ, а въ буквальномъ смыслѣ, такъ, какъ оно разсказано въ третьей

---

*) Хорошо! А какъ-же, о. протоіерей, объяснить цѣлый рядъ реченій Спасителя: „Древнимъ сказано... А я говорю вамъ“. Напр. „око за око“ и діаметрально противуположное: „любить враговъ вашихъ“? и т. д. *Ред.*

**) Очень жаль, что не теперь, ибо въ этомъ весь центръ вопроса. *Ред.*

***) Разумѣется, Пришествіемъ Христа, его страданіями, смертью и воскресеніемъ Старый Законъ и пророчества исполнились во всей точности, а затѣмъ наступило дѣйствіе Новаго Закона, упразднившаго Старый. Въ чемъ-же и пропасть между іудействомъ и христіанствомъ, какъ не въ томъ, что Евреи остались при упраздненномъ законѣ, а мы пошли за Христомъ? *Ред.*

главѣ книги Бытія. Такимъ образомъ, уже одно поползновеніе понимать грѣхопаденіе прародителей по Вашему даетъ обладателю его несомнѣнное право на полученіе аттестата зрѣлости по распространенію лженменныхъ (?) ученій.

„...Откуда даже шага не надо дѣлать къ культу Астарты,— онъ уже готовъ“. Для того, чтобы желѣзнодорожный поѣздъ не потерпѣлъ крушенія отъ неровностей дороги и вслѣдствіе слабости почвы, его ставятъ на пару параллельно идущихъ стальныхъ рельсъ, которыя служатъ для него и указателями пути, и перилами, не позволяющими ему уклониться ни направо, ни налѣво. Такъ и супружескій союзъ. Если хотите провести его правильно по пути жизни, безъ кораблекрушеній, оградите его справа и слѣва нравственными перилами. Поставьте съ лѣвой стороны изреченіе, раздавшееся съ вершины горы Синайской: „не прелюбы сотвори“ (Исх. 20, 14), а съ правой стороны изреченіе, раздавшееся съ вершины горы Галилейской: „всякій, кто смотритъ на (постороннюю) женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“ (Мѳ. 5, 28), и тогда Вамъ и до конца дней своихъ не добраться будетъ до культа Астарты, такъ какъ Вы направитесь въ сторону совершенно противоположную той, гдѣ находится капище этой богини.

Обращаюсь къ второму Вашему примѣчанію. Вы говорите: „(область супружества) не грязна, а животна, низменна, не свободна, и во всякомъ случаѣ ниже *воздержанія*, разсматриваемаго какъ свободный подвигъ“. Какою брезгливостью звучатъ эти слова: „*животна*, низменна!“ Но неужели мы съ Вами стали лучше и святѣе Богоотца, царя Давида? [1]) А онъ всю природу, всѣ суіцества и весь *животный* міръ приглашалъ, совокупно съ собою, хвалить и славить Господа Бога Вседержителя. Прочтите его 148 псаломъ. Неужели мы съ Вами лучше и святѣе трехъ блаженныхъ отроковъ Вавилонскихъ, которые, даже въ огненной печи, приглашали всѣхъ *животныхъ*, совокупно съ ангелами, священниками и

[1]) Опять Ветхій Завѣтъ! Но Богоотецъ Давидъ овладѣлъ женою Уріи, и имѣлъ отъ нея сына Соломона, у котораго было нѣсколько сотъ наложницъ. Въ первомъ случаѣ грѣхомъ былъ не столько конкубинатъ съ Вирсавіей, сколько предательство относительно ея мужа, во-вторыхъ, мы не видимъ грѣха даже въ многоженствѣ. Но какое все это отношеніе имѣетъ къ Новому Завѣту, гдѣ дѣвство поставлено категорически выше супружества? *Ред.*

преподобными, воспѣвать и славить Господа славы (Дан. 3, 51—90)? Неужели мы съ Вами лучше знаемъ и прозрѣваемъ истину, нежели Новозавѣтный Тайнозритель, единственный пророкъ Новаго Завѣта, оставившій намъ свое пророческое писаніе, который въ своемъ пророческомъ сновидѣніи слышалъ какъ „*всякое* созданіе, находящееся на небѣ и на землѣ, и подъ землею, и на морѣ, и *все*, что въ нихъ говорило: Сидящему на престолѣ и Агнцу благословеніе и честь, и слава, и держава во вѣки вѣковъ“ (Апок. 5, 15). Какъ-же намъ, послѣ этого брезговать своими сотоварищами по оружію въ дѣлѣ прославленія Живущаго во вѣки вѣковъ?

Дѣвство Вы разсматриваете, какъ свободный подвигъ, а супружество понимаете, какъ актъ необходимости. Но правда-ли это? Если дѣвство есть свободный подвигъ, то вѣдь и супружество подъемлется христіаниномъ, какъ бремя жизни *), тоже совершенно добровольно и свободно. Заставить насильно кого-либо вступить въ бракъ не можетъ никакая сила въ мірѣ **). Слѣдовательно, съ этой стороны и дѣвство, и бракъ суть совершенно одинаково *оба свободны*. Если-же Вы скажете, что супружество принимается человѣкомъ въ силу непреодолимыхъ *физическихъ* потребностей, и слѣдовательно, оно не свободно, то на это я отвѣчу, что и истинные, и подлинные дѣвственники принимаютъ на себя подвигъ дѣвства въ силу непреодолимой внутренней *психической* потребности, и слѣдовательно и ихъ подвигъ не свободенъ ***). Припомните, что Христово изреченіе „могій вмѣстити да вмѣститъ“ въ устахъ Канта получило слѣдующую перефразировку: „ты можешь, слѣдовательно ты долженъ“. Гдѣ-же тутъ свобода? Итакъ, съ этой стороны и состояніе брака, и состояніе дѣвства суть одинаково *не свободны*.

Въ заключеніе, въ назиданіе всѣмъ, гнушающимся брачнымъ сожитіемъ и называющимъ его мерзостью и скверной, приведу одно изъ немалочисленныхъ правилъ древней Вселенской Церкви, старавшейся зараженныхъ подобной тенденціей неразумныхъ чадъ своихъ удерживать въ должныхъ границахъ. Вотъ что гласитъ 51-е апостоль-

—

*) Гдѣ физическая сторона является смягченіемъ, оплатою, наградою за это бремя, но сама, какъ „бремя“, еще никѣмъ разсматриваема не была. *Ред.*

**) Да не о такой необходимости мы говоримъ, о протоіерей! О необходимости въ философскомъ смыслѣ. *Ред.*

***) Ну, ужъ простите. Это софизмъ, это отрицаніе свободы воли, о. протоіерей! *Ред.*

ское правило: „Аще кто, епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или вообще изъ священнаго чина, удаляется отъ брака, не ради подвига воздержанія, но по причинѣ *гнушенія*, забывъ, что вся добра зѣло, и что Богъ, создая человѣка, мужа и жену сотворилъ ихъ, и такимъ образомъ хуля клевещетъ на созданіе: или да исправится, или да будетъ извержень изъ священнаго чина, и отверженъ отъ Церкви. Такожде и мірянинъ“ *).

Протоіерей *А. У—скій.*“

29 января 1899 г.

II.

Письмо „Мірянина“.

Ко второму письму г. *Мірянина* я сдѣлалъ слѣдующую оговорку: *Примѣч. ред.* Мы помѣстили въ предыдущемъ нумерѣ письмо протоіерея *У—скаго* единственно ради того, чтобы насъ не обвинили въ нетерпимости къ чужому мнѣнію. Аргументація достопочтеннаго отца не только не убѣдительна, но до извѣстной степени противна по своему тону. *Такъ* доказывать можно что угодно, но только—для живаго сердца, ищущаго истины, а не семинарскаго подбора текстовъ, это останется металломъ звенящимъ. Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ печатаемое здѣсь письмо „Мірянина“. Авторъ относится нѣсколько строго къ В. В. Розанову, но *по этому вопросу* такъ и слѣдуетъ. Здѣсь авторъ книги „О пониманіи“ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, протоіереемъ *У—скимъ* могутъ вызвать не только горячую критику, но даже вполнѣ законное негодованіе.

Вопросъ объ интимныхъ сторонахъ брака представляетъ большой интересъ для каждаго человѣка, желающаго жить сознательно и разумно. Едва-ли въ какой-нибудь другой сторонѣ жизни такъ переплетаются между собою и сталкиваются, повидимому, въ полномъ противорѣчіи духовныя и тѣлесныя стремленія личности. Поэтому,

*) Да это наше мнѣніе подтверждаетъ, а не ваше. Къ чему гнушаться тѣмъ, что естественно, что создано Богомъ? Это ересь. Но само-же это правило исключаетъ „воздержаніе“, о чемъ именно говорили и мы. Не гнушаюсь, но въ силу моей внутренней свободы *воздерживаюсь*, пока могу, и, никто меня за это не осудитъ. *Ред.*

стремящимся къ внутренней гармоніи личной жизни, въ высокой степени важно объединить все разнообразіе мыслей, чувствъ, желаній, вообще всѣхъ душевныхъ состояній, вызываемыхъ вопросомъ о бракѣ.

Читателямъ „Русскаго Труда“ извѣстно, что въ послѣднихъ прошлогоднихъ нумерахъ этой газеты вопросу о бракѣ г. Розановъ помѣстилъ свою переписку съ православнымъ священникомъ „Бракъ и Христіанство“. Эта переписка по своему содержанію вызываетъ у читателя много недоумѣній, особенно въ виду того, что г. Розановъ желаетъ дать излагаемой тамъ его теоріи религіозный колоритъ, называя ее „новой концепціей христіанства“.

Г. Розановъ считаетъ актъ физическаго общенія половъ „трансцендентальнымъ“, „мистическимъ“ и даже видитъ въ немъ религіозное содержаніе. Вотъ съ этимъ послѣднимъ никакъ не мирится мысль, а главное, нравственное чувство. Кому не извѣстно, что супруги обыкновенно стыдятся этого акта, стыдятся въ немъ униженія собственной духовной личности, какъ-бы тамъ ни толковалъ г. Розановъ о „таинственности“, о „сведеніи души съ домірныхъ высотъ“ и „завиваніи ее въ стихіи“. Здѣсь физіологическая потребность и доводы разсудка, основывающіеся на ней, встрѣчаютъ протестъ внутренняго существа человѣка и осуществляются, только благодаря временному *подавленію* этого протеста. Здѣсь нѣтъ гармоніи между духомъ и тѣломъ, да едва-ли ее и можно найти, если признавать за ихъ стремленіями одинаковую степень законности. Неудовлетворенность и разладъ въ другихъ сторонахъ жизни разрѣшаются въ жизненныхъ идеалахъ, преимущественно религіозныхъ, а для данной имѣется-ли идеалъ въ сознаніи человѣка? Кто разрѣшилъ вопросъ, *какъ* должно это происходить, чтобы не возмущался „внутренній человѣкъ“? Поэтому рѣшительно непонятно желаніе г. Розанова придать чисто животному акту религіозный смыслъ, тѣмъ болѣе, что религіозныя дѣйствія, напр. молитвы, вызываютъ у насъ совершенно иныя душевныя состоянія.

Новозавѣтное Откровеніе признаетъ физическую сторону въ человѣкѣ, но оно не придаетъ ей положительной нравственной цѣнности. Оно говоритъ, что вступающій въ бракъ только „не согрѣшитъ“ (I Кор. VII, 28, 36), а если въ другомъ мѣстѣ *) и говорится, что

*) Ср. I Кор. VII, 29

„выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ *хорошо* (ibid. 38), то по общему смыслу главы эти слова нужно понимать такъ: хорошо потому что избѣгается блудъ (ст. 2), ибо „лучше жениться, нежели разжигаться“ (ст. 9). Слѣдовательно, по ученію Новаго Завѣта бракъ является дѣломъ хорошимъ только, какъ средство, предохраняющее человѣка отъ блуда. Тѣмъ не менѣе, физическая сторона брака есть, все-таки „похоть плоти“, „похоть мужа“ (Іоан. I, 13), нѣчто такое, чего лучше избѣгать: „не выдающій (замужъ дѣвицу) поступаетъ лучше“. (I Кор. VII, 38), „кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ“ (Мѳ. XIX, 12), „*хорошо* человѣку не касаться женщины“. (I Кор. VII, 1. Мнѣ кажется, что такое пониманіе новозавѣтнаго ученія не противорѣчитъ словамъ Апостола: („жена) спасается чрезъ чадородіе“, на которые особенно упираетъ г. *Рицы* въ № 2 „Русскаго Труда“ за текущій годъ. Спасется, *если* пребудетъ въ вѣрѣ и любви и въ святости съ цѣломудріемъ“ (1 Тим. II, 15). Ясно, что здѣсь имѣется въ виду не розановское „завиваніе въ стихіи“ а *нравственный* подвигъ воспитанія дѣтей, сопряженный для жены по преимуществу со всякими страданіями и лишеніями.

Въ подтвержденіе этой мысли можно привести другое мѣсто изъ посланія къ Коринѳянамъ, гдѣ Апостолъ совсѣмъ и не вмѣняетъ супругамъ чадородіе въ непремѣнную обязанность: „не уклоняйтесь другъ отъ друга... чтобы не искушалъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ. Впрочемъ, это сказано мною какъ *позволеніе*, а *не какъ повелѣніе*. Ибо желаю, чтобы всѣ люди были, какъ и я“ (т.-е. дѣвственны. I Кор. VII, 5—7.)

Поэтому напрасно г. *Рицы* считаетъ „кощунствомъ“ (вѣдь и сказалъ-же!) отношеніе къ женѣ, какъ къ сестрѣ. Если мужъ любитъ свою жену въ духѣ любви Христа къ женщинѣ *), то едва-ли у него появится „аппетитъ“, какъ выражается г. *Рицы*, ибо это психологически несовмѣстимо съ христіански-любовной настроенностью. А между тѣмъ эта настроенность есть единственная цѣль нравственной жизни (слѣдовательно, вообще жизни) человѣка **). Г. *Рицы* сравниваетъ брачную связь половъ съ таинствомъ Евхаристіи, гдѣ такъ же имѣется сочетаніе высочайшаго духовнаго акта съ грубо физическимъ, каково пищевареніе во всѣхъ его стадіяхъ. Съ внѣшней стороны,

*) Ср. Ефес. 5, 25.

**) Мѳ. 5, 48. Филип. 2, 5, 3, 8—27. Колос 2, 20, 3, 2, 14, 19 и пр.

пожалуй, сравненіе подходящее. Но оно падаетъ, какъ только мы обратимся къ внутренней жизни человѣка, въ которой, собственно, вся суть разбираемаго вопроса. Когда мы „ѣдимъ Бога“, по выраженію *Рцы*, мы испытываемъ особенную душевную радость и миръ, не передаваемыя на словахъ. Эта тихая радость и миръ не оставляютъ насъ и потомъ, пока мы снова не загрязнимъ своей совѣсти. Во всякомъ случаѣ моментъ достойнаго причащенія всегда переживается и воспоминается не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. То-же-ли самое переживаетъ каждый супругъ, при воспоминаніяхъ о тайнахъ чадородія со стороны розановскаго „завиванія въ стихіи“? Пусть каждый супругъ отвѣтитъ себѣ чистосердечно на вопросъ: *въ силахъ-ли* онъ приступить къ этому „таинству“ въ то время, когда душа наполнена мыслію и ощущеніемъ святости перваго? Для того, чтобы рѣзче различить два предмета, полезно поставить ихъ рядомъ. А святое со святымъ вполнѣ совмѣщаются въ сознаніи, напр. Евхаристія и молитва, трудъ, благотвореніе.

Церковныя пѣснопѣнія и уставы суть выраженія духовнаго самосознанія Церкви; какъ таковые они служатъ въ то же время проявленіями самосознанія духа человѣческаго, наиболѣе соотвѣтствующими его природѣ. А между тѣмъ Церковь въ разнообразнѣйшихъ формахъ воспѣваетъ и ублажаетъ „безсѣменное зачатіе Матери безмужныя“, называетъ иночество „чиномъ ангельскимъ“, предписываетъ новобрачнымъ пребывать въ дѣвствѣ первую ночь изъ уваженія къ благословенію Церкви, не одобряетъ втораго брака, почти не разрѣшаетъ третій и безусловно запрещаетъ четвертый. Откуда въ Церкви выработалась и такъ ясно проявилась только лишь „терпимость“ къ физической сторонѣ брака, снисхожденій къ ней, и почему она превозноситъ такія состоянія жизни, которыя брачному общенію половъ не причастны? Какъ могло возникнуть въ *святой* Церкви такое отношеніе къ предмету, если онъ тоже свять? Говорятъ: догматику писали монахи, пѣснопѣнія и уставы — тоже. Но вѣдь эти писанія приняты всею Церковію, ибо совпадаютъ по своему смыслу съ ея духомъ. Поэтому личность авторовъ здѣсь стушевывается и уже не имѣетъ того значенія, какое хотятъ придать ей. Да, наконецъ, почему-же не монахи не сдѣлали того, что сдѣлано монахами? За 19 вѣковъ существованія христіанства они могли-бы выразить не мало общецерковныхъ идей. Вопросъ въ томъ, *могли-ли* они? Вѣдь, же-

нившійся во всякомъ случаѣ много времени, если не большую часть, удѣляетъ попеченію о мірскомъ, а такое дѣло, какъ быть выразителемъ церковнаго сознанія, требуетъ почти исключительнаго сосредоточенія на „Господнемъ“.

Едва-ли резонны и ссылки на ветхозавѣтныхъ супруговъ. Цѣль ветхозавѣтнаго брака — размноженіе избраннаго народа въ ожиданіи пришествія Искупителя. Ради *этого* каждому Израильтянину вмѣнялось въ нравственный долгъ производить дѣтей, и потому не было грѣхомъ, кромѣ нѣсколькихъ женъ, имѣть еще и наложницъ; наоборотъ, считалось позоромъ отказываться отъ возстановленія потомства своего брата (Второзак. XXV, 5—10). Въ Ветхомъ Завѣтѣ супруги могли соединяться и „не для удовлетворенія похоти“ (Товит. VIII, 7), ибо самая психологія брачныхъ отношеній была иная, намъ теперь мало понятная. Кто хочетъ убѣдиться въ этомъ, пусть прочитаетъ хотя 30 главу книги Бытія, а я для примѣра приведу оттуда 3-й стихъ. Рахиль сказала *мужу:* „вотъ *служанка моя* Валла; *войди къ ней;* пусть она родитъ на колѣни мои, чтобы и я имѣла дѣтей отъ нея“. Явилось христіанство и превозгласило, что „хорошо человѣку не касаться женщины“ (I Кор. VII, 1), ибо „всѣ во Христа крестившіеся, во Христа облеклись. *Нѣтъ уже... мужескаго пола, ни женскаго:* ибо все *одно* во Христѣ Іисусѣ“ (Галат. III, 27—28). То, что одушевляло ветхозавѣтный бракъ, въ Новомъ Завѣтѣ упразднилось, и бракъ служившій осуществленію мессіанской идеи, здѣсь сталъ средствомъ для удовлетворенія слѣпаго половаго влеченія и созданія удобствъ жизни. По крайней мѣрѣ, обычная цѣль нашего брака такова. Если-же внутренній смыслъ брачной жизни различенъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ, то, конечно, параллель, приводимая протоіереемъ *Усъ—скимъ* между Моисеемъ и Ап. Павломъ и другими— недоказательна.

Г. *Розановъ* старается показать, что христіанство не только не отвергаетъ плотской стороны въ жизни человѣка, выраженіемъ которой является семья, но наоборотъ; по Евангелію, будто-бы, семья-то и есть истинное и при томъ единственное воплощеніе идеала христіанской жизни, обусловливающее существованіе самаго христіанства: „только этотъ взглядъ, говоритъ г. *Розановъ*, вводящій семью ко Христу, спасаетъ отъ колебаній и даже гибели само христіанство“.

Аскетизмъ-же—„духовное жонглерство“ и есть гибель для Христова ученія, или, по крайней мѣрѣ, извращеніе его.

Что христіанство не отвергаетъ семьи — это ясно всякому, читавшему Новый Завѣтъ, но остальныя разсужденія г. *Розанова* рѣшительно парадоксальны. Въ самомъ дѣлѣ, какъ примирить съ ними хотя-бы слѣдующія слова Евангелія: „... есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для Царства Небеснаго. Кто можетъ вмѣстить да вмѣститъ“ (Мо. XIX, 12); „и всякій, кто оставитъ домы, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или *жену*, или *дѣтей*, или земли ради имени Моего, получитъ во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную“ (Мѳ. XIX, 29). Этихъ словъ совершенно достаточно, чтобы опредѣлить состоятельность „новой концепціи христіанства“, поскольку она стремится опереться на Евангеліе. Здѣсь *утверждается*, съ одной стороны, духовное скопчество, т. е. добровольное *отреченіе отъ брачной жизни*, какъ *высшій* идеалъ, доступный „могущимъ вмѣстить“; а съ другой—*отрицается необходимость брака и семьи* для спасенія человѣка, слѣдовательно, и вообще для его жизни. Семья, несмотря на высоту и чистоту связей, соединяющихъ ея членовъ, все таки заключаетъ въ себѣ элементъ эгоистическаго ограниченія („*мои*: жена, сынъ, братъ, а то—*чужіе*“) и потому она не вмѣщаетъ въ себѣ идеала всеобщаго родства въ духѣ словъ Спасителя: „кто будетъ исполнять волю Божію, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и матерь“ (Марка III, 35). Поэтому стремленіе къ осуществленію этого идеала въ жизни неминуемо ведетъ къ постепенному уничтоженію границы, созданной семьей между „мои“ и „чужіе“. А такъ какъ эта граница возникаетъ именно въ силу *кровности* семейнаго союза, то ясно, что кровность, возведенная въ *принципъ* жизни, согласно г. *Розанову*, будетъ только препятствовать духовному развитію человѣка.

Семейныя узы важны не сами по себѣ, а потому, что на почвѣ кроваго соединенія мы узнаемъ возвышеннѣйшее чувство любви, источникъ всякаго добра. Но это святое чувство возникаетъ и между людьми, не соединенными узами кроваго родства, Нужно только стремленіе къ этому, нужна внутренняя самодѣятельность.

Исторія христіанства представляетъ не мало примѣровъ такой любви, да и что такое сама Церковь, какъ не союзъ этой-же любви? Слѣдовательно, кровность, даже какъ условіе, не необходима для

христіанскаго развитія человѣка. По этому не „семья спасаетъ отъ гибели христіанство", а христіанство возвышаетъ и облагораживаетъ семейный союзъ. Лишите семью христіанской основы, и она превратится въ сожительство самца, самки и ихъ дѣтенышей. Не изъ семьи возникло христіанство. Первые проповѣдники его „оставили все" (Мо. XIX, 27) и пошли за Христомъ. Нѣкоторыхъ Онъ Самъ призывалъ ради Него оставить кровныя узы. „А другому сказалъ: слѣдуй за Мною. Тотъ сказалъ: Господи! позволь мнѣ прежде пойти, и похоронить *отца* моего. Но Іисусъ сказалъ ему: предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ, а ты иди, благовѣствуй Царствіе Божіе" (Лук. IX, 59—60, см. еще Мо. VI, 22). Не семьей живо христіанство и доселѣ. Сказавшій „создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея" (Мо. XVI, 18), сказалъ еще: „дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ... идите, научите всѣ народы... и се, Я съ вами во *всѣ дни* до скончанія вѣка" (Мо. XXVIII, 18—20). Съ того времени Божественная Личность Его неотразимо влекла и влечетъ къ себѣ каждаго ищущаго въ жизни свѣта и истины. Вотъ гдѣ лежитъ основаніе поразительной жизненности христіанства. „*Христосъ* моя сила . . . ." поетъ Церковь и напрасно г. *Розановъ* думаетъ видѣть эту силу въ плотскомъ союзѣ людей.

* * *

Итакъ, если семейная жизнь сама по себѣ не имѣетъ безусловнаго значенія для христіанина, то, конечно, нельзя оправдать нѣсколько презрительнаго отношенія г. *Розанова* къ монашеству. Неосновательность принципіальной стороны такого отношенія достаточно выяснилась уже изъ приведенныхъ выше словъ Евангелія о духовномъ скопчествѣ ради Царствія Божія (Мо. XIX, 73), ученія Ап. Павла о дѣвствѣ и супружествѣ (I Кор. VII); о значеніи пола въ христіанствѣ (Галат. III, 27—28) и пр. Но г. *Розановъ* неправъ, такъ сказать, и in concreto. Онъ за „яденіями", „питіями и глаголаніями" (?!) упустилъ изъ виду самое главное: именно, внутреннюю жизнь монашества и внѣшнія условія ея. Прекрасный очеркъ того и другаго далъ покойный архіепископъ Никаноръ одесскій въ своей статьѣ „Изъ исторіи учепаго монашества шестидесятыхъ годовъ" („Русское Обозрѣніе" 1896 г. кн. 1—3). Беру, для примѣра, слѣдующія выдержки. „Когда случится горе съ мірскимъ человѣкомъ, онъ раздѣлитъ его

съ родителями, женой, дѣтьми, близкими родными, друзьями, развѣетъ горе по вѣтру разными развлеченіями, перемѣнитъ карьеру, родъ службы, родъ занятій; не перемѣнитъ, такъ потѣшится надеждою, что можетъ перемѣнить. Кромѣ того, всякому въ жизни приходится раздѣлить данную ему долю способности страдать и на близкія существа: на жену, дѣтей, родныхъ, друзей,—гдѣ тутъ иному думать о себѣ, о своемъ личномъ страданіи? Въ міру, даже при существованіи многихъ изъ упомянутыхъ условій, напримѣръ, возможности искать забвенія горя въ развлеченіяхъ, при существованіи свободы въ выборѣ службы и занятій и т. д., наибольшіе страдальцы—это люди одинокіе, бездомные холостяки, бобыли, грубѣйшіе эгоисты. Они-то и даютъ наибольшій контингентъ самоубійцъ. Возьмемъ-же теперь монаха. У него все, исключительно все доведено до крайности. Кромѣ Бога, утѣшить его въ бѣдѣ некому. Вблизи его нѣтъ ни родителей, ни родныхъ, ни, всего чаще—друзей, ни одной истинно-близкой души. Даже выплакать горе на груди старой матери, если она имѣется, не удобно, не пристало; болѣе пристало молча сжать зубы, лежа на диванѣ; пусть лучше горе выльется въ этой крови, которая течетъ горломъ изъ здоровой по натурѣ груди. А мать, которой ни слова не говорятъ, пусть тамъ молится, коли хочетъ, и въ молитвѣ ищетъ себѣ утѣшенія, а изнывающему сыну—помощи. Раздѣлить свое горе ему позволительно развѣ со своею подушкой или съ рукавомъ подрясника, въ который уже никто и ничто не возбраняетъ вылить слезъ, сколько ему угодно; цѣлую пучину. Это Давидово: *слезами моими постелю мою омочу*. Развлеченій никакихъ, кромѣ дѣла, которое дали, его не спросясь, а теперь отнимаютъ, опять-же у него не спросясь,—дѣла только по службѣ, которая ускользаетъ изъ-подъ ногъ. Иную службу, иную карьеру избрать себѣ онъ не воленъ.

„Вотъ ударили монаха по немъ самомъ,—и вся сила страданія, какая только дана ему отъ природы, кидается на этотъ одинъ его чувствилищный центръ, на него самого, и приливомъ болѣзни къ одному жизненному пункту поражаетъ его жестоко, иногда прямо на смерть. Это и есть монашеское *самоболѣніе*...

....И блаженъ тотъ изъ черной братіи, кто силенъ, кто пріобрѣлъ отъ юности навыкъ, кого Богъ не оставилъ благодѣтельнымъ даромъ духовнаго искусства, а ангелъ-хранитель неотступностью своихъ внушеній опрется въ тяжелую минуту, въ годину искушенія,

на вѣру и молитву, опереться на Бога и Церковь, опереться даже безъ вѣры и надежды на стѣну церковную. Я употребляю слова выболѣнныя, да!.

...„Я знаю монаха, который отъ боли души не спалъ четырнадцать дней и ночей. Это чудо, но вѣрно... Я зналъ монаха, превосходнѣйшаго человѣка, который, страдая, собственно, болями ума, выразился такъ: „право, подчасъ становится понятенъ Иванъ Ивановичъ Лобовиковъ" (самоубійца-профессоръ). Иначе сказать, понятна логика самоубійства. Да, понятна...

„А многіе-ли между свѣтскими, а кто изъ нихъ мучится въ душѣ прирожденными ей усиліями помирить злую необходимость, явно царящую вездѣ и надъ всѣмъ, отъ безпредѣльности звѣздныхъ міровъ и до ничтожной песчинки—человѣка съ царствомъ благой свободы, которую человѣкъ, волей-неволей, силится перенести изъ центра своего духа за предѣлы безконечной вселенной и посадить на престолъ вѣчности, для которой царствующій всюду злой рокъ служитъ только послушнымъ орудіемъ и покорнымъ подножіемъ? А христіанскій мыслитель, въ родѣ ученаго монаха, предъ неприступностью этихъ вопросовъ, или падаетъ въ изнеможеніи и, разорвавъ ярмо вѣры, закусивъ удила, неистово бѣжитъ къ гибели, какъ-бы гонимый рокомъ; или, переживая страшныя, невѣдомыя другимъ, томленія духа, вѣрный завѣту крещенія и символу спасающей вѣры, вѣрный иноческому обѣту и священнической присягѣ, съ душой, иногда прискорбной даже до смерти, припадая лицомъ и духомъ долу, молится евангельскою символическою, общечеловѣческою молитвою: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію* и, поддерживаемый Божіею благодатію, хотя и малу имать силу, соблюдаетъ слово Христово и не отвергается имени Христова, и пребываетъ вѣренъ возложенной на него борьбѣ даже до смерти. Вотъ что я называю міровой скорбью нашей эпохи, и вотъ почему называю ученыхъ монаховъ первыми носителями этой міровой скорби".

Такъ, говоритъ о монашествѣ человѣкъ, проведшій въ этомъ чинѣ цѣлую половину своей жизни.

Мнѣ кажется, приведенныя слова его приложимы вообще къ монашеству, а не только къ монашеству 60-хъ годовъ, потому что съ одной стороны едва-ли въ первые вѣка его исторіи природа личности была иная, чѣмъ теперь, а съ другой—христіанство всегда,

съ самаго появленія было для міра „юродствомъ", „соблазномъ" и „безуміемъ" (1 Кор. 1, 18, 23) и слова Спасителя: „Я передалъ имъ слово Твое; и міръ возненавидѣлъ ихъ, потому что они не отъ міра, какъ и Я не отъ міра", (Іоан. XVII, 14), относящіяся вообще къ христіанамъ, къ монахамъ, конечно, приложимы тѣмъ болѣе. Слѣдовательно, условія для возникновенія тяжелой внутренней борьбы и страданія были всегда. Всегда жизнь истиннаго монаха была и есть подвигъ высокій и трудный, подвигъ „сораспятія Христу" (Галат. 2, 19), „Голгоѳа" въ большей степени, чѣмъ для немонашествующаго христіанина *).

Я согласенъ съ г. *Розановымъ*, что „Голгоѳу" несетъ *порою* (курсивъ мой) на себѣ" и семейный человѣкъ. Но разница здѣсь та, что онъ вступаетъ въ бракъ совсѣмъ не ради подвига, а ради *своего* счастія и благополучія, монаху-же заповѣдуется прежде всего забыть о себѣ, а взять крестъ свой и итти на борьбу за Христово ученіе. (См. Апостолъ и Евангеліе на постриженіе монаховъ: Ефес. 6, 10—17. Мѳ. 10, 37—42).

Въ заключеніе хотѣлось-бы мнѣ сказать нѣсколько словъ по поводу своеобразнаго отношенія г. *Розанова* къ священному тексту, какъ основанію для построенія своей теоріи. Г. *Розановъ* пишетъ: „вездѣ Онъ (Христосъ) бралъ людей въ кровномъ соединеніи и нигдѣ ни разу не разорвалъ кровей ихъ... Въ этомъ и только въ этомъ освѣщеніи понятны, законны и радостны" становятся его бесѣды съ семи (!?) мужнею Самарянкой (см. Іоан. IV, 18), прощеніе грѣшницы... И опять только въ этомъ освѣщеніи понятны и законны станутъ нѣкоторыя Его слова: „блудницы и мытари впередъ васъ внидутъ въ Царство Небесное", „потерявшій душу свою—сбережетъ ее", а „сберегающій—потеряетъ", *то-есть* (курсивъ мой), не говори, какъ скупецъ (и скопецъ) „духъ", „духъ мой", „тебя взыскую": но „взыскуй ближняго" даже цѣною потери этого „духа" и вотъ тутъ-то, когда ты думаешь, что „потерялъ" его, ты и „обрѣтаешь" его, даже сторицею, какъ-бы выколосившееся зерно.

*) Исключеніемъ могутъ служить развѣ тѣ семейные служители Церкви, которые, по своему служебному положенію, стоятъ *совершенно одиноко* среди невѣрующей и индифферентной среды. Здѣсь бываетъ та-же острота внутренняго болѣнія, доходящаго почти до отчаянія, что и у монаховъ. Я разумѣю лицъ, въ родѣ напр., профессоровъ богословія, *добросовѣстно* исполняющихъ свою высокую миссію христіанскаго просвѣщенія молодежи въ университетахъ и другихъ высшихъ свѣтскихъ школахъ. *Авт.*

„Такимъ образомъ, начало, собственно, плоти и плотскаго человѣка къ человѣку прилѣпленія не только не враждебно Христу, но, можно сказать, что въ эту слѣпленность людскую Христосъ и вошелъ, какъ въ сѣнь свою, вездѣ беря человѣка не въ сіяніи одеждъ его, не въ украшеніяхъ гроба, но въ радости семейнаго очага, у колыбели".

Вотъ примѣръ толкованія св. текста г. *Розановымъ*. Но посмотримъ, какъ приведенныя выше слова стоятъ въ Евангеліи и въ контекстѣ...: Мытари и блудницы впередъ васъ (т.-е. первосвященниковъ и старѣйшинъ) идутъ въ Царствіе Божіе, *ибо* пришелъ къ вамъ Іоаннъ путемъ праведности, *и вы не повѣрили ему*, а мытари и блудницы *повѣрили ему*.." (Мѳ. XXI, 31—32). Второй изъ приведенныхъ текстовъ въ Евангеліи стоитъ такъ: „сберегшій душу свою— потеряетъ ее, а потерявшій душу свою *ради Меня* сбережетъ ее (Мѳ. 10, 39; Мр. 8, 35; Лук. 9, 24). „*Ибо* какая польза человѣку, если онъ *пріобрѣтетъ* весь *міръ*, а *душѣ* своей *повредитъ*"? (Мр. 8, 36; Лук. 9, 25).

Здѣсь противуполагаются два духовныя состоянія человѣка: съ одной стороны *прилѣпленіе къ міру*, считаемое обыкновенно у людей за „сбереженіе души" (въ смыслѣ земнаго благополучія), а съ другой—*самоотверженіе ради Христа* и Евангелія. Первое—причина духовной гибели, второе—источникъ жизни. Спрашивается, при чемъ здѣсь „кровное соединеніе" и что оно „освѣщаетъ" въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ Евангелія? При чемъ здѣсь „плотское человѣка къ человѣку прилѣпленіе", когда здѣсь идетъ рѣчь объ общемъ характерѣ, содержаніи, направленіи внутренней жизни человѣка? Повидимому, г. *Розановъ* взялъ эти слова Евангелія на-авось, не справившись съ контекстомъ. Поэтому и вышло у него, что не теорія подтверждается текстами и вытекаетъ изъ нихъ, а тексты истолковываются согласно требованію теоріи, хотя и въ ущербъ ихъ дѣйствительному смыслу, но хуже всего, что въ тѣхъ случаяхъ, когда ученіе Новаго Завѣта противорѣчитъ его теоріи, г. Розановъ не останавливается предъ сомнѣніемъ въ подлинности и авторететности священнаго текста.

Г. *Розановъ* продолжаетъ вышеприведенную тираду: „Противъ этого общаго колорита Евангелій и Лика Христова совершенно безсильны бѣгучія (?), и, можетъ быть, апокрифическія привѣски въ родѣ: „лучше не жениться", „даяй дѣву въ бракъ—хорошо посту-

паетъ, а не даяй—лучше поступаетъ", гдѣ такъ явно человѣческое колебаніе, или человѣческая (двоящаяся въ незнаніи) ограниченность". Но, во-первыхъ, подлинность перваго посланія къ Коринѳянамъ, откуда взяты цитируемыя (не точно) г. Розановымъ слова, есть фактъ безспорный; во-вторыхъ, Апостолъ Павелъ совершенно опредѣленно говоритъ, что дѣвство *лучше* супружества, духовнѣе его; и въ-третьихъ, такое ученіе, хотя и косвенно, излагается и въ другихъ посланіяхъ Апостола, напр. къ Галатамъ 3, 27—28; къ Тимофею въ 1 посл. 3, 2 (епископъ долженъ быть... *одной* жены мужъ", діаконъ—тоже (ст. 12); 5, 9, 11—15; къ Титу 1, 7, 4); ученіе Ап. Павла по смыслу согласуется съ Евангельскимъ (Мѳ. XIX, 12, 29 и др.). Слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи ни объ „апокрифическихъ привѣскахъ", ни о колебаніи и незнаніи. Этимъ, думаю, устраняется и упрекъ въ „эклектизмѣ", выражаемый г. *Розановымъ* Церкви за ея отношеніе къ браку.

Мірянинъ.

III.

Отозвался, конечно, и *Рцы*. Сначала онъ прислалъ небольшую замѣтку, которая и была помѣщена въ № 29 „Русскаго Труда" за 1899 годъ, затѣмъ, большую статью, озаглавленную Ad hominem, напечатанную въ №№ 30 и 32. Замѣтка вызвана статьями *В. В. Розанова* по поводу послѣдняго романа гр. Л. Н. Толстого „Воскресеніе". Вотъ она цѣликомъ:

Г. *Розановъ* полагаетъ, что Толстой уже высказалъ „главное слово романа".

„Ты насладился мною, да мною-же хочешь и на томъ свѣтѣ оправдаться".

Признаюсь, я затрудняюсь подогнать эти слова подъ то, что составляетъ, повидимому, своего рода, idée fixe для г. *Розанова* въ послѣднемъ періодѣ его литературной дѣятельности. Съ усердіемъ, можетъ быть, и недостойнымъ лучшаго дѣла, онъ постоянно возвращается къ ней послѣдніе годы и, по всѣмъ вѣроятіямъ, и „главное слово" романа Толстого будетъ искать въ идеѣ—выражусь такъ—*неоюдаизма* въ христіанствѣ. Заставить *на костыляхъ рефлексіи* держаться то, что покоплось въ Ветхомъ Завѣтѣ и по днесь держится нерушимо у

Евреевъ на материковой твердынѣ *безсознательнаго*—исторіи, быта, своеобразной психики, даже неповторяемой физіологіи—вотъ миражъ, которому отдаетъ дань, конечно, временнаго увлеченія даровитый авторъ. *Оцъломудрить*, такъ сказать, *К. А. Скальковскаго*—беремъ это имя, какъ представителя яркаго міровоззрѣнія, исповѣдуемаго. по крайней мѣрѣ, девятью десятыми интеллигентнаго человѣчества—убѣдить Константина Аполлоновича бросить парижскіе бульвары и... что-же начать? Что реформировать? Какой *новый методъ* примѣнить на *практикѣ?* Вѣдь проповѣдникъ долженъ-же отдавать себѣ отчетъ, что *на дѣлѣ* должны умѣть и хотѣть сдѣлать его послѣдователи? Ну, вотъ, скажемъ, уважаемый Константинъ Аполлоновичъ согласится изъ стараго „дьявля“ превратиться въ благонамѣреннаго отшельника, „но что-же должна я дѣлать послѣ“? пропоетъ онъ на мотивъ Жирофле-Жирофля? И въ затруднительности отвѣта на вопросъ—зіяющая дыра симпатичныхъ, можетъ быть, но совершенно мечтательныхъ теорій г. *Розанова*. Плодовитый авторъ рѣшительно не хочетъ вникнуть въ тотъ простой фактъ, что, вмѣсто пуншевыхъ огней подъ тактъ канкана, очень возможно возжечь жертвенный огонь Манои, но невозможно создать *настроеніе* Манои, невозможно разгладить многовѣковую складку исторіи. . „Бросить романъ и начать *религіозно*“... Что? Какъ? спроситъ не одинъ Скальковскій. Все это слова, слова, а наше время, наша печальная дѣйствительность требовала-бы могущественнаго движенія, радикальной эволюціи, но именно въ области *дѣлъ*, фактовъ. Поменьше *мозга*, побольше *воли;* довольно *умовъ*, давайте намъ теперь *характеры*... Такимъ движеніемъ въ области *дѣлъ*, взамѣнъ опостылѣвшей безплодной *книжности* вѣка, не является-ли *отчасти* дѣло Дрейфуса *) Неожиданный парадоксъ? Странное сближеніе? А вдумайтесь. Въ дѣлѣ Дрейфуса идетъ борьба изъ-за *лица*. Пусть погибнетъ *лицо*—спасена будетъ страна. Безбожная Франція, по крайней мѣрѣ, въ одной ея половинѣ, выступаетъ въ защиту христіанскѣйшаго принципа *лица*. Пусть лучше погибнетъ вселенная, но не человѣкъ. Душа человѣческая стоитъ вселенной. Не правда-ли, удивительно и неожиданно отъ народа, какъ-бы совсѣмъ отрекшагося отъ Христа? И, какъ подумаешь, до чего есте-

*) Дрейфусъ приведенъ по моему весьма неудачно. Виновность его была достаточно установлена. Неужели нельзя было найти другой примѣръ въ лицѣ дѣйствительно невинно пострадавшаго? *Ред.*

ственно было-бы Французамъ послушаться Мелина, безспорно чистоплотнаго, порядочнаго, лично ни малѣйше не заинтересованнаго въ томъ, или иномъ рѣшеніи вопроса: нужно было на вѣки положить дѣло Дрейфуса подъ сукно, ни за что не допускать переверщенія приговора. Закралось въ душу вашу сомнѣніе—исторгните его, сжалось сердце отъ жалости—пожалѣйте тогда Францію! Вотъ логика *язычника, языческаго* міросозерцанія. Salus reipublicae—lex *suprema*. Но какіе-то убогіе рыбари пронесли по міру слово о душѣ человѣческой, о *безконечной* цѣнности *лица*. Самую тайну Божества они открыли въ *лицахъ*. Безпредѣльное могущество и, какъ слѣдствіе, абсолютное единство, безмѣрная благость или, какъ антитеза, карающая грозность, премірность Божества, Его безначаліе и безконечность—какъ все это *необходимо* мыслится передъ анализомъ какой-угодно религіозной концепціи, и на ряду съ этимъ—нѣчто вовсе не входящее implicite въ понятіе абсолюта, даже, кажется, невмѣщаемое и невыводимое изъ чисто философскихъ построеній.—*Лицо!* Однимъ этимъ откровеніемъ Божество въ ужасающей степени было приближено къ человѣку. *Лицо*, это—я, это—ты, это—Дрейфусъ. Вотъ этотъ кусокъ мяса, „разверзающій ложесна", это тоже *лицо*. Отсюда *вся пріемлемость* не только для сердца, но и для ума и идеи личнаго безсмертія: лицо Ивана или Петра, это также реально, неповторяемо, и несмѣшиваемо, какъ Сиріусъ или созвѣздіе Большой Медвѣдицы, и только для одной энергіи *превратиться* значило-бы *уничтожиться*, это—*лицо человѣческое*. Изо всѣхъ энергій поэтому, названная всего менѣе могла-бы нарушить законъ сохраненія силъ. Такимъ образомъ, лицо, это и есть сіяніе Божества, Его образъ и подобіе. цѣнность, за выкупъ которой Франція справедливо готова душу свою положить. Какъ-же Нехлюдовъ хотѣлъ уплатить за такую безконечную цѣнность сто цѣлковыхъ? Вѣдь, отдавая ему эмблему женскаго лица—таинственный уникумъ физіологіи—Катюша вправѣ была требовать взамѣнъ одинаковой цѣнности. И вотъ теперь онъ на это готовъ, но какъ вернуть ея *лицо*, всегда и неизбѣжно стираемое, утрачиваемое въ проституціи? Не въ этомъ-ли вопросѣ центръ тяжести романа Толстого?

Впрочемъ, ничего не могло-бы быть досаднѣе, какъ навязывать произвольно *свою* точку зрѣнія великому романисту. Это замѣчаніе, какъ мнѣ кажется, полезно имѣть въ виду не только мелкимъ лите-

ратурнымъ сошкамъ, но и писателямъ, пользующимся вполнѣ заслуженною извѣстностью.

Ad hominem.

I.

Въ двухъ статьяхъ, посвященныхъ *прот. А. У—скимъ* и г. *Мірянином*ъ въ №№ 24 и 25 „Русскаго Труда“ критикѣ „религіи брака“ г. *Розанова* рѣчь идетъ также отчасти и обо мнѣ. Долгомъ считаю оттолкнуть кое-какія недоразумѣнія. Очень немного строкъ позволю себѣ посвятить прежде всего г. *Мірянину;* нѣсколько болѣепространныхъ соображеній будутъ мною повергнуты на благоусмотрѣніе достоуважаемаго о. протоіерея.

Г. *Мірянинъ* удивляется и даже, можетъ быть, негодуетъ за выраженіе „*кощунство*“, коимъ я опредѣлилъ модную, кажется, нынѣ проповѣдь объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, какъ къ *сестрѣ*. Я охотно готовъ отказаться отъ названнаго термина, но, по совѣсти, не могу отказаться отъ очень опредѣленной мысли, съ этимъ терминомъ пусть и неудачно мною связанной. Есть что-то *гнусное,* противоестественное въ отношеніяхъ мужа къ женѣ, какъ къ *сестрѣ* — вотъ что я думаю, и это я хотѣлъ сказать. „Если мужъ любитъ свою жену въ духѣ любви Христа къ женщинѣ, говоритъ г. *Мірянинъ*, то едва-ли у него появится аппетитъ“. Не понимаю. Но вѣдь въ духѣ любви Христа къ женщинѣ мы любимъ, должны любить *всѣхъ* женщинъ; въ чемъ-же должно заключаться то особое отношеніе вотъ къ этой *единой* между всѣми женщинѣ, которую я зову не женщиною вообще, не сестрою о Христѣ, но именно *женою?* Христосъ не былъ женатъ, поэтому выраженіе: „въ духѣ любви Христа къ женщинѣ“ вообще мало уясняетъ дѣло. Ссылка, сдѣланная тамъ-же на Апостола (Ефес. 5, 25)—и того менѣе. Это именно то мѣсто, которое положено читать во время чина вѣнчанія, каковое таинство, какъ извѣстно, не исключаетъ мысли о чадородіи, и слѣдовательно, и объ „аппститѣ“, ибо кромѣ Единаго, безсѣменно-родившагося, всѣ вѣдь рождаются отъ „похоти мужскія“... Почтенный авторъ показалъ въ своей статьѣ со-

лидную, повидимому, начитанность въ Священномъ Писаніи; какъ ей пришло ему въ голову остановиться на слѣдующемъ мѣстѣ Апостола:

„Духъ-же ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, *внимая духамъ обольстителямъ* и ученіямъ бѣсовскимъ, *чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ*, сожженныхъ въ совѣсти своей, *запрещающихъ вступать въ бракъ* и употреблять въ пищу (это сопоставленіе, *пищи* и *брака* не оставляетъ сомнѣнія, о какой сторонѣ супружескихъ отношеній говоритъ Апостолъ; это конечно сторона *животная*, „аппетитъ“, противъ котораго уже въ то время возставали лицемѣрные лжесловесники, сожженные въ совѣсти своей). То, что Богъ сотворилъ, дабы вѣрные и познавшіе истину вкушали съ благодареніемъ, ибо всякое твореніе Божіе хорошо, и *ничто не предосудительно*, если принимается съ благодареніемъ, потому что освящается словомъ Божіимъ и молитвою“ (I Тим. IV, 1—5).

Позволительно думать, что, вспомнивъ объ этихъ ясныхъ словахъ св. Апостола Павла, г. *Мірянинъ* воздержался-бы отъ аргументаціи, которою онъ полагаетъ ниспровергнуть силу моего напоминанія, что и святѣйшее таинство Евхаристіи неотдѣлимо отъ грубаго физическаго акта... Да, но тамъ-де особая духовная радость. Совершенно вѣрно, но вѣдь всѣ усилія г. *Розанова* направлены къ тому, чтобы доказать—что *радость*, о Господѣ радость не невозможна и въ супружествѣ. Мы ѣдимъ и, по слову Апостола, благодаримъ Господа. Мужъ, по теоріи г. *Розанова*, прилѣпляется къ женѣ и тоже благодаритъ Господа. Мнѣ не нравятся *крайности* г. *Розанова*, увлеченіе его, въ силу коего можно думать, что онъ придаетъ какое-то *спасающее* значеніе половому акту, видитъ въ немъ чуть-ли не подвигъ, жертвоприношеніе, но, пока онъ стоитъ на почвѣ только *радованія о Господѣ* — я глубочайшимъ образомъ сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь рѣшился на попытку опровергнуть его на основаніи Священнаго Писанія и Преданія. Задача слишкомъ неблагодарная... Ты ѣшь, и благодаришь Господа; смѣшно, конечно, видѣть въ этомъ актѣ подвигъ, но безуміе — и грѣховное нѣчто, противное Христовымъ заповѣдямъ, здѣсь искать. Такъ и въ другомъ радованіи, по преимуществу защищаемомъ г. *Розановымъ* отъ новоявленныхъ бракоборовъ, опирающихся на общераспространенное чувство гадливости по отношенію къ половому акту... Скажу къ слову, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи г. *Розановъ*, по моему, глубоко правъ. Я го-

товъ признать за нимъ несомнѣнную заслугу въ томъ, что онъ изъ потемокъ фарисейскихъ недосказанностей и мрака глубоко-лицемѣрной конфузливости смѣло извлекъ наружу и открыто поставилъ на обсужденіе каждаго честнаго сознанія вопросъ: да въ чемъ-же *мерзость* половыхъ отношеній? Откуда это чувство *гадливости?* Каковы для него основанія психологическія, историческія, религіозныя? Не привито-ли *искусственно* современному человѣчеству это брезгливое отношеніе къ полу? Пусть на дальнѣйшемъ онъ можетъ быть сбивается, но вопросъ поставленъ такъ, что отвертѣться отъ него при помощи старыхъ фарисейскихъ уловокъ врядъ-ли придется...

Возвращаюсь къ вопросу объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, какъ къ *сестрѣ*. Какъ осуществить на практикѣ этотъ новый видъ сожитія? Заранѣе условиться съ дѣвушкой-невѣстой? Такой заблаговременный „контрактъ“ не представлялъ-бы ничего неудобнаго? Ни въ комъ не возбудилъ-бы чувства отвращенія? Чудесно! Но тогда, зачѣмъ жениться, къ чему выходить замужъ? Не проще-ли, не естественнѣе-ли, не нравственнѣе-ли и не вводить „сестру о Христѣ“ въ свой домъ? Или новая форма сожитія должна осуществиться *потомъ*, когда розы и шипы супружескихъ отношеній будутъ достаточно извѣданы тою и другою стороною? Притомъ, какъ—съ обоюднаго согласія, конечно? Вопросъ въ такомъ видѣ не представлялъ-бы никакого интереса; о чемъ только не могутъ сговориться мужъ и жена! Ихъ дѣло. И ничего принципіальнаго тутъ нѣтъ. Но вотъ случай: одинъ супругъ *хочетъ*, другая сторона говоритъ *нельзя?* Если, на вулканѣ семейныхъ несогласій указаннаго рода, появится любовникъ или любовница—что скажемъ мы? Да въ девяти десятыхъ случаевъ адюльтеровъ не такъ-ли дѣйствительно и бываетъ? Разумѣется, въ иной мотивировкѣ: разность лѣтъ и пропстекающая немощь, разность темперамента, роковой физическій законъ, въ силу коего женщина старится *скорѣе* мужчины, не говоря уже о тысячѣ женскихъ болѣзней, очень, очень иногда рано оставляющихъ жену, такъ сказать за флагомъ .. Наконецъ, возможно покорное преклоненіе одного изъ супруговъ передъ волею другого. Нѣтъ, такъ и нѣтъ! на все Божья воля. Такой случай былъ описанъ въ газетахъ. Какой-то мудрецъ начитался Толстого и рѣшился превратиться изъ супруга въ „брата“. Левъ Николаевичъ шлетъ поздравленіе, благодаритъ. Отвѣчаетъ жена. Въ невыразимо-трогательномъ по изложенію письмѣ она исповѣдуетъ свою

старую смиренную вѣру, что въ бракѣ, въ супружескихъ отношеніяхъ скверны нѣтъ. Она хотѣла-бы, чтобы мужъ любилъ ее и плотски... Она счастлива была-бы имѣть дѣтей... Толстой, по свидѣтельству очевидца, *заплакалъ* надъ этимъ письмомъ... Какъ непонятны эти слезы! Какъ безконечна *гнусность* новаго ученія, такъ лицемѣрнаго и такъ жестокаго! А гнусность вблизи и вокругъ того, что во всякомъ случаѣ проходитъ черезъ таинство, освящается словомъ Божіимъ и молитвою,—какъ назвать?... Я ничего не смѣю сказать болѣе г. *Мірянину*.

*
* *

Капризъ пера подсказываетъ мнѣ такую архитектурную схему: вывести *на лицо* флигелекъ, такъ пустячокъ, о двухъ - трехъ клѣтушкахъ, а сзади, во дворѣ—пять-шесть этажей, „со всѣми удобствами...“ Почему нѣтъ? Шаблонъ говоритъ: «нельзя-съ!» — канцелярская рутина упадетъ въ обморокъ, глупо раскроетъ ротъ передъ такимъ нарушеніемъ «образцовъ и формъ...»

Но какое вамъ дѣло до шаблоновъ, рутины, до канцелярской мертвечины? Вотъ, если-бы *здравый смыслъ*, эстетическая *совѣсть*, ну, скажемъ, гигіена, соображенія экономіи, наконецъ, говорили: нѣтъ! А! Тогда другое дѣло! Но увидать хорошо разбитую улицу съ этакими барскими коттэджами, а для менѣе состоятельныхъ дать много воздуха, свѣта, удлинить для ихъ глазъ перспективу — да провались несчастіе нашей жизни, воплощаемое этою всемертвящею рутиною!!

Итакъ, вы позволите? Вотъ тема, вотъ флигелекъ «на лицо»:

— Женатъ?—вопрошаетъ досточтимый отецъ протоіерей *А. У—скій* *).

Отвѣчаю:—женатъ.

— Чину вѣнчанія внималъ?

— Внималъ, батюшка.

— Требникъ читалъ?

— Да.

Теперь забудемъ тьму вопросовъ. Перелистуемъ быстро нѣсколько страницъ „Книги бытія моего“ и остановимся на той, гдѣ можно разсмотрѣть какую-то преждевременную морщинку, какую-то странную складочку на сердцѣ, слишкомъ молодомъ, чтобы быть ему такъ

*) См. выше, стр. 85.

озабоченнымъ... Чѣмъ? Какимъ-нибудь горемъ? Можетъ быть, нежданно-негаданно разверзшеюся могилою на жизненномъ пути, очень, можетъ быть, близкою, очень дорогою могилою? Это, конечно, не представляетъ никакого интереса, но въ цѣляхъ дальнѣйшаго не безполезно легкимъ абрисомъ намѣтить извѣстное настроеніе... На почвѣ, именно, подобныхъ душевныхъ кризисовъ нерѣдко происходитъ переломъ въ нашемъ духовномъ мірѣ; очень часто смутные задатки *чего-то*, заложенные съ дѣтства, получаютъ толчокъ, пробуждаются, лихорадочно тянутся къ какому-нибудь твердому устою отселѣ болѣе или менѣе *сознательной* вѣры...

Такъ вотъ, на этой страницѣ „Книги бытія моего“ произошло не очень значительное событіе въ губернскомъ городѣ *К.* Въ мѣстный соборъ былъ назначенъ новый протодіаконъ. Объ этомъ событіи оповѣстила публику мѣстная газета *инородческаго* духа, для коей появленіе новаго протодіакона въ соборѣ безконечно менѣе значило, чѣмъ появленіе, напр., какой-нибудь новой *акціи* на биржѣ. Уже это одно для постояннаго читателя газетки казалось нѣсколько страннымъ, но была и еще капелька яда въ entrefilet газетной хроники. Новый протодіаконъ обладалъ будто-бы феноменальнымъ голосомъ, онъ способенъ-де перекричать „красный звонъ“ колоколовъ, заглушить пушечные выстрѣлы, сконфузить ревъ океана. Въ преувеличенности похвалъ инородческаго листка чувствовалось какое-то предательство. Не было-ли оно замышлено *мѣстнымъ* кандидатомъ на должность соборнаго протодіакона,—должность, замѣщенную какимъ-то *пріѣзжимъ*? Это очень возможно, это почти навѣрное такъ. На другой-же день іудино лобзаніе инородческаго листка было опровергнуто въ другой газетѣ „чисто русскаго, отечественнаго направленія“. Топомъ и языкомъ *благостнымъ* именно въ такой мѣрѣ, чтобы дать почувствовать участіе въ этой маленькой полемикѣ если не митры самого его — священства, то, во всякомъ случаѣ, внушительнаго посоха отца настоятеля собора, человѣка характера властнаго и крутаго, да къ тому-же и предсѣдателя духовной консисторіи; давалось ясно понять, что *пріѣзжаго* въ обиду не дадутъ. Ничего не говоря *ad hominem*, категорически приглашали недовольнаго *мѣстнаго* кандидата положить ручки на брюшко и сидѣть смирно... Извѣстно, что въ провинціи (по крайней мѣрѣ въ прежнее время) *между строкъ* читали гораздо болѣе, чѣмъ въ столицѣ, и такимъ образомъ, совер-

менно случайно въ публикѣ пробужденъ былъ интересъ. Нужно пойти въ соборъ...

Какъ сейчасъ помню: дѣло было въ *недѣлю о блудномъ сынѣ*. Служеніе происходило въ теплой, зимней церкви. Помѣщеніе очень большое, но потолокъ гладкій, какъ въ комнатѣ, и резонансъ убійственный. Къ тому-же служеніе шло *не* архіерейское, значитъ на протодіаконѣ лежала двойная работа: тотчасъ послѣ евангелія,—эктенію и пр. Церковь биткомъ набита, притомъ „чистою“ публикою, очевидно, привлеченною въ храмъ Божій, какъ на, своего рода, зрѣлище, газетною полемикою... Вотъ, при какихъ условіяхъ пришлось *дебютировать* отцу протодіакону ***.

Глухо, почти неслышно началъ онъ: „Рече Господь притчу сію: человѣкъ, нѣкій имѣ́ два сына...“ Эге! Да *басовъ*-то у него совсѣмъ нѣтъ! Это хорошо зналъ *второй* соборный діаконъ и не преминулъ „подставить товарищу ножку“: онъ далъ *вонмемъ* настолько низко, что протодіаконъ не могъ его *покрыть*, или только съ большимъ трудомъ, явно не въ діапазонѣ своего голоса могъ вытянуть первыя девять словъ въ томъ-же тонѣ. Но торжество № 2 и „ниже съ нимъ“ продолжалось ровно столько, сколько требовалось времени, чтобы протяжно прочитать эти девять словъ. Далѣе текстъ даетъ чтецу естественный мостикъ на словахъ: „и рече юнѣйшій его отцу“, откуда можно перейти на болѣе *высокій тонъ*, чѣмъ блистательно и воспользовался отецъ ***. Отъ словъ „Отче, даждь ми достойную часть имѣнія“—каждый звукъ отчетливо слышался въ самомъ отдаленномъ углу церкви. Но нужно хорошо вникнуть въ технику дѣла. Чтеніе, о коемъ идетъ рѣчь, одно изъ длиннѣйшихъ въ году. Поэтому діаконъ, *который уважаетъ себя*, долженъ соразмѣрять средства своего голоса такъ, чтобы кульминаціонное fortissimo его предѣльныхъ нотъ совпадало съ концомъ евангельскаго чтенія. Вотъ почему отецъ *** не могъ тотчасъ показать красоту своего голоса. Нѣкоторое время онъ долженъ былъ еще вращаться въ *низахъ*, чуждыхъ его *basso cantante* баритональнаго характера. Онъ читалъ *интересно*, т.-е. съ назидательною ясностью, отчетливостью, съ удивительнымъ умѣніемъ дѣлать переливы голосомъ именно такъ, какъ требовалъ смыслъ читаемаго, но въ этомъ чтеніи не было *блеска*. Впрочемъ, этотъ, нѣсколько *тусклый* характеръ чтенія удивительно соотвѣтствовалъ состоянію духа блуднаго сына.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои,
Безъ Божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви...

Драматическое движеніе начинается послѣ словъ: „и востав̀ъ иде ко отцу своему“. Именно отсюда, именно со словъ: „еще-же ему далече сущу“, отецъ *** выходилъ на *свою дорогу*: это рыба, возвращенная въ родную стихію, это птица, выпущенная изъ клѣтки въ безпредѣльный просторъ небесной лазури. Онъ значительно ускорилъ темпъ, хотя ни на одну іоту ничего не упустилъ въ смыслѣ ясности, выразительности и *осмысленности* чтенія. Восхитительно разливался по церкви дивный металлъ этого голоса, молодаго, сильнаго, а главное—и это всѣми тотчасъ почувствовалось,—страшно увѣреннаго въ себѣ, *артистически* владѣющаго и собою, и слушателями. Неподражаемо было передано *психологическое allegro* слѣдующаго мѣста: „Рече-же отецъ къ рабамъ своимъ: изнесите одежду первую, и облецыте его, и дадите перстень на руку его, и сапоги на нозѣ. И приведше телецъ упитанный заколите, и ядше веселимся“... Вообще, я долженъ замѣтить, что, по моему убѣжденію, во всей всемірной литературѣ не существуетъ шедѣвра болѣе совершеннаго, болѣе геніальнаго *по формѣ*, какъ притча о блудномъ сынѣ, т.-е. стихи 11—32 главы 15 Евангелія отъ Луки. Я дерзаю для уясненія моей мысли примѣнить *человѣческую* мѣрку къ страницѣ, признаваемой мною за откровеніе *сверхчеловѣческое*. Вѣруя и исповѣдуя *божественное* происхожденіе животворящаго Духа, я лишь по отношенію къ *буквѣ*, къ матеріальной оболочкѣ Духа дерзаю примѣнить нѣсколько соображеній чисто земной, человѣческой критики, и съ этой точки зрѣнія осмѣливаюсь находить, что указанный мною шедѣвръ великъ, недосягаемъ потому, что онъ въ дивномъ созвучіи примиряетъ, синтетически слагаетъ, *два міра, двѣ культуры, двѣ, выражусь такъ, психологіи;* Семитъ и Аріецъ должны, какъ мнѣ кажется, съ абсолютною одинаковостью чувствовать эту *единственную* страницу. Да вотъ, хотя-бы приведенное мѣсто. Какой Еврей не узнаетъ тутъ настроеніе Авраама, Исаака, Іакова съ ихъ тучными пастбищами, съ ихъ множествомъ скота, воловъ, козлятъ, овецъ, всей этой *полной чаши*, всего этого земнаго благополучія вокругъ дома, на коемъ почилъ миръ Божій, въ атмосферѣ семьи, въ благоуханіи жизни, расцвѣченной сознаніемъ, что она дѣйствительно—

даръ Божій, что она прекрасна, что праведно и хорошо *насыщаться* ею и, насытившись вдоволь, опочить въ старости доброй, маститой, уйти изъ нея, какъ-бы изъ пира, который насъ чуть-чуть утомилъ, погрузилъ въ сладостную дремоту, чуждую тревоги, озабоченности"... Да что-же далѣе? Что тамъ? Хуже? Еще и этого лучше? Но преисполненную какого-то умиленнаго восторга и благодарности: Господи! до чего хорошо. Да будетъ имя Твое благословенно отъ вѣка и до вѣка!

Теперь возьмемъ Арійца, Христіанина. Не первое-ли, что придетъ ему въ голову, при этомъ образѣ тѣльца упитаннаго, образѣ, обвѣянномъ какимъ-то колоритомъ праздничной *душевной легкости*,— это наша святая, вѣчно милая, вѣчно дорогая православная Пасха? „Изнесите одежду первую..." Христосъ Воскресе! Ну и хотя-бы умереть на этомъ словѣ. Не больно, не страшно. Христосъ Воскресе! „И ядше веселимся!..."

Но возвращаюсь къ достопамятному въ моей жизни дню, когда я впервые подошелъ къ Церкви, позволяю себѣ выразить такъ, съ ея *эстетической* стороны.

„Яко сынъ мой сей мертвъ бѣ и—оживе, изгибль бѣ и—обрѣтеся"—прочелъ съ особою значительностью отецъ ***. Это мѣсто повторяется дважды. Это центральный пунктъ чтенія, альфа и омега притчи: „И начаша веселитися"—закончилъ онъ продолжительною, умѣренно-громкою ферматою, въ которой какъ-бы слышался раскатъ грома, но еще значительно удаленной отъ насъ грозы...

Отсюда еще повышеніе голоса и быстрота темпа доходитъ почти до *presto*. „Бѣ-же сынъ его старѣй на селѣ"... Тяжкая сцена съ сыномъ, эти жалобы, эти упреки быстро несутся, какъ вѣтромъ гонимая туча, одинокая, отчужденная, „печалящая ликующій день"...

„Егда-же сынъ твой сей изъядый твое имѣніе съ любодѣйцами, пріиде, заклалъ еси ему тельца питомаго." На послѣднемъ словѣ сильный и продолжительный раскатъ грома. Гроза близко. Туча надъ нами. На словѣ: „и оживе" было сдѣлано *колѣно*... Знаете, этотъ разбѣгъ голосомъ, для устремленія къ послѣдней заключительной точкѣ вершины, и на словахъ „изшелъ бѣ" было достигнуто все, что только казалось въ человѣческихъ силахъ. Но отецъ *** понималъ, что этотъ день—рѣшающій въ его жизни (какъ и въ моей) и что необходимо превзойти самого себя. И онъ превзошелъ! Оставалось

еще для слова: „и обрѣтеся“. Это не только послѣднія два слова положеннаго на тотъ день чтенія, но и заключительный аккордъ изумительнаго музыкальнаго построенія. Тутъ торжество, побѣда, праздникъ, радость, и это чувство тѣмъ необходимѣе подчеркнуть, что радостное настроеніе было на минуту омрачено ранѣе свидѣтельствомъ о недостаткѣ любви у старшаго сына. И вотъ, раздалась эта заключительная фермата... Господи! Я никогда ее не забуду. Въ *своемъ родѣ,* это рѣшительно ничѣмъ не ниже Рембрандта или Мазини. Это огонь, вотъ въ чемъ дѣло, *святой огонь,* совершенно одинаково *попаляющій* и у Рембрандта, и у Мазини, и у Пушкина, и у отца ***. Да, и у него, у несравненнаго отца ***! За десять лѣтъ, что я наслаждался этимъ великимъ артистомъ, я зналъ только *три* подобныхъ момента, включая описанный одинъ годъ: 14 сентября, при чтеніи Кресту, да разъ на Благовѣщеніе, приходившееся на второй день Пасхи...

Я сейчасъ сказалъ: *великій артистъ,* и подчеркиваю. Смѣйтесь, если хотите, пожимайте плечами, но это такъ... И я еще вотъ что скажу: ничто въ такой степени не отталкивало меня отъ вѣры, не возбуждало столькихъ сомнѣній, какъ *апологетическія книжки* въ защиту истинъ вѣры, и ничто, увѣренъ, не способствовало въ такой мѣрѣ устремленію моему къ спасенію души—чего да сподобимся достигнуть всѣ мы, знаемые и незнаемые—какъ восторги мои, пробуждаемые великою художественностью отца протодіакона ***.

Кстати. Очень недавно я имѣлъ великое утѣшеніе увидѣть отца *** здѣсь, въ Петербургѣ. Честь и слава церковному священноначалію, давшему упокоеніе заслуженной старости на почетномъ, хотя и неотвѣтственномъ посту... Конечно, есть безконечная разница между Мазини *молодымъ* и Мазини *старымъ,* но

...не говори: ихъ нѣтъ,
А съ благодарностію: *были*

На этомъ словѣ я и кончу. Мнѣ казалось, что капризъ пера подсказавшій мнѣ причудливую архитектурную постройку, все-таки не такъ уже нелѣпъ. Мнѣ кажется, что мнѣ удалось до нѣкоторой степени обнаружить мѣру моего пониманія въ области вопросовъ извѣстной категоріи. Мѣра эта, какъ изволитъ усмотрѣть достоуважаемый отецъ протоіерей *А. У—скій*, очень и очень не велика. Мнѣ еще доступно молочко—примѣняясь къ выраженію св. Апостола

Павла—но никакъ не твердая пища. Вотъ почему голословное утвержденіе отца протоіерея не можетъ ни въ чемъ меня разубѣдить. И „послѣдованіе“ обрученія и вѣнчанія я читалъ, и Требникъ у меня на столѣ лежитъ, и молитвы, на которыя мнѣ указываютъ, небезъизвѣстны мнѣ, и все-таки, въ толкъ не могу взять: да что-же *оригинально-христіанскаго* вложено въ это „послѣдованіе“ и въ эти молитвы? Да и не попали-ли мы въ кругъ какого-то досаднаго недоразумѣнія? Не произошло-ли съ нами такъ, что какъ говорится: *своя своихъ не познаша*? Не говорилъ-ли самъ о. протоіерей *А. У—скій*, что вся христіанская догматика создана *монахами*? Не въ этомъ-ли все дѣло? Не естественно-ли было имъ, скрѣпя сердце, ради непреодолимой нужды, кое-что *позаимствовать* изъ Ветхаго Завѣта, вмѣсто того, чтобы свободно и вдохновенно *творить* въ области, которую они принципіально, ex officio должны отрицать?

А когда такъ, то естественно спросить: *монашеская* концепція христіанства есть-ли *абсолютная* и единственно возможная?

Ну, вотъ, на этихъ самыхъ страницахъ тотъ-же г. *Розановъ*, пользующійся такимъ сочувствіемъ *прот. А. У—скаго*, сдѣлалъ замѣчаніе, которому невозможно отказать въ основательности: *беременность*, тревоги, страхи, окружающіе эту полосу жизни въ каждой семьѣ, неужели такъ-таки ни словечка не съумѣла проронить Церковь по этому поводу? Неужели не естественно было-бы благочестивому настроенію ждать какихъ-нибудь моленій, парочитаго чинопослѣдованія *ad hoc*? Ничего! За величавымъ, *всеобъемлющимъ* образомъ Церкви, вы видите монаха, съ его уединеннымъ, до крайности спеціализованнымъ міркомъ... Онъ первно перебираетъ четки, чтобы самую мысль о беременности, о всемъ, что можетъ навести на эту тему, отогнать, какъ можно дальше... *) И это „столпъ и утвержденіе истины!?“ Полноте! Къ чему себя обманывать?

---

*) Взглядъ весьма односторонній. Въ *русской* церковной практикѣ есть, я слышалъ, молитвы о благополучномъ разрѣшеніи родящей, а при трудныхъ родахъ существуетъ въ селахъ такой трогательный обычай: просятъ священника отворить царскія врата въ церкви. И именно при этомъ читается особая молитва (въ Смоленской губ.). Нѣтъ, Церковь не безучастна къ этимъ тревогамъ и мукамъ. *Ред.*

VII.

Въ № 31 „Русскаго Труда“ было затѣмъ помѣщено новое письмо протоіерея *А. У—скаго* къ *В. В. Розанову*, происхожденіе коего уясняется изъ нижеслѣдующей записочки Василія Васильевича, при которой мнѣ это письмо было доставлено:

Многоуважаемый Сергѣй Оедоровичъ! Въ своемъ примѣчаніи къ словамъ отца протоіерея *А. П. У—скаго* „а почему въ христіанствѣ особенно цѣнится дѣвство, на это есть особыя причины и объ этомъ я поговорю когда либо въ другой разъ“, Вы замѣтили: „Очень жаль, что не теперь (т.-е. Вы объ этомъ говорите), ибо въ этомъ весь центръ вопроса“ *).

Слова эти побуждаютъ меня препроводить къ Вамъ настоящее письмо о. протоіерея гдѣ онъ исполнилъ свое и Ваше желаніе. Оно есть, собственно, продолженіе отвѣта Вамъ и, можетъ быть, центральное, хотя адресовано ко мнѣ. Я его не пересылалъ Вамъ, ибо Вы цѣлый годъ медлили печатаніемъ его возраженія Вамъ, и я не зналъ, намѣрены-ли вообще допускать это возраженіе на страницы Вашей почтенной газеты. Но, когда Вы выразили желаніе *увидѣть* этотъ отвѣтъ и даже сочли его центральнымъ пунктомъ дѣла (что довольно правильно),—я надѣюсь, что Вы въ *продолженіе* предыдущей его статьи помѣстите и эту, въ сущности, вторую его половину. Вашъ *В. Розановъ*.

Бракъ и дѣвство.

Письмо прот. Александра У—скаго къ В. В. Розанову.

Любезнѣйшій В. В.!

Новый Завѣтъ, самъ по себѣ, не дастъ даже и малыхъ основаній къ тому, чтобы гнушаться актомъ супружескихъ отношеній, или презрительно относиться къ нимъ. Но этого мало. Прочтите всѣ четыре Евангелія, съ первой страницы до послѣдней, и Вы нигдѣ не найдете даже мысли о превосходствѣ дѣвства, въ нравственномъ отношеніи, предъ супружествомъ. Самая мысль о возможности дѣвственнаго состоянія высказана Христомъ Спасителемъ лишь вскользь, по совершенно случайному поводу. Когда Онъ, въ Своей бесѣдѣ съ фарисеями о разводѣ, указалъ на высоту, священность,

*) См. вѣст. стр. 88, прим. 2-е.

нерушимость и нерасторжимость брачнаго союза, то это ученіе Его показалось Его ученикамъ неудобопосимымъ и неудобоисполнимымъ, и вотъ они говорятъ: „если такова обязанность человѣка къ женѣ, то лучше не жениться (Мо. 19, 10)“. Скажите пожалуйста: какая нота звучитъ въ возраженіи Апостоловъ? Говоря, что „лучше не жениться“, ту-ли мысль они высказываютъ, что дѣвство лучше, выше, святѣе, богоугоднѣе супружества, или, наоборотъ: они бѣгутъ отъ этого послѣдняго, именно вслѣдствіе его нравственной высоты и строгости? Очевидно, послѣднее. Есть-ли-же, такимъ образомъ, въ данномъ евангельскомъ мѣстѣ хотя какое-либо основаніе для мысли о превосходствѣ дѣвства предъ супружествомъ? Рѣшительно никакого. Притомъ-же, никакъ не слѣдуетъ упускать изъ вниманія того обстоятельства, что выраженіе „лучше не жениться“ высказано не божественными устами Основателя христіанства, а лишь недоумѣвающимъ сознаніемъ учениковъ Его. На недоумѣніе учениковъ Своихъ Христосъ Спаситель отвѣтилъ: „Не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ (Мо. 19, 11, 12)“. Монахи, именно, изъ этихъ словъ Христовыхъ выводятъ мысль о превосходствѣ дѣвства *). Они говорятъ, что дѣвство есть высшій

*) Да, эти слова имѣютъ совершенно опредѣленный смыслъ, и, Богъ знаетъ, откуда появилось ихъ переименованіе: „нельзя оставлять познанную женщину (Екатерину Маслову) иначе, какъ по винѣ ея прелюбодѣянія“ (отъ *себя* отталкивать нельзя, пока тебя она любитъ и отъ тебя никуда не идетъ). Совершенный грѣхъ высказать въ отвѣтъ: „когда такъ—лучше не жениться“, т.-е. удобнѣе себя не связывать, а жить такъ и этакъ, въ перемежку и безъ всякаго трогательнаго слова и обѣщанія. Спаситель отвѣтилъ: „не всѣ способны“; не всѣ Нехлюдовы, которые бѣгутъ за Масловой, считаютъ себя связанными съ нею послѣ перваго познанія; большинство Масляниковы, вице-губернаторы. Но кто можетъ изъ васъ будьте Нехлюдовы, бѣгите за Масловой, не оставляйте ее. Ибо великій грѣхъ, „сунувъ сто-рублевую бумажку“, отпустить „безъ вины ее“. Нехлюдовъ и корчился, присѣдалъ, подскакивалъ послѣ каинскаго „отпущенія“ отъ себя невинной женщины, и гр. Л. Толстой, не догадываясь самъ, въ „Воскресеніи“ пишетъ комментарій къ *дѣйствительной* мысли Спасителя о разводѣ. Еще аргументъ: если-бы Спаситель былъ противъ брака, по вѣдь онъ училъ въ эпоху многоженства (у Евреевъ оно прекратилось около XIII вѣка нашей эры) и какой-бы гнѣвъ оно вызвало у Него, какіе укоры, аналогичные книжникамъ и фарисеямъ; но Спаситель даже не упоминаетъ о многоженствѣ, т.-е. противъ „ужаснаго грѣха“ не сказалъ и простаго возраженія. Кто смѣетъ это перетолковать въ смыслѣ умолчанія Іисуса: вѣдь Онъ—Богъ, и развѣ не обличилъ *великую*, при Немъ жившую, *живую* неправду? А полигамія была живою. Этимъ и объясняются непзреченной мудрости глаголы, сказанные Имъ Самарянкѣ. Слова Его о невозвращеніи на женщину опять перетолкованы: Его утомили лицемѣрные „старѣйшины“, вѣчно болтавшіе о седьмой заповѣди, и онъ обличилъ ихъ почти въ тѣхъ-же словахъ, какъ тогда, когда они привели передъ Него соблудившую отъ мужа жену (только таковыя, а вовсе не воль-

Евангельскій совѣтъ, существующій лишь для немногихъ избранныхъ, могущихъ вмѣстить. Но всѣ-ли поэты, всѣ-ли философы, всѣ-ли художники? Очевидно, не всѣ, а только тѣ, „кому это дано“. Точно такъ-же всѣ-ли дѣвственники? Очевидно, только тѣ, кому это дано. Но безусловно всѣ, въ мѣру силъ своихъ, обязаны стремиться къ высшему нравственному совершенству, во исполненіе завѣта Божественной Премудрости: „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный (Мѳ. 5, 48)“. На этомъ пути къ высшему нравственному совершенству совершенно меркнутъ и совершенно блѣднѣютъ самыя высокія духовныя дарованія (что „дано“), какъ меркнетъ свѣтъ луны при утреннемъ появленіи свѣта солнца. „Всѣ-ли апостолы? Всѣ-ли пророки? Всѣ-ли чудотворцы? Всѣ-ли говорятъ языками? Ревнуйте о дарахъ большихъ, и я покажу вамъ путь еще превосходнѣйшій (1 Кор. 12, 29—31)“. На этомъ превосходнѣйшемъ пути, „если я отдамъ тѣло мое“ не только на аскетизмъ, но даже „на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы (I Кор. 13, 3)“.

Новый Завѣтъ основанъ на фундаментѣ Ветхаго Завѣта, и потому не могло быть, чтобы основные и существенные, нравственные и психо-физическіе законы Ветхаго Завѣта были выброшены въ Новомъ Завѣтѣ. Никто никогда не встрѣчалъ такого неразумнаго строителя, который, выстроивши стѣны зданія, сталъ-бы выламывать и выбрасывать вонъ фундаментъ, въ томъ соображеніи, что вѣдь стѣны поставлены, и, слѣдовательно, фундаментъ уже не нуженъ. И потому-то Божественный Основатель Новаго Завѣта, на всемъ протяженіи четырехъ Евангелій, нигдѣ и никогда не отрицалъ и не порицалъ брака, и нигдѣ и никогда прямо и положительно не восхвалялъ дѣвства. Да иначе и быть не могло. Ибо Основатель Новаго Завѣта есть то самое воплощенное Слово Божіе, которое въ началѣ было у Бога (Іоан. I, I), которое, въ продолженіе шести дней творенія міра, приводило все сущее изъ небытія въ бытіе и всему сущему полагало всѣческіе законы, а въ томъ числѣ и законъ размноженія, и безъ котораго „ничто-же бысть, еже бысть (Іоан. 1, 3)“.

ный дѣвушки, побивались у Іудеевъ камнями (см. *Второзаконіе*). Онъ имъ сказалъ: блудъ — блудъ, седьмая заповѣдь—седьмая заповѣдь: да развѣ каждый изъ васъ, кто смотритъ на женщину (съ вожделѣніемъ)—уже не нарушилъ эту седьмую заповѣдь и не прелюбодѣйствовалъ въ сердцѣ своемъ? Вотъ отъ чего старайтесь удержаться.

В. Р.

Вдохновеннымъ воспѣвателемъ, приверженцемъ и пропагандистомъ дѣвства былъ св. апостолъ Павелъ. Онъ первый высказалъ мысль о превосходствѣ дѣвства предъ супружествомъ. Чисто-поэтическому, восторженному восхваленію дѣвства имъ посвящена почти цѣлая седьмая глава перваго его Посланія къ Коринѳянамъ. Но во всемъ этомъ высказалась лишь особенность его личной природы, личнаго характера, личнаго пониманія. Ибо послѣ того, какъ Самъ Основоположникъ христіанства изрекъ: „Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ (писанія Моисея) или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить (Мо. 5, 17)“, какой пророкъ, или который Апостолъ осмѣлился-бы отмѣнять вѣчные законы Предвѣчнаго? И потому-то, даже этотъ божественный Павелъ, этотъ восторженный поклонникъ дѣвства, преклонявшійся предъ нимъ до энтузіазма, до экстаза, откровенно признавался: „относительно дѣвства я не имѣю повелѣнія Господня (1 Кор. 7, 25)“, и всегда, въ принципѣ, оставлялъ за собою неоспоримое право и власть „имѣть спутницею сестру-жену, какъ и прочіе Апостолы, и братья Господни, и Кифа (1 Кор. 9, 5)“, а лжесловесниковъ, запрещающихъ вступать въ бракъ, конечно, по чувству гнушенія имъ, называлъ „сожженными въ совѣсти своей“ (1 Тим. 4, 2, 3).

Хотя, такимъ образомъ, ни Ветхій, ни Новый Завѣтъ не даютъ ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы гнушаться супружескими отношеніями или считать ихъ за грѣхъ, тѣмъ не менѣе, это послѣднее воззрѣніе несомнѣнно существуетъ въ сознаніи русскаго церковнаго общества. По этому воззрѣнію, актъ супружескихъ отношеній, по самому существу своему, по самой своей природѣ, есть грѣхъ, только грѣхъ прощаемый, такъ сказать, официально допускаемый, въ силу своей неизбѣжности. Въ послѣднее время краснорѣчивымъ и подробнымъ выразителемъ этой теоріи явился *С. Ѳ. Шараповъ* въ своемъ примѣчаніи къ вашей статьѣ: „Бракъ и Христіанство“ въ № 52 „Русскаго Труда“ за 1898 годъ. „Ангелъ-то ангелъ, да изъ грѣха вышелъ“, говоритъ онъ про младенца. Прочитавши примѣчаніе г. *Шарапова*, я пришелъ въ крайнее недоумѣніе. Откуда авторъ почерпнулъ такую религіозную философію? Но, при ближайшемъ вниманіи къ дѣлу, оказывается, что теорія эта имѣетъ глубокіе корни и достаточно зловредныя послѣдствія. По своему происхожденію она является ничѣмъ инымъ, какъ только отдаленнымъ отголоскомъ гно-

стическихъ и манихейскихъ бредней, а въ своихъ послѣдствіяхъ она подкапывается подъ устои законной и правильной христіанской семьи. Остановлюсь на послѣдней мысли. Взглядъ г. *Шаранова* есть хитрая выдумка, лукаво придуманная съ тою коварною и вѣроломною цѣлію, чтобы прикрыть и оправдать распущенную и развратную жизнь *). Въ самомъ дѣлѣ, какіе неизбѣжные выводы необходимо вытекаютъ изъ этого взгляда? Если совокупленіе и съ законною женою, въ законномъ бракѣ, есть грѣхъ и преступленіе **), то что-же заставитъ меня вступать въ законный бракъ, налагать на себя узы супружества и бремя семейной жизни? Не все-ли равно, въ такомъ случаѣ, имѣть дѣло съ чужими, посторонними женщинами? Не все-ли равно грѣшить, со своею-ли законною женою, или съ постороннею женщиною! Нѣтъ, идея христіанскаго брака, въ церковно-религіозномъ его пониманіи, въ томъ именно и состоитъ, что, бракъ есть святыня вполнѣ и до дна, безъ всякаго остатка и безъ всякаго исключенія, такъ что въ бракѣ уже нѣтъ мѣста ни для какой мерзости и ни для какой скверны. Мѣсто для этихъ понятій остается только въ блудодѣяніи и въ прелюбодѣяніи, когда холостой человѣкъ имѣетъ дѣло съ свободною дѣвицей или съ чужою женою. Смѣшивать состояніе законнаго супружества съ практикой свободнаго любодѣйства рѣшительно нельзя, и распространять понятіе грѣха и беззаконія, неоспоримо присущаго беззаконному любодѣйству, на состояніе законнаго супружества Слово Божіе не даетъ ни малѣйшаго основанія.

Подъ какими-же вліяніями и воздѣйствіями создалось въ русскомъ религіозномъ сознаніи такое воззрѣніе? Отвѣтить на этотъ во-

*) При всемъ своемъ христіанскомъ милосердіи и любви о. протоіерей *У—скій*, очевидно, или не потрудился прочесть нашего примѣчанія, или умышленно его искажаетъ. Кажется, послѣднее. Мы рѣшились, однако, напечатать его письмо, оставляя за собою послѣднее слово. *Ред.*

**) Тутъ есть удивительная вещь: Церковь, *которая позволила-бы грѣхъ*, eo ipso и въ ту-же секунду слилась-бы съ нимъ и стала *грѣховною церковью*, что невозможно. Бракъ есть *таинство*; и какъ очень точно было формулировано г. Рцы („Безсмертные вопросы"), это таинство „вышаривалось-бы дочиста", „отъ него-бы ничего не оставалось" безъ трактуемаго нами акта; слѣдовательно, пусть даже побочною, но все-таки *непремѣнною* частью, этотъ актъ включенъ въ таинство, лежитъ въ чашѣ таинства. Но „таинство" *во всемъ своемъ пространствѣ свято*, не имѣетъ переслоеній съ злымъ, священно-отрицательнымъ. Итакъ, трактуемая тема - безгрѣшна, свята. Это—алгебра, которую напрасно было-бы пытаться поколебать. Начать оспаривать воззрѣніе г. *У—скаго* и мое можно, но *какъ?*—Переставъ бракъ считать таинствомъ, оставивъ церковь при *шести* таинствахъ и выбросивъ седьмое. Тогда мы умолкнемъ.

В. Р.

просъ намъ поможетъ теорія національныхъ особенностей въ религіозныхъ воззрѣніяхъ народовъ. Въ области этой теоріи Вы сами работали („Мѣсто христіанства въ исторіи"). Трудились на этомъ поприщѣ профессоры Д. А. Хвольсонъ и А. Д. Бѣляевъ. Сдѣланы краткія указанія въ этомъ отношеніи и у П. В. Кирѣевскаго въ одномъ изъ двухъ его послѣднихъ трактатовъ. Можетъ быть, и многіе другіе по означенному вопросу писали, но я болѣе никого не знаю. Полагаю только, что и означенныхъ писателей достаточно для установленія той истины, что каждый народъ, каждое племя имѣетъ какія-либо свои національныя, своеобразныя черты въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, что каждый народъ поражается какими-либо особыми чертами божественной сущности, преклоняется предъ какими-либо особыми пунктами религіознаго ритуала. Мы, Русскіе, приняли христіанство изъ Византіи и вмѣстѣ съ нимъ заимствовали оттуда и всѣ достоинства, и всѣ недостатки греческаго религіознаго сознанія. Итакъ, ключъ къ рѣшенію постановленнаго вопроса намъ слѣдуетъ искать въ религіозномъ сознаніи Грековъ. Чѣмъ-же, какою стороною изъ всей обширной области христіанства наиболѣе было поражено сознаніе Грека? Идея *безсѣменнаго* зачатія воплотившагося Сына Божія, фактъ *безмужняго* рожденія Христа Спасителя отъ Матери-Дѣвы—вотъ тотъ пунктъ, вотъ та сторона въ христіанскомъ міросозерцаніи, которая всецѣло и безъ остатка поглотила собою, заполонила сознаніе Грека. Идея дѣвственности для Грека-язычника, привыкшаго давать полный просторъ своимъ физическимъ пожеланіямъ и потребностямъ, была такъ необычна, такъ нова, что онъ въ изумленіи палъ предъ нею ницъ, и у него уже ни въ сердцѣ, ни въ сознаніи не осталось мѣста для какого-либо иного поклоненія. Всякая другая сторона въ христіанствѣ для него теперь, словно, не существовала. Его сознаніе застыло и закаменѣло на идеѣ дѣвственности, отождествилось съ нею. Доказательство тому—вся наша церковная, богослужебная поэзія, все это множество молитвъ, каноновъ, акаѳистовъ, гимновъ, богородичновъ. Всѣ они переполнены прославленіемъ безсѣменнаго зачатія и безмужняго рожденія совершеннаго Бога и совершеннаго Человѣка.

Въ уясненіе указаннаго явленія позволю себѣ привести два, быть можетъ, очень грубыхъ и очень вульгарныхъ, но тѣмъ не менѣе для нашего вопроса весьма типичныхъ сравненія. Припомните послѣднюю

сцену изъ Гоголевскаго „Ревизора“. Вся группа уѣздныхъ чиновачальниковъ, при извѣстіи о пріѣздѣ дѣйствительнаго ревизора, словно застыла въ своихъ позахъ, съ лицами, съ изумленіемъ обращенными въ сторону непріятнаго вѣстника. У всѣхъ ихъ въ данную минуту все прочее вылетѣло изъ сознанія, и осталась въ немъ одна только мысль о новомъ ревизорѣ. Или возьмите фотографа, снимающаго фотографическую карточку съ какого-нибудь ландшафта. Все то, на что навелъ онъ трубу своей камеръ-обскуры, отразилось на карточкѣ; все прочее осталось внѣ ея. Такъ случилось и съ греческимъ религіознымъ сознаніемъ. Оно не могло вмѣстить въ себѣ всей полноты христіанства, а остановилось лишь на томъ, что больше его поразило.

Итакъ, вотъ тотъ пунктъ, на которомъ греческое религіозное сознаніе съ универсальной христіанской дороги повернуло въ боковую тропу аскетизма. Спасеніе было загнано въ пустыни и заключено въ монастыри. Преклоняясь предъ безсѣменнымъ зачатіемъ и благоговѣя предъ дѣвственной личностью Богочеловѣка, Греки старались подражать Ему, отпечатлѣвать въ себѣ Его образъ, прежде всего и болѣе всего путемъ дѣвства. *Святыня дѣвственности*—вотъ тотъ кумиръ, предъ которымъ въ продолженіе 1900 лѣтъ съ благоговѣйнымъ изумленіемъ падалъ ницъ и восточный греческій, а вслѣдъ за нимъ, и сѣверный россійскій христіанинъ. На *святыню супружества* и некому, и некогда было обращать вниманіе.

Сколь поразительна разница въ отношеніи Грека къ дѣвству и супружеству, это всего нагляднѣе открывается изъ нижеслѣдующаго примѣра, который слѣдовало-бы признать безусловно невѣроятнымъ, если-бы онъ не былъ исторически дѣйствительнымъ. Возьмемъ преподобную Марію Египетскую, эту пустынницу и отшельницу, и тѣхъ двухъ святыхъ замужнихъ женщинъ, относительно которыхъ былъ небесный голосъ преподобному Макарію Египетскому, и которыя этимъ небеснымъ голосомъ, по святости и праведности жизни, поставлены выше одного изъ величайшихъ подвижниковъ золотаго вѣка христіанства, дѣвственника и пустынника, многіе десятки лѣтъ проведшаго въ подвигахъ поста и молитвы. Какъ отнеслось религіозное сознаніе Грека къ той и къ другимъ? А вотъ какъ. Память преподобной Маріи Египетской положено ежегодно праздновать 1-го апрѣля. Кромѣ сего, воспоминанію ея посвящается пятое воскресенье Великаго поста. Сверхъ того, въ честь ея поются запѣвы и читаются тропари въ ве-

ликомъ покаяннымъ канонѣ Андрея Критскаго въ первые четыре дня первой недѣли и въ четвертокъ пятой недѣли Великаго поста, причемъ, въ послѣдній изъ названныхъ дней, положено читать и житіе ея. А когда-же по календарю празднуется у насъ память двухъ святыхъ замужнихъ женщинъ? Увы! Религіознымъ сознаніемъ Грековъ воспоминанія этихъ святыхъ женъ въ святцахъ не положено. Мало этого. Жестокосердые поклонники дѣвственности не сочли нужнымъ, не сочли своей нравственной обязанностью сохранить для памяти потомству хотя-бы только имена этихъ святыхъ женщинъ Къ чему-же? Вѣдь это такъ обычно, такъ заурядно, такъ буднично! Двѣ простыя замужнія мірскія женщины! Что-жъ тутъ особеннаго? Какіе-жъ тутъ подвиги? Стоитъ - ли передавать имена ихъ памяти потомства? Такъ что, если-бы христіанскія жены и матери пожелали, въ лицѣ названныхъ древнихъ праведницъ, имѣть своихъ небесныхъ покровительницъ, защитницъ и руководительницъ на пути семейной жизни, то онѣ лишены были-бы возможности удовлетворить свое святое и совершенно-справедливое желаніе уже по одному только незнанію именъ этихъ праведницъ, ибо какъ-же обращаться съ молитвой къ безыменнымъ святымъ? Судите теперь, насколько справедливы и насколько равномѣрны отношенія Грека къ дѣвству и супружеству.

Изъ такого порядка вещей произошли два, громадныхъ размѣровъ, но весьма сомнительнаго достоинства, послѣдствія. Первое— то, что и міряне, или супружники, привыкли смотрѣть на религію и на религіозныя обязанности монашескими глазами; а второе — то, что семейная жизнь на Востокѣ и на Сѣверѣ, въ теченіе 1900 лѣтъ христіанства, не получила ни малѣйшаго развитія, ни малѣйшей культуры въ направленіи христіанства, съ точки зрѣнія спасенія.

Остановимся на первомъ послѣдствіи. Тонъ церковной жизни на Востокѣ всегда задавали дѣвственники. Изъ ихъ рядовъ вышли церковные организаторы, церковные администраторы, церковные писатели, церковные пѣснописцы. Характеръ и тонъ своихъ воззрѣній, своего пониманія христіанства, своего отношенія къ укладу христіанской нравственности они наложили безусловно на весь строй церковной жизни. Изъ всего этого строя возьмемъ теперь одну частность, имѣющую непосредственное отношеніе къ нашему вопросу. Для дѣвственника, наложившаго на себя добровольный обѣтъ вѣчнаго непарушимаго дѣвства, конечно, не только совокупленіе съ женщиною, но и

всякія помышленія и пожеланія въ этомъ направленіи суть грѣхъ и преступленіе. Но грѣхъ тутъ не въ существѣ дѣла, а въ нарушеніи даннаго обѣта. Грѣха этого не существуетъ для состоящихъ въ законномъ супружествѣ. Между тѣмъ, мало-по-малу, понятіе грѣха изъ области нарушенія обѣта было перенесено на самое существо супружескихъ отношеній. Такъ какъ дѣвственники съ своей монашеской точки зрѣнія смотрѣли на совокупленіе съ женщиною, какъ на грѣхъ, и это свое воззрѣніе выразили въ безчисленномъ множествѣ церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній, то и міряне, или брачники, въ теченіе многихъ и долгихъ вѣковъ, посѣщая церковное богослуженіе и постоянно слыша тамъ оплакиваніе блудныхъ *монашескихъ* паденій, мало-по-малу привыкли смотрѣть на половыя отношенія *вообще*, безотносительно къ монашеству, даже и въ законномъ супружествѣ, какъ на грѣхъ и нравственное паденіе.

Этотъ вопросъ можно было-бы продолжить и распространить, но я думаю, что и того немногаго, что я сказалъ, достаточно для Васъ, чтобы Вы поняли мысль, которую я хотѣлъ высказать. Мимоходомъ только укажу на тѣ, совершающіеся на нашихъ глазахъ, симптомы русскаго религіознаго сознанія и русской религіозной жизни, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что православнымъ русскимъ людямъ наскучило уже смотрѣть на христіанство монашескими глазами, и они начинаютъ искать исхода изъ такого положенія. Я разумѣю появленіе на нашей православной почвѣ, за послѣднія тридцать лѣтъ, пашковцевъ, штундистовъ и толстовцевъ, которыхъ такъ усердно и такъ энергично укоряютъ въ отпаденіи отъ истиннаго православія и въ отдѣленіи отъ Церкви. Но вѣдь всѣ они не отъ Церкви бѣгутъ и не отъ православія отрекаются, а бѣгутъ отъ монашескаго гнета, отъ византійской 900-лѣтней забастовки своего религіознаго сознанія, отъ монастырскаго режима въ области семейной жизни, отъ странной, обидной и оскорбительной для православнаго семьянина монашеской точки зрѣнія на супружескія отношенія. Они не желаютъ, въ видѣ бездушной клади, нагруженной на баржахъ и баркахъ, плыть по житейскому морю на монашескомъ буксирѣ, а желаютъ плыть на пароходахъ собственной постройки. Возьмите во вниманіе нашъ церковный типиконъ, которымъ въ теченіе 9 вѣковъ опредѣляется строй и порядокъ нашей церковной жизни. Гдѣ и для кого онъ написанъ?—Въ монастыряхъ и для монаховъ. Міряне своего

BIBL... RUSSE
... Paris

собственнаго типикона доселѣ не имѣютъ. Они жили и живутъ по монастырскому типикону. Но скажите, насколько пригоденъ режимъ кучки людей, добровольно поставившихъ для себя задачей обуздать и умертвить плоть свою, для милліоновъ мірянъ, никогда для себя такой задачи не поставлявшихъ? *) Ну, и не удивительно, что появились протесты противъ подобнаго уклада церковной жизни.

Теперь нѣсколько словъ относительно втораго послѣдствія. Въ то время, какъ монастырская жизнь на Востокѣ получила блестящее развитіе, было написано множество уставовъ монашеской жизни, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ опредѣлявшихъ и внѣшній, и внутренній порядокъ ея,—семейная жизнь была оставлена въ совершенномъ забвеніи. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на тотъ одинъ краснорѣчивый фактъ, что за періодъ времени въ 1900 лѣтъ ни греческій, ни русскій православный міръ не дали ни одного спеціальнаго руководства ко спасенію въ семейной, супружеской жизни, такъ что и нынѣ, какъ и полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, если православный мірянинъ задумаетъ о спасеніи, то ему придется самолично прорубать дорогу ко спасенію, пользуясь для сего лишь отрывочными элементами изъ указаній, заключенныхъ въ аскетическихъ писаніяхъ, спеціально приноровленныхъ къ жизни дѣвственниковъ. Но вѣдь это, въ нѣкоторомъ отношеніи, напоминаетъ то, какъ если-бы плотникъ пошелъ учиться плотничному ремеслу у кузнецовъ.

Греческое пониманіе христіанства есть пониманіе его подъ угломъ зрѣнія св. апостола Павла, этого Апостола языковъ **), съ

*) Замѣчу еще одно: Церковь *двоится* въ идеалѣ, если мы не сольемъ или монашества съ бракомъ („внутреннее глаголаніе пола передъ запирающею его плотиною", какъ я объяснилъ въ статьѣ „Смыслъ аскетизма"), или—но это совершенно невозможно—слить бракъ съ монашествомъ („таинство выпаривается", „таинства нѣтъ"). Церковь, говорю я, *двоится*, при этой точкѣ зрѣнія, и, подъ покровомъ одной, въ темныхъ и бѣлыхъ ризахъ духовенства, мы имѣли-бы, или имѣемъ *два и притомъ противуположныя упованія*, спайку *двухъ Церквей*: „бѣлаго поклоненія" „Свѣтлому Лику" и „темнаго поклоненія" такому „Темному Лику", суть коего, въ противоположность Богу—Елогиму (*Бытіе, I*), есть заповѣданіе: „не раститеся, не множитеся".

В. Р.

**) Позволительно поставить вопросъ: къ Спасителю обращалась и Хананеянка, и Онъ не отмелъ ея, и не обличилъ за вѣру. Вообще Спаситель есть Спаситель міра, а не только Іудеевъ, и все взялъ подъ крыло Себѣ. Отъ сего, какъ Спасающій міръ, Онъ обличаетъ пороки совѣсти, но не возражаетъ противъ ошибокъ вѣроученія. Характерный некнижникъ, Онъ идетъ *мимо* догматовъ, системъ, символовъ, какъ мимо стѣнъ Іерусалима, не обращая глагола къ интригамъ ихъ. Но *послѣ Спасителя* открылась *пропасти* его глаголовъ, и въ этотъ мигъ произошло, какъ кажется, величайшее

оставленіемъ въ сторонѣ, или съ выбрасываніемъ за бортъ пониманія его подъ угломъ зрѣнія прочихъ двѣнадцати апостоловъ, апостоловъ обрѣзанія, которые предоставляли вѣрующимъ *равное* право и *равную* власть избирать для себя любое *спасительное* состояніе жизни, состояніе-ли дѣвства, или состояніе супружества, ничуть не третируя послѣдняго и ни мало не возвышая перваго. Но если Грекъ и 900-лѣтній подобострасный подражатель его, Россіянинъ, восклицаютъ о себѣ: „азъ убо Павловъ" (1 Кор. 1, 12), то мы съ Вами, совершенно съ одинаковымъ правомъ, можемъ каждый воскликнуть: „азъ-же Кифинъ" (тамъ-же), въ той, совершенно справедливой увѣренности, что и Павловы, и Кифины одинаково суть Христовы (1 Кор. 3, 23).

Глубоко Вамъ преданный протоіерей

Александръ У—скій.

VIII.

Вслѣдъ затѣмъ не могъ, конечно не отозваться и самъ В. В. Розановъ. Его отвѣтъ *Мірянину* былъ помѣщенъ мною въ №№ 33 и 34 „Русскаго Труда" подъ нѣсколько страннымъ заглавіемъ:

Міряниnъ „Міряниnу"—о боляхъ міра и о загрязненіи міра.

Въ порядкѣ послѣдовательности нужно-бы, прежде отвѣта г. *Мірянину* на статью его въ №№ 25—26 „Русскаго Труда", отвѣтить г. *Рцы* на его статью „Безсмертные вопросы" въ № 2.

заблужденіе: Христово (относящееся ко *всему міру, весь міръ подъ себя* взявшее, какъ солнце имѣетъ подъ собою океаны, лѣса и горы)—вдругъ *заострилось противъ племенъ языковъ и капищъ* и сейчасъ-же, силою реакціи, *противъ себя все это заострило.* Возстали Эллинъ и Іудей, когда самъ Спаситель не возставалъ ни противъ Іудея, ни противъ Эллина, но противъ грѣха. И вотъ почему до нашихъ дней „Весь Израиль не спасся". *В. Р.*

Но... темъ много, а силы падаютъ; времени мало и, можетъ быть, не за горами *вѣчная ночь*. Въ краткіе часы догорающаго жизненнаго *дня* многое-ли успѣешь сказать? А такъ хочется еще и еще, о многомъ и многомъ сказать... Обширный комментарій содержательной замѣтки г. *Рцы*—за мною; пока болѣе кратко поговорю о другомъ оппонентѣ.

Я могъ-бы и не возражать г. *Мірянину* по существу вопроса. „Христіанство не имѣетъ къ браку активнаго и сорадующагося отношенія; оно его лишь *допускаетъ*, безъ вниманія къ жизненно-творческой его сторонѣ (чадорожденіе) и останавливаясь лишь на моральноэтической". Я могъ-бы и не оспаривать этой, упорно имъ проводимой и опираемой на тексты, тенденціи, ибо для меня—*безразлично*, куда входитъ бракъ *настоящимъ таинствомъ*, не провозглашеннымъ, но почувствованнымъ: въ Ветхій-ли Завѣтъ (примѣчанія *С. Ѳ. Шарапова* къ полемическому письму прот. *А. П. У—скаго*), гдѣ есть къ нему это активно-сорадующееся отношеніе, куда-ли еще, въ страны и времена, параллельныя Ветхому Завѣту. Но *бракъ есть дѣйствительное таинство*, и по трансцендентному своему содержанію, чего рѣшительно отречься не рѣшился г. *Мірянинъ*, и потому, что все и всяческое на землѣ благо, почти всяческое $^{9}/_{10}$ его, исходитъ изъ него. Это есть таинство жизни, тайная жизнь; святая жизнь, святое жизни: и по сему характеру оно, какъ почка, способно распустить изъ себя пышный, *но уже тогда самостоятельный, свой собственный* цвѣтъ, мистическій и религіозный. Г. *Мірянинъ* отталкиваетъ отъ себя бракъ. Это—тенденція его статьи, онъ этого не оспоритъ; и онъ говоритъ, что это есть тенденція христіанства. Мы критикуемъ только его точку зрѣнія, и онъ самъ отвѣтственъ за то, принадлежитъ-ли она христіанству. Но онъ напрасно думаетъ, что бракъ будетъ *жаться подъ стопы его, оставленный безъ призора*. Оттолкнутое таинство и... поплыветъ, за новою судьбою и новою исторіею.

Онъ говоритъ и почти пугаетъ: „внѣ христіанскаго освѣщенія— это только связь самца, самки и дѣтеныша". Вотъ *настоящая его точка зрѣнія* на вопросъ и, можно сказать, центральный пунктъ его статьи. Но извѣстно-ли ему, хотя-бы отъ путешественниковъ, хотя-бы изъ исторіи, что нѣтъ и не было болѣе печальной семьи, чѣмъ христіанская —именно въ *тонѣ*, въ *морали*, при безспорно одной всемірной „физіологіи"? Да, по христіанскому воззрѣнію „самецъ,

самка и кучка дѣтенышей“ суть только „физіологія“, съ упорно-отрицаемымъ мистическимъ здѣсь свѣтомъ; и на почвѣ такого взгляда развились (и могли развиться) только физіологическіе нравы, только физіологическій бытъ. Общая ѣда, общая кровать, общій кошелекъ, и часто съ желаніемъ—какъ можно скорѣе раздѣлиться. Да г. *Мірянинъ* такъ, не стѣсняясь, и *совѣтуетъ* смотрѣть; онъ такъ опредѣляетъ, такъ *учитъ*: „въ Ветхомъ Завѣтѣ цѣль брака мессіальная: но когда она осуществилась, съ пришествіемъ Христа, бракъ измѣнился въ содержаніи и теперь сохраняетъ значеніе только удобства, чистоплотности и экономіи“. Вотъ идеалъ, противъ *расширенія* котораго онъ борется. Будемъ-ли удивляться, что не выше его практика? Что она не *могла* и не можетъ до сихъ поръ подняться надъ нимъ? Нѣтъ „лѣствицы“ для идеи о бракѣ.

Я давно сталъ собирать „матеріалы“ по завязавшемуся вопросу и подѣлюсь, для убѣдительности, съ г. *Мірянином*ъ двумя цитатами. Онѣ тѣмъ драгоцѣнны, что это—*наблюденія*, и притомъ брошенныя „на вѣтеръ“, т.-е. внѣ всякихъ спорныхъ вопросовъ, а посему-то и особенно драгоцѣнныя для разрѣшенія спора.

Одна изъ нихъ принадлежитъ Гёте и была высказана имъ въ частномъ разговорѣ, который записалъ Эккерманъ. („Разговоры Гёте, собранные Эккерманомъ“. Пер. съ нѣм. Д. В. Аверкіева. Спб. 1891 г. Часть I, стр. 286).

„*Среда, 31 января 1827 г.*

„Обѣдалъ у Гёте. „На-днихъ, съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видѣлъ,—сказалъ онъ,—я много читалъ въ разномъ родѣ, особенно же китайскій романъ, который и сейчасъ меня занимаетъ и кажется мнѣ въ высшей степени замѣчательнымъ“. „Китайскій романъ?—сказалъ я.—Должно быть, что-нибудь вполнѣ намъ чуждое“. „Не настолько, насколько кажется,—отвѣчалъ Гёте.— Люди тамъ думаютъ, дѣйствуютъ и чувствуютъ почти такъ-же, какъ и мы, и вскорѣ и самъ чувствуешь, что похожъ на нихъ; но у нихъ все идетъ *яснѣе, чище и нравственнѣе*. У нихъ все разсудочно, по-мѣщански, безъ большихъ страстей и поэтическаго полета; оттого, это весьма похоже на мою *Германа и Доротею*, а также на англійскіе романы Ричардсона. *Разница въ томъ, что у нихъ всегда и внѣшняя природа живетъ подлѣ человѣческихъ фигуръ*. Всегда слышны всплески

золотыхъ рыбокъ въ прудахъ; птицы, не уставая, поютъ на вѣтвяхъ; день всегда ясный и солнечный, ночь всегда свѣтлая; много говорится о мѣсяцѣ, но онъ никогда не измѣняетъ пейзажа: онъ свѣтитъ такъ ярко, что кажется, будто день. И внутри домовъ все такъ-же чисто и мило, какъ на китайскихъ картинахъ. Напримѣръ: „я слышалъ, какъ смѣялись милыя дѣвушки, и когда я увидѣлъ ихъ, то онѣ сидѣли на тростниковыхъ стульяхъ“. Такимъ образомъ тотчасъ-же получается прелестная ситуація: нельзя представить себѣ тростниковыхъ стульевъ, безъ мысли о легкости и нарядности. Затѣмъ къ разсказу примѣшивается безчисленное множество легендъ, и онѣ приводятся также въ видѣ пословицъ. Напримѣръ, о дѣвушкѣ говорится, что у нея были такія легкія и нѣжныя ножки, что она могла стать на цвѣтокъ и не согнуть его. О молодомъ человѣкѣ,—что онъ былъ такой нравственный и храбрый, что въ тридцать лѣтъ удостоился чести говорить съ императоромъ. Или о влюбленной парочкѣ,—что они, будучи долго знакомы, были такъ сдержаны, что, когда имъ пришлось однажды провести ночь въ одной комнатѣ, то они провели ее въ разговорахъ, не коснувшись другъ друга. И множество такихъ легендъ: *всѣ онѣ имѣютъ въ виду нравственность или благопристойе.* Но именно такой умѣренностью во всемъ и продержалась тысячелѣтія китайская исторія. *Въ высшей степени замѣчательную противуположность этому китайскому роману я нахожу въ пьесахъ Беранже: почти всѣ онѣ основаны на безнравственныхъ и распутныхъ мотивахъ* и были-бы для меня въ высшей степени противны, не будь онѣ обработаны такимъ большимъ талантомъ, какъ Беранже,—теперь-же онѣ переносимы и почти прелестны. Но скажите сами, *развѣ не въ высшей степени замѣчательно, что сюжеты китайскаго романа вполнѣ нравственны, а—перваго французскаго поэта нашего времени составляютъ ему противуположность.*“.

Здѣсь мы могли-бы кончить, ибо иллюстрація кончена. Это—Ома Аквинскій, давъ 12 часовъ „духу“, въ 13-й часъ застегиваетъ кожаными застежками толстый фоліантъ своего предшественника по каѳедрѣ „нравственно-догматическаго богословія“ и идетъ „дать *часъ бѣсу*“, „порадовать *грѣшную плоть*“; о чемъ Беранже и слагаетъ пѣсенку:

Шатаясь по ночамъ
Да тратясь на...

Да, это цитадель аскетизма, съ неизбѣжною и *вѣчною* въ немъ брешью, которая ужь „по слабости человѣческой“ будетъ все расти и расти, пока въ зіяющую пасть ея не навалятся племена и народы. Но мы докончимъ цитату:

„—Такой талантъ, какъ Беранже,—сказалъ я,—врядъ-ли-бы что сдѣлалъ изъ нравственнаго сюжета.

„—Ваша правда,—отвѣтилъ Гёте,—именно благодаря испорченности времени, раскрылись и развились въ Беранже его лучшія стороны.

„—Быть можетъ,—замѣтилъ я,—этотъ китайскій романъ считается у нихъ однимъ изъ лучшихъ?

„—Ничуть,—отвѣчалъ Гёте,—у Китайцевъ тысячи такихъ романовъ, и они были у нихъ еще тогда, когда наши предки жили въ лѣсахъ“.

Очевидно—это цивилизація, а не индивидуумъ; т.-е. *не* индивидуумъ есть Беранже, но Беранже, Боккачіо, французскія fabliеux, индивидуальны и отличительны для этой цивилизаціи, ибо она вся *въ данномъ пунктѣ и направленіи* всегда была и есть *въ сути* своей... à la Berenger, не серьезна, фривольна. Она имѣетъ здѣсь нужное и она имѣетъ здѣсь шалость, т.-е. въ обоихъ случаяхъ *именно въ этихъ пунктахъ и въ этой сути* она наиболѣе удалена отъ религіи... какъ это и *доказываетъ*, къ этому *тянется* г. *Міряшинъ*. Во всякомъ случаѣ, не безконечно-ли печально, что во всемъ средненькая „желтая раса“ имѣетъ *здѣсь*, *около точекъ пола*, прекрасный и изящный бытъ, необыкновенно чистые нравы, нѣжное и деликатное пониманіе; а европейскіе народы, сорвавъ у неба геніальную философію, вырвавъ изъ сердца геніальную поэзію, пали плоско, пали безсильно—въ ужасающую плоскость, мѣщанство, въ сѣрую и сорную, *глубоко невпжественную* деревню... въ сферѣ пола. Очевидно, есть могущественнѣйшая всякой философіи и всякой поэзіи доктрина, которая обязательна для Беранже, для меня, для читателя,—въ косй съ дѣтства и до могилы воспитываясь, мы безсильны къ изящному или глубокому здѣсь. Что-же это за доктрина?—„Семья—не помогли-бы *мы* ей, Никаноръ одесскій, Дунсъ Скотъ, „Міряшинъ“—есть физіологическая связанность самца, самки, дѣтеныша“; „да и не охота намъ ей помогать, не удосужимся за службою, училищною и адми-

нистративною... вѣдь, безусловнаго значенія для Христіанина, въ семейной жизни вовсе нѣтъ".

Конечно, при этомъ у „Міранина", Дунсъ-Скота и Никанора сохраняется желаніе, чтобы, однако, семья „текла истинно по-христіански"; но, выслушавъ такой отвѣтъ о себѣ, тысячи міранъ сперва съ горькой улыбкой, а затѣмъ и съ сарказмомъ, скажутъ:

„—Нѣтъ, когда такъ, то мы ужь лучше почитаемъ Бераиже; ужъ когда *попбать*, то хоть *весело*"..

Читатель видитъ, до чего вопросъ... о новой судьбѣ и новой исторіи для семьи—умѣстенъ. Можно-ли представить себѣ, чтобы геніальные европейскіе народы пали ниже желтой расы въ семьѣ, разъ она освободится отъ печальныхъ доктринъ и... *беззаботности* о себѣ, изъ этихъ доктринъ вытекшей. Есть глубокая *практическая нужда* въ этомъ, нужда *самосохраненія*... но объ этомъ пусть говоритъ вторая иллюстрація.

Наблюдаетъ туристъ, *кн. Вл. П. Мещерскій*; проѣзжая въ 97 году черезъ Парижъ, онъ отмѣчаетъ въ „Дневникѣ" своего *Гражданина:*

„Парижъ, воскресенье, 26 октября.

„Вчера былъ въ театрѣ Gymnase, чтобы посмотрѣть на комедію, о которой говоритъ теперь Парижъ.

„Выпесъ до извѣстной степени глубокое впечатлѣніе, такъ какъ пьеса несомнѣнно умна и талантлива, и такъ какъ, съ другой стороны, благодаря талантливому, но безпощадному *реализму* автора приходится сказать, что дѣйствіе этой комедіи есть упыніе отъ необходимости признавать безнравственность общества, не только неизлѣчимаго, но даже торжествующаго...

„Пьеса *Les corbeaux*, про которую я говорилъ намедни—того-же поля ягода: она тоже оставляетъ зрителя въ безотрадномъ настроеніи, но она, во-первыхъ, менѣе талантлива, а во-вторыхъ, ея горизонтъ гораздо уже.

„Въ пьесѣ Gymnase'a *Les trois filles de Mr. Dupon*, авторъ въ трехъ дочеряхъ г. Дюпона изобразилъ три жалкихъ типа, изображающіе въ то-же время три *самыя обиходныя женскія положенія въ обществѣ*: типъ старой дѣвы, посвящающей себя религіи и благотворительности, съ оттѣнками аскетизма и душеспасительнаго, такъ сказать, эгоизма.

„Второй типъ—это молодая замужняя женщина, вышедшая замужъ только для того, чтобы не остаться, какъ старшая сестра, старою дѣвою, безъ всякой любви, *но съ страстною мечтою—въ материнскихъ чувствахъ найти идеалъ своей жизни.* Третій типъ—женщина полусвѣта, попавшая туда послѣ романа и падшая *17-ти лѣтъ отъ роду, и, затѣмъ, изгнанная отцомъ изъ дома*".

Вѣдь „папаша" читалъ Оому Аквинскаго... то-бишь Беранже. Не помнимъ: сперва Беранже, а потомъ Ѳому Аквинскаго, или Ѳому Аквинскаго, а потомъ Беранже, и, совсѣмъ во всемъ запутавшись, не догадался, что „17 лѣтъ" есть именно возрастъ, когда дѣвушка становится или могилою своего младенца и, „очищается" отъ его трупика, или рождаетъ живаго, настоящаго и всекопечно—по заповѣди Божіей, во угожденіе Богу. А если „папаша" за долгимъ чтеніемъ не приготовилъ ей чистой постельки, да и вся цивилизація не приготовила... Но будемъ продолжать:

„Необыкновенно искусно и въ то-же время почти естественно авторъ комедіи сталкиваетъ эти три типа въ интригахъ пьесы, и каждой изъ дочерей даетъ свою долю болѣе или менѣе глубокихъ разочарованій.

„Львиную долю страданій и разочарованій авторъ даетъ замужней женщинѣ и, прежде всего, разумѣется, въ личности ея мужа, молодаго человѣка, карьериста и цинника, который женился изъ-за приданаго, съ омерзительною цѣлью сдѣлать изъ жены своей à la rigueur любовницу, но матерью никогда, чтобы не было нужды выдѣлять часть годоваго дохода на дѣтскіе расходы.

„Ночная сцена передъ спальнею обоихъ супруговъ, когда она рѣшается сказать мужу, что съ каждою ночью усиливались въ ней и ненависть, и презрѣніе къ нему, и когда онъ ей доказываетъ, что она столь-же безнравственна, какъ онъ, такъ какъ она шла за него, какъ онъ за нее, безъ всякой любви, и когда, послѣ мгновеннаго затишья съ обѣихъ сторонъ, въ ней съ большею еще силою загорается ненависть къ мужу въ тотъ моментъ, когда онъ ей говоритъ, что дѣтей у нихъ никогда не будетъ, — вся эта сцена, говорю я, одна *изъ самыхъ драматическихъ и захватывающихъ по силѣ жизненной правды, которыя я когда-либо видѣлъ на сценѣ.* Авторъ доводитъ настроеніе зрителя до *апогея омерзѣнія къ современному французскому мужу и ставитъ женщину въ такое безисходно-мучительное поло-*

женіе, что ей гдѣ-нибудь, въ чемъ-нибудь внѣ брака надо искать спасенія".

...Какъ „внѣ брака"? Какая „осѣчка" у умнаго наблюдателя! Да вѣдь бракъ *не начинался*; былъ *только развратъ* (хоть и по точному рецепту г. *Мірянина*: „дѣло комфорта, гигіены и удовольствія", см. его собственныя точныя слова), омерзительный... и она, тоскливымъ инстинктомъ матери, будетъ искать „проруби", чтобы изъ омута блуда-удовольствія, *смертнаго* удовольствія (тоска ея) вынырнуть въ *истину и истинный бракъ*. Но объ этомъ сейчасъ:

„Въ послѣднемъ актѣ, самомъ безнравственномъ, но въ то-же время *логически реальномъ и правдивомъ*, авторъ сводитъ всѣхъ трехъ сестеръ на такой психической минутѣ, когда и замужняя сестра, утомленная и разочарованная своею супружескою жизнью, хочетъ все бросить и сдѣлаться, какъ старшая сестра, простою работницею, и сестра, избравшая своею карьерою продажную любовь, хочетъ тоже искать возрожденія на пути честнаго труда, но обѣимъ старшая сестра, отдавшаяся дѣламъ благотворительности, говоритъ: нѣтъ, вы въ моей жизни не найдете счастья, я сама такъ измучена своею ролью, я такъ сильно страдаю отъ моей жизни лишеній и долга, что завидую тебѣ, въ твоей жизни порочнаго довольства, завидую и тебѣ, сестра, въ твоей безнравственной супружеской жизни.

„Въ заключеніе надъ двумя сестрами остается вопросительный знакъ, а развязка дается авторомъ только судьбѣ замужней женщины.

„Убѣжденная *совѣтами сестеръ и отца*, она философически мирится (?!) съ мужемъ; и когда мужъ говоритъ такъ, что они поѣдутъ на дачу и онъ пригласитъ гостить своего друга, который въ началѣ пьесы сталъ ухаживать за нею, молодая супруга развеселяется и говоритъ себѣ, что она будетъ искать супружескаго счастья въ любви этого друга...

„Такова комедія нравовъ нынѣшняго Парижа; пьеса разыграна художественно хорошо" (*Гражданинъ 1897 г., № 86*).

* * *

Г. *Мірянинъ*, можетъ быть, не читающій газетъ и не ходящій въ театръ, *да и ничего въ жизни не видящій* изъ-за полокъ своей библіотеки, теперь, прочтя эти выдержки, вѣроятно согласится, что время не *раздѣлять бракъ и христіанство* (его тенденція), но *соеди-*

нять бракъ и христіанство (моя тенденція); не говоритъ, какъ поступаетъ онъ: „семья не имѣетъ безусловнаго значенія для христіанина“, а *вопіятъ*: „нѣтъ христіанина безъ семьи; нѣтъ христіанства—внѣ супружества; и молитвы—внѣ чадородія“... Да такъ вопіять на новыя „1.800 лѣтъ“, ибо, напр., „80 лѣтъ“ такого вопіянія уже ничего не сдѣлаютъ, ибо нужно пе-ре-рож-де-ніе человѣка, т.-е. нужны роды новой цивилизаціи: опять „Гунны“, опять „варвары“, „свѣжій міръ“—т. е. все это не буквально, но нуженъ „гуннскій“, „варварскій“ переворотъ въ чувствахъ и идеяхъ.

Пусть посмотритъ г. *Мірянинъ*, что̀ съ нимъ останется, когда семья, *почти умершая въ христіанствѣ*, окончательно въ немъ умретъ, и пусть *повѣритъ* моему, смѣшному на его взглядъ, страху, что внѣ семьи, безъ семьи — умретъ и христіанство: вотъ „приходъ церковный“, вотъ „прихожане“ Notre Dame de Paris!

„За сегодняшній день,—пишетъ г. Мещерскій, въ томъ-же дневникѣ туриста,—мнѣ случилось мимоходомъ схватить два типа здѣшней молодежи high life, не лишенные пикантности. Одного я увидѣлъ за завтракомъ въ ресторанѣ. Онъ сидѣлъ съ дамою и съ двумя мужчинами. Онъ молчалъ, когда шелъ разговоръ о чемъ-либо съ оттѣнками серьезнаго, и открывалъ ротъ только тогда, когда нужно было похвастать деньгами. Отъ него я узналъ, что онъ вчера заплатилъ за свою тросточку 300 франковъ и за пару пуговицъ 1.200 франковъ, и затѣмъ въ разговорѣ о женщинахъ онъ самымъ серьезнымъ образомъ говорилъ, что онъ не признаетъ (*онъ* не признаетъ!!) иныхъ женщинъ, какъ тѣхъ, которыя за первый визитъ берутъ не ниже 20 тысячъ франковъ. Женщина, сидѣвшая въ этой компаніи, была тоже типомъ: волоса ея имѣли три цвѣта, шляпа три этажа, и на каждомъ булавка съ камнемъ. На лицѣ тоже три шоанса; на пальцахъ три ряда колецъ, на рукахъ три ряда браслетъ, и въ рукахъ портмоне кованаго золота съ тремя рядами брилліантовъ. Очевидно, это именно femme chic. Другой типъ молодаго человѣка я встрѣтилъ въ одной гостиной: сынъ родовитой семьи. Когда заговорили о печати, онъ спросилъ: гдѣ-же эта печать находится? Про книги онъ говоритъ, что ему некогда читать: онъ встаетъ въ два часа дня, потомъ визиты, потомъ обѣдъ, потомъ ничего не дѣлаетъ, а затѣмъ ужинъ у Максима до 7 часовъ утра.—И это каждый день?—спросилъ я его.—Почти ежедневно, отвѣтилъ онъ мнѣ. — И васъ это веселитъ? — О,

страшно веселитъ, я называю это счастливою жизнью...—А такихъ счастливыхъ, какъ вы много?—спрашиваю я.—Этого, отвѣтилъ онъ,—не знаю, но мои друзья дѣлаютъ то-же, что я, и не жалуются на судьбу".

„Я спрашивалъ у одного Парижанина, чѣмъ занимается у нихъ молодежь?—Да ничѣмъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—elle se laisse vivre, и больше ничего"... (*Тамъ-же*).

Вотъ... „собраніе вѣрующихъ", „Церковь" около Notre Dame, глядя на которую, повторитъ-ли г. *Мірянинъ*: „вовсе не семьею спасется и спасается христіанство?" *Не оставлю васъ, пребуду съ вами во вѣки*—сказалъ Христосъ. Это неотразимо влекущій человѣка нравственный образъ Христа и есть" и проч., и проч., и проч. (конецъ первой половины его статьи-письма)...

Такъ уже надѣялись 2.000 лѣтъ. Но *мы* не *въ силахъ болѣе* надѣяться... Нѣтъ знаменій. Нѣтъ оправданія. Нѣтъ „вѣрующихъ", а стало быть нѣтъ и „вѣры"; нѣтъ „церкви" и Notre Dame... да вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ *пустъ*, и есть святыня археологической науки, предметъ осмотра и восхищенія Буслаевыхъ, „камень и желѣзо"—на нашъ бѣдный и *неискусный* взглядъ, который мы не разогрѣемъ слезами и не превратимъ въ живой храмъ.

Въ виду этого я даже.. *и не хочу* провѣрять по книгамъ, такъ-ли поставилъ я тексты въ статьѣ моей „Бракъ и христіанство". Мнѣ болѣе нравится живое восклицаніе *безъ справокъ* почтеннаго редактора „Русскаго Труда", сказанное мнѣ, послѣ полученія имъ по почтѣ „Безсмертныхъ вопросовъ" г. *Рцы:*—ведя меня къ этому и не нажимая на словахъ, а „по-ходя" давшуюся ему истину онъ сказалъ:—„конечно, для пересмотра вопроса о бракѣ нуженъ вселенскій соборъ, и будетъ собранъ вселенскій соборъ". Вотъ, что значитъ правильно ударить въ сердце человѣка; вотъ, что значитъ *не глухое* сердце человѣка... Г. *Мірянинъ*... немножко *глухъ*.

Я говорю: „не хочу" провѣрять цитатъ; и мнѣ *безразлично*, куда входитъ бракъ таинствомъ. Онъ – *вездѣ* счастливѣе, чѣмъ въ христіанствѣ; и нельзя этого великаго бѣдствія не приписывать, какъ выразился г. *Рцы*, „односторонпему направленію"... въ нашемъ до сихъ поръ пониманіи христіанства. Мнѣ слишкомъ *извѣстно*, что *нѣтъ вовсе* достаточныхъ „цитатъ" для твердаго и неколеблющагося рѣшенія вопроса о бракѣ въ сторону „да!" у евангелистовъ, у Спа-

сителя. Но вѣрую, что Господь и Спасъ мой не хотѣлъ человѣку погибели; и что въ нашихъ обстоятельствахъ, и при зрѣлищѣ нашей жизни Онъ сказалъ-бы: „*всѣ* женитесь“, „*непремѣнно* и всѣ женитесь“... „Да развѣ и не сказалъ этого вамъ Отецъ Мой Небесный, сотворяя первую человѣческую чету: *растите́ся*, *множите́ся*? И для чего вы дожидаетесь отъ Меня объ этомъ слова, какъ-бы перерѣшенія, когда я исповѣдалъ о Себѣ: Отецъ и Азъ—едино?“

Милостивецъ и Спасъ это или подобное изрекъ-бы, глядя на нужду и скорбь міра. Въ *Его* время, для *Его* слушателей не было подобныхъ нашимъ вопросовъ, и отвѣтъ, *намъ нужный*, не былъ имъ нуженъ, не былъ-бы даже ими понятъ. Вотъ—родникъ отсутствія цитатъ; а г. *Мірянинъ* ихъ *подбираетъ*, ихъ *подшиваетъ* другъ къ другу, изъ нихъ вытягиваетъ, что можно: до того очевидно, что въ словахъ Спасителя нѣтъ принципіальнаго рѣшенія о худѣ или благѣ брака, и нѣтъ кореннаго поднятія этого вопроса. Между тѣмъ за двадцать вѣковъ вопросъ о бракѣ *коренны́мъ образо́мъ* повернутъ отрицательно. Но что-же, не имѣя „цитатъ“, какъ поведемъ борьбу съ этимъ?.. На то, что *Спасъ* нашъ *соизволилъ*, *избралъ*, предпочелъ иным и вполнѣ возможным способамъ появленія на землѣ—*роди́ться*!! Да, Λόγος пред-мірный не слился съ Λόγος'омъ Никодима, Іосифа Аримаоейскаго. „Се Дѣва во *чревѣ зачне́тъ и роди́тъ* Сына“... какъ вдохновенно глаголали пророки. Какое чудо! *Суть* христіанства... есть, однако, безспорно въ то-же время суть *рожде́нія*. Г. *Мірянинъ* говоритъ, что „Церковь ублажаетъ *безсѣменное зача́тіе матери безмужні́я*“—и будто-бы черезъ это прославляетъ и указуетъ на землѣ безмужность. Какое непониманіе! Въ „ублаженіи“ Церкви выраженъ *восторгъ* къ чуду „нашего спасенія“, восхищеніе къ нему. При „мужѣ“ и „земномъ сѣмени“ рожденное было-бы *человѣкъ*, когда рождался *Бого*-человѣкъ. Такимъ образомъ, не по недостоинству „сѣмя“ было устранено, и мужъ—не взятъ, но по отсутствію въ нихъ нужды, и даже потому, что при ихъ участіи не было-бы „*Богорожде́нія*“, „*Бого*-воплощенія“. Но Богъ *избралъ*, *предпочелъ*, *соизволилъ*, какъ мы сказали, содѣлать Дѣву въ Матерь, избравъ Ея дѣвственные пути Материнскимъ Себѣ покровомъ. „Се—сила Всевышняго осѣнитъ тебя...“—„Буди мнѣ по глаголу Твоему“. Кто-же, однако, и гдѣ утвердилъ разницу an und für sich, въ творческомъ планѣ, въ качествѣ матеріи, въ чемъ-ли иномъ, *чрева* матери и

мудръ отца?? *Мірянинъ* долженъ промолчать. Въ Дѣвѣ Маріи—изъяснено, благословлено материнство; „путь Господень...“ благоговѣйте языцы. Но будетъ-ли искать г. *Мірянинъ* способовъ и *теперь* для *насъ* восходить „въ матерь“ безъ мужа? Мы говоримъ „безъ мужа“, когда передъ Ангеломъ Дѣва Марія *не отказывалась* отъ него: „какъ будетъ сіе, *когда мужа не знаю*?“ Какой чудный вопросъ, и землепотрясающій отвѣтъ: „Сила Всевышняго... посему и рожденное наречется Сынъ Божій“. Христіанство есть сверкающее, блистающее чудо, есть *разверзшееся* небо... которое и видѣлъ Іаковъ, заснувъ въ таинственную ночь на камнѣ. Перейдемъ къ нашей темѣ. Когда *материнство* такъ потрясающе избрано Богомъ, и *мы*, въ *нашихъ условіяхъ*, не становимся въ материнство безъ супружества, не очевидно-ли, что съ самаго благословенія материнства благословлено и условіе его—супружество? И глаголъ „се мужа не знаю“, глаголъ и недоумѣніе, но не отрицаніе, не отвращеніе—для всей земли перелагается въ восторгъ: „се—мужъ мой, се—дитя мое“.

Это-то и есть спасительная для христіанства „новая его концепція“, какъ выражается г. *Мірянинъ*. Ибо эти матери, священствующія въ родахъ, да и эти отцы, — около дѣтей своихъ, около матерей ихъ труждающіеся, — дадутъ наконецъ и „міръ-Церковь“, „общество вѣрующихъ“. А будутъ „вѣрующіе“—будетъ „вѣра“; а будетъ „вѣра“—мы не то, что старое Notre Dame отворимъ, а сотни новыхъ Notre Dame выстроимъ. „Еще ребенокъ—еще папикадило“ въ церковь; встала отъ болѣзни жена—опять причина для молитвы. И такъ-то вѣчно. И такъ-то „1800 лѣтъ“. Въ радости-то?.. Въ молитвѣ-то?—Да развѣ и сейчасъ, даже Дунсъ-Скотъ, и Никаноръ, и самъ суровый г. *Мірянинъ* не скажутъ: „буди, буди“? „Исполнились времена и сроки“; и наконецъ-то, наконецъ мы видимъ, гдѣ лежатъ уготованныя міру „бѣлыя одежды“ и „пальмовыя вайи“ (*Апокалипсисъ*).

И всѣмъ будетъ хорошо... даже монахамъ, даже аскетамъ! Гретхенъ,—когда Дунсъ Скотъ *спасетъ* ея младенца, *научитъ* ее вскормить его, воспитать его, научить лучшему и прежде всего научить благочестію—вѣдь она отъ умиленія, какъ только мальчику ея исполнится 17 лѣтъ, и труды воспитанія кончатся, въ монахини пойдетъ, станетъ вкушать акриды и медъ, увидитъ видѣнія, познаетъ небесную на землѣ славу страстотерпицы за вѣру и мученицы за „не-

бесный монастырь". О, только се пріютите въ молодости, въ неопытности, въ *правдѣ материнства,* а ужь она облобызаетъ епископскія *черныя* ризы! Да, аскезисъ и семья—примиримы и гармонируемы. Екатерина Маслова („Воскресеніе" Толстого), будь она опять-таки подобрана, „изранепая и на дорогѣ лежащая" суровымъ Пикаиоромъ —*никогда-бы вновь не узнала мужчины*; вѣдь она... дѣва изъ дѣвъ, кто-же этого не видитъ? И вотъ, чѣмъ-бы она жила: научилась-бы рисовать, а можетъ и умѣла, и всю-то жизнь рисовала-бы иконы для любимаго монастыря-обители, гдѣ въ лѣтній зной ищетъ себѣ прохлады суровый одесскій владыка. Пріѣдетъ онъ, и она припадетъ къ черной его рясѣ, поплачетъ; подастъ иконку, и назадъ... къ своей дѣвочкѣ, въ смиренную свою и *чистенькую* хижину.

А то... вздумали проклинать „блудницъ": „колѣномъ ихъ"!... А Богъ все видитъ съ неба и закрылъ ваши гордые Notre Dame! Да, закрылъ или закрываетъ...

IX.

Казалось, что обѣ спорящія стороны высказались уже достаточно, чтобы поставить точку и сдѣлать свое заключеніе къ спору. Это заключеніе было для меня обязательнымъ уже потому, что было-же нужно дать читателю объясненіе, почему на страницахъ „Русскаго Труда" былъ поднятъ столь щекотливый вопросъ. Затѣмъ, читая лично корректуры чуть не по два раза, а В. В. Розанова кромѣ того смягчая и урѣзывая еще въ рукописи (дай ему волю, наговоритъ ужасныхъ вещей!), я слишкомъ много передумалъ надъ поднятымъ вопросомъ и слишкомъ много испортилъ себѣ крови. Воспроизведу здѣсь полностью 102—107 главы моего личнаго отдѣла „*По душѣ*", ничего въ нихъ не измѣняя. Мнѣ дорого сохранить слѣдъ моего тогдашняго настроенія, которое цѣликомъ отразилось на моемъ творчествѣ. Я былъ такъ увлеченъ политической борьбою, что все остальное казалось мнѣ едва стоющимъ вниманія.

Теперь мнѣ самому это нѣсколько смѣшно и кажется очень односторонним, но эта борьба, въ которой между прочимъ погибъ мой органъ, вспоминается и сейчасъ безъ осужденія и раскаянія. Оглядываясь на нее годъ спустя, я невольно удивляюсь, какимъ образомъ захватила она все мое существо, едва оставляя мѣсто для иныхъ думъ и заботъ?

Но къ чему отвлекаться? Вотъ эти главы „По душѣ“, помѣщенныя въ №№ 33 и 34 „Русскаго Труда“.

По душѣ.

CII.

Нѣсколько словъ моимъ оппонентамъ по вопросу о бракѣ.—Русскій споръ. —Взгляды гг. Розанова, протоіерея У—скаго и Рцы.

Мнѣ совсѣмъ не до вопроса о бракѣ, которымъ въ настоящее время могутъ заниматься развѣ господа философы, въ родѣ протоіерея *А. У—скаго* или моихъ почтенныхъ друзей *Рцы* и *В. В. Розанова*, т.-е. люди кабинета и книги, которые способны мирно и благодушно разсуждать о выспренихъ матеріяхъ во время наводненія, кораблекрушенія, труса, глада, нашествія иноплеменниковъ и т. п. Для нихъ нѣтъ дѣйствительности. *Розановъ* упрекаетъ *Мірянина*, что онъ не видитъ жизни изъ-за полокъ своей библіотеки, но самъ видитъ ее еще меньше, *Рцы* очаровательно разсуждаетъ о томъ жизненномъ переломѣ, который съ нимъ произошелъ по случаю дебюта какого-то Мазини—дьякона...

Я всѣ эти разсужденія печатаю, скрѣпя сердце, такъ какъ вопросъ о бракѣ поднятъ по моей-же собственной неосторожности. А такъ какъ, къ удивленію моему, нашлись читатели, которые считаютъ эти вопросы очень умѣстными, важными и своевременными, то, нечего дѣлать, надо продолжать печатать, хотя и чувствуешь всю неумѣстность, всю неловкость этихъ вопросовъ, особенно въ данную минуту.

Но хуже всего то, что я самъ ввязался въ эти пренія и теперь поневолѣ долженъ говорить дальше, хотя повторяю, мнѣ, какъ публицисту, сейчасъ не до вопросовъ о бракѣ. Но мои объясненія такъ

исказилъ почтеннѣйшій о. протоіерей, что я не могу оставить безъ отвѣта и разъясненія его полемическое письмо къ *Розанову,* напечатанное въ прошломъ нумерѣ.

Позвольте, мои почтеннѣйшіе друзья и оппоненты, быть прежде всего откровеннымъ. Вы всѣ возмутительно недобросовѣстны въ спорѣ, особенно о протоіерей. Какъ спорить, когда вы вовсе не желаете вникнуть въ то, что говоритъ вашъ противникъ, и каждый по своему считаете себя непогрѣшимымъ папой?

Но къ дѣлу.

На моей сторонѣ одинъ г. *Мірянинъ*, всѣ-же остальные, т.-е. *Рцы*, *У—скій* и *Розановъ,* несмотря на нѣкоторыя несогласія, въ сущности единомысленны въ своемъ совершенно языческомъ пониманіи брака. Градація такая. Крайность, полюсъ представляетъ *В. В. Розановъ*. Имъ съ любовью подхвачено словцо Достоевскаго „неудавшееся христіанство". Онъ заявилъ категорически, что дѣвство ничуть не выше супружества, а пожалуй, даже ниже его. что превознесеніе дѣвства есть аскетическое, монашеское, односторонее, а, слѣдовательно, ложное пониманіе брака; мало того, онъ объявилъ прямо, что половой моментъ (въ бракѣ, конечно,) такъ-же чистъ и святъ, какъ и самъ бракъ, что это своего рода богослуженіе и даже чуть не самый идеальный видъ богослуженія...

Протоіерей *У—скій* такъ далеко не заходитъ, но онъ и не опровергаетъ своего друга въ этихъ его утвержденіяхъ. Самъ-же употребляетъ все свое краснорѣчіе, чтобы доказать, что въ физическихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего нечистаго, что Новый Завѣтъ нигдѣ не возвышаетъ дѣвства надъ бракомъ, что это чуть-ли не личный только взглядъ Апостола Павла, преувеличенный Греками и отъ нихъ утвердившійся въ Церкви и т. д.

Наконецъ *Рцы*, идя позади ихъ, старается даказать лишь то, что христіанство аскетами поставлено односторонне, что оно *потому* не успѣло еще, какъ слѣдуетъ, опредѣлить бракъ, и какъ-бы отвращается отъ этого опредѣленія, но что это опредѣленіе должно быть дано и притомъ не въ монашескомъ духѣ.

И всѣ трое, словно сговорившись, не захотѣли ни на минуту остановиться надъ моей коротенькой схемой, подумать надъ нею, провѣрить ее. Я думаю, что и теперь будетъ продолжаться все тотъ-же нашъ традиціонный *русскій* споръ. Я буду говорить свое, мои

оппоненты свое, и каждый останется при своемъ. Отъ этого такъ непріятно и браться за перо.

Но если ужь не господа оппоненты, то пусть меня пойметъ читатель. На этотъ разъ постараюсь высказаться болѣе обстоятельно, такъ какъ и я объ этомъ предметѣ кое-что передумалъ и перечувствовалъ.

CIII.

Основная мысль христіанства.—Борьба за свободу и плотская любовь.—Драма Алексѣя Божьяго-человѣка. Почему онъ ушелъ въ брачную ночь?

Мнѣ кажется, что монаховъ обвиняютъ совершенно напрасно. Вдумайтесь, пожалуйста, въ сущность христіанства. Въ противуположность іудаизму, это есть религія высочайшей свободы. Христосъ освободилъ безсмертный духъ человѣка и зоветъ къ себѣ безусловно свободнаго по духу человѣка. Христу не нужно ничего необходимаго, условнаго, вынужденнаго, и истинный христіанинъ тотъ, кто истинно свободенъ. Свободенъ отъ чего? Не отъ внѣшняго, не отъ стихійнаго, не отъ матеріи, эта власть остается надъ всѣми нами, поскольку мы сами—матерія; свободенъ отъ самого себя, отъ своихъ страстей, свободенъ отъ всякаго подчиненія инымъ импульсамъ, кромѣ своей вѣры и чистой любви ко Христу. Я боленъ и страдаю. Въ страданіи у меня вырывается хула. Это не свобода, это кричитъ во мнѣ несвободный человѣкъ, ибо *свободный*, зная, что болѣзнь—испытаніе, благодаритъ за нее Бога и также мраченъ и свѣтелъ, какъ самый здоровый и счастливый. Онъ не можетъ побороть болѣзни, ибо разрушается его вещество, его тѣло. Но онъ освобождаетъ свой духъ, онъ побораетъ страданіе, страхъ смерти.

Я не могу справиться съ моей жаждой наживы. Какъ христіанинъ, я знаю, что это грѣшно, скверно, но я не могу справиться съ собой: я *несвободенъ*, меня одолѣла страсть къ деньгамъ, къ земнымъ благамъ, къ власти, тысяча другихъ страстей.

Различны страсти, и различна съ ними борьба. Одну страсть побороть легко, другую трудно. Одна приводитъ человѣка къ подлостямъ и грѣхамъ, другая по внѣшности оставляетъ его почти добродѣтельнымъ. Но, съ точки зрѣнія христіанской, единственный критерій, единственная мѣра для оцѣнки это—свобода.

Какъ примѣнить эту мѣру къ физическимъ отношеніямъ? Сравнивать извѣстный актъ съ ѣдой, по моему, натяжка непростительная. Гдѣ будетъ въ ѣдѣ христіанская свобода? Она совершенно ясна. Во имя этой свободы я не имѣю права искусственно истреблять моего тѣла, что случится немпнуемо, если я буду голодать. Стало быть, я остаюсь совершенно свободнымъ, принимая пищу здоровую и гигіеническую въ томъ размѣрѣ, который нуженъ для правильной тѣлесной жизни. *Несвобода*, рабство у страсти начинается тогда, когда я съ одной стороны изъ фанатизма борюсь съ законной потребностью моего тѣла и морю себя голодомъ, съ другой, когда я *наслаждаюсь* пищей, когда я предаюсь гастрономіи или грубому обжорству, нѣжу свое брюхо качественно или количественно, все равно. Неужели это не совершенно ясно?

Разница съ половою функціею непзмѣримая. Для моего личнаго существованія этотъ актъ рѣшительно не нуженъ. Онъ нуженъ роду, а не индивидууму, и для осуществленія этой цѣли природа вложила въ индивидуума почти непреоборимое половое стремленіе, власть и значеніе коего превосходно выяснены Шопенгауэромъ въ его книгѣ „Міръ, какъ воля и представленіе". Это стремленіе соединено съ могущественнѣйшимъ и, можетъ быть, величайшимъ на землѣ наслажденіемъ, создающимъ почти неодолимую власть природы надъ личностью человѣка. Въ этомъ *наслажденіи*, а не въ *потребности* все и дѣло.

Но, однако, есть люди, которые изъ-подъ этой власти уходятъ и отъ этого наслажденія добровольно отрекаются. Это дѣвственники. Они побѣждаютъ могучій инстинктъ, смиряютъ желанія своего тѣла, умѣютъ справиться съ властью надъ собой природы, выходятъ изъ этой борьбы побѣдителями. Можно-ли ихъ сравнивать съ людьми, добровольно мучающими себя голодомъ?

Можно, разумѣется, но это будетъ наша развратная, увы,—слишкомъ обычная,—точка зрѣнія, которая половыя отправленія старается считать даже необходимыми для здоровья организма, чтобы прикрыть простое желаніе наслажденія. Между тѣмъ, необходимость въ нихъ, и то доведенная до крайняго минимума, является *только* съ точки зрѣнія рода. Если для христіанина является обязательнымъ питать и поддерживать свое тѣло, какъ индивидуума, то его обязательство служить *роду* является въ данномъ случаѣ по меньшей мѣрѣ

спорнымъ. Всякій изъ насъ инстинктивно знаетъ очень хорошо, что никогда не можетъ наступить такого момента, по крайней мѣрѣ, онъ безконечно далекъ, когда идеалы дѣвства такъ овладѣютъ всѣми, что почувствуется опасность для правильной смѣны поколѣній, или размноженія людей. Природа слишкомъ хорошо объ этомъ постаралась...

Слѣдовательно, что-же? Да то, что дѣвственникъ, разумѣется, искренній, никакого ущерба никому не причиняетъ, никакого преступленія ни противъ себя, ни противъ другихъ не дѣлаетъ. Онъ только отрекается отъ своего личнаго наслажденія, освобождается отъ страсти, у которой всѣ остальные рабы, становится неизмѣримо сильнымъ въ своей свободѣ, ибо это такой видъ самообладанія и свободы, съ которымъ никакая другая и сравниваема быть не можетъ.

Не нужно никакого монашескаго или аскетическаго искаженія христіанства, чтобы съ этой точки зрѣнія,—а она-то и есть самая послѣдовательно-христіанская,—дѣвство поставить выше супружества. Да, сознательнаго, добровольнаго дѣвственника, повторяю, искренняго, а не хапжу и не католическаго патера, мы всѣ, даже развратные люди, ставимъ инстинктивно выше насъ. Мы чувствуемъ удивительную, неслыханную чистоту и святость въ трогательной исторіи объ Алексѣѣ, Божьемъ-Человѣкѣ, который, женившись на прекрасной и чистой дѣвушкѣ, ушелъ въ аскетизмъ прямо отъ брачнаго ложа... По теоріи *Рцы.* онъ прямо насмѣялся надъ таинствомъ брака. Не такъ-ли?

Кто знаетъ, какая драма происходила въ этой спальнѣ? Они вдвоемъ. Вотъ, оба конфузятся, какъ конфузились всѣ мы въ этомъ случаѣ, ибо есть что-то въ человѣческой душѣ, даже самой развращенной, что прямо называетъ половой актъ паденіемъ, грязью, униженіемъ до животнаго. Эта конфузливость и есть *стыдъ*, очень могучее чувство. Но здѣсь это чувство у обоихъ было особенно остро. Кто изъ нихъ первый сказалъ: „не надо этого, останемся чистыми!“— она-ли, дрожащая за свою чистоту передъ его страстнымъ, но стыдливымъ порывомъ, онъ-ли, самъ стыдливый до святости,—это ихъ тайна, это навсегда осталось тайной. Мы знаемъ только, что они не переступили фатальной грани и разошлись, сохранивъ въ сердцѣ чистую любовь другъ къ другу, которая позднѣе и привела Алексѣя incognito въ домъ своей жены.

Неужели-же они въ самомъ дѣлѣ сдѣлали преступленіе? Или неужели это какое-то недоразумѣніе, т.-е. они не поняли того, на что Церковь ихъ опредѣленно благословляла? По мнѣнію *Розанова*, протоіерея *А. У—скаго, Риги*, никакого грѣха, никакого паденія здѣсь-бы вовсе не было, ибо это „ложе“ объявлено заранѣе „нескверпымъ“, супружескій актъ входитъ въ таинство, какъ органическая его часть, и Алексѣю не было никакого резона уходить... Не правда-ли читатель? *Риги* скажетъ, что это въ немъ говорила гордыня, а гг. *Розановъ* и протоіерей *У—скій*, пожалуй, чего добраго, скажутъ: что̀ за чудакъ!

И вы напрасно будете говорить, что Церковь, въ лицѣ своихъ, очень чуткихъ, церковныхъ людей, именно такъ и смотритъ, не на бракъ, а на половой актъ, какъ на грязь, какъ на паденіе. Почему-же это по правилу Карѳагенскаго (IV) собора внушается жениху и невѣстѣ, что въ ночь, слѣдующую за бракосочетаніемъ, они должны оставаться въ дѣтствѣ, дабы не сквернить брака? Почему женатому священнику предписываются особенно строгія правила насчетъ супружеской жизни, да и мірянамъ рекомендуется воздержаніе, по крайней мѣрѣ, въ такіе-то и такіе-то дни?

Неужели-же это „монахи выдумали“? Вѣдь это уже нѣчто совершенно противуположное Розановской теоріи, будто извѣстный моментъ есть почти-что богослуженіе...

Отецъ протоіерей сваливаетъ вину на Грековъ и вообще на православный Востокъ, забывая что именно Греческая, восточная Церковь и установила *брачное* духовенство, въ то время, какъ Римская ввела *безбрачіе*... Восточная Церковь и къ разводу относится совсѣмъ иначе...

CIV.

Какъ совмѣстить „грязь“ и „таинство?“ Власть рода. Влюбленность. Идеальная сторона въ отношеніяхъ влюбленныхъ.

Но какъ-же совмѣстить „грѣхъ“ и „грязь“ съ благословеніемъ Церкви, съ таинствомъ? Мнѣ кажется, что рѣшеніе этого вопроса вовсе не такъ трудно, какъ оно представляется, и ужь, конечно, вовсе не таково, какимъ оно рисуется моимъ почтеннѣйшимъ оппонентамъ. Они, особенно о. протоіерей, становятся на почву чи-

стѣйшей софистики и провозглашаютъ: таинство, слѣдовательно, обнимаетъ собою все, т.-е. и физическія отношенія. Безъ нихъ нѣтъ и не можетъ быть таинства, а слѣдовательно, и самый половой актъ, какъ часть, и притомъ органическая, таинства, безгрѣшенъ и святъ. Грѣхъ — прелюбодѣяніе, но супружескія отношенія въ бракѣ ни грѣха, ни мерзости (грязи) въ себѣ не заключаютъ.

Фальшь этого разсужденія сама собою бросается въ глаза. Актъ святъ, онъ часть таинства; откуда-же эти ограниченія, откуда неизбѣжно сопутствующій ему стыдъ? Ѣсть нисколько не стыдно, и мы радостно собираемся цѣлымъ обществомъ за дружеской трапезой. Почему-же бы эту открытую, веселую радость не распространить и на брачныя отношенія? Между тѣмъ, порядочная жена даже поцѣловать своего мужа стыдится при постороннихъ а когда мужъ съ женою остаются ночевать въ гостяхъ, считается неловкимъ положить ихъ спать вмѣстѣ.

Человѣкъ инстинктивно стыдится половаго акта. Мало-мальски стыдливому даже мужчинѣ неловко и противно въ развратной компаніи, гдѣ вещи называются своими именами и гдѣ цинически говорятъ объ *этомъ*. Перестать стыдиться вовсе—совершенно невозможно. Кто перестаетъ стыдиться этихъ отношеній даже вдвоемъ, съ *своею* близкою женщиною, и тотъ уже развратникъ, человѣкъ совершенно потерянный, животное. Да и животное изъ высшихъ, несомнѣнно, этого акта стыдится. Видали-ли вы умную комнатную собаку, которая возвратилась изъ любовныхъ похожденій, куда ее погналъ непреодолимый инстинктъ, *воля породы*, по выраженію Шоппенгауера? Бѣдное животное нѣсколько дней ходитъ, словно виноватое, какъ будто удивляясь, какъ это могло случиться, что оно забыло домъ, хозяина, свои обязанности и побѣжало невѣсть куда?

Здѣсь въ миніатюрѣ то-же самое, что съ влюбленнымъ человѣкомъ, съ тою лишь разницею, что человѣкъ влюбленъ въ данную личность женщины и съ нею стремится слиться. Всѣмъ извѣстна эта страшная сила любви. Освободиться отъ нея, стать выше ея, побороть ее можетъ едва изъ тысячи одинъ. При этомъ у человѣка центръ и цѣль этой страсти—половой актъ—отодвигается на задній планъ и человѣческая любовь является, даже какъ страсть, крайне облагороженною. Влюбленный иногда даже забываетъ эту конечную цѣль. Онъ готовъ ждать, и иногда ждетъ очень долго, подъ усло-

віемъ, чтобы любимая женщина отвѣчала ему душей; раньше общенія тѣла, устанавливается удивительное, иногда необыкновенно чистое и святое общеніе душъ, мечты о домашнемъ очагѣ, о вѣчной близости другъ къ другу, о семьѣ, о дѣтяхъ и т. д. Во всемъ этомъ грязь акта глубоко скрыта, выдвигается духовная гармонія и красота отношеній. Эта чистая и идеальная сторона влюбленности необыкновенно затрудняетъ для человѣка борьбу. Лишиться половаго удовлетворенія совсѣмъ не такъ тяжело. какъ лишиться своего очага, любящей жены, прелестныхъ дѣтей, изолированной отъ всего остального ячейки—семьи. Мужской душѣ гораздо болѣе нужна женская душа, чѣмъ тѣлу тѣло. Это послѣднее является у высоко развитыхъ и чистыхъ людей какъ-бы придаткомъ семейной радости, но уже никакъ не главнымъ ея основаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ нормальной семейной жизни мужчинѣ этого тѣла достается гораздо меньше, чѣмъ холостому развратнику...

Можемъ-ли, вправѣ-ли мы осуждать человѣка, который, влюбившись подъ вліяніемъ неумолимаго инстинкта рода, такъ возвысилъ, такъ облагородилъ свою любовь, обставивъ ее такими чудными мечтами о семьѣ, о человѣкѣ-подругѣ о дѣтяхъ, которыхъ онъ воспитаетъ въ гражданъ своей земли? Конечно, нѣтъ! Можетъ-ли осуждать эти мечты Церковь?

Конечно, нѣтъ! Хотя Церковь и знаетъ, что въ глубинѣ этой влюбленности и всей этой свѣтлой идилліи и лежитъ плотскій грѣхъ, но она знаетъ также, что у огромнаго большинства людей грѣхъ этотъ непобѣдимъ и неустранимъ. Для однихъ дѣвствениковъ, изъ которыхъ, можетъ быть, и десятая доля не окажется праведниками по другимъ причинамъ, Христу и не стоило-бы спасать родъ человѣческій. Онъ спасалъ и тѣхъ, кому „дано“ стать совершенно свободными, даже отъ половаго чувства, и тѣхъ. которые изъ-подъ этой власти освободиться не могутъ, но спасалъ подъ условіемъ хотя-бы только *относительной* свободы, т.-е. все-таки борьбы со своими страстями, и въ томъ числѣ съ половой, вѣры и добрыхъ дѣлъ.

Христосъ совершенно ясно выдѣлилъ категорію дѣвствениковъ и далъ ей первое мѣсто. Но онъ спизшелъ и къ брачникамъ, и самъ положилъ основаніе христіанскому браку, благословивъ новобрачныхъ въ Канѣ Галилейской и твердо установивъ моногамію. Церковь, въ дальнѣйшемъ развитіи Христова ученія, назвала бракъ таинствомъ.

Что̀-же она сдѣлала собственно предметомъ таинства? И какъ могло въ таинствѣ совмѣститься благословеніе съ грѣхомъ?

На этотъ вопросъ постараюсь по возможности отвѣтить обстоятельно.

BIBLIOTHÈQUE ROSSE TOURGUENEV 9, Rue de Tournon, PARIS

CV.

Теорія моихъ оппонентовъ.—Формула „аппетита“ Рцы.—Наслажденіе, какъ основной элементъ нашего брака.—Неизбѣжные выводы.

Я подошелъ къ самому центральному и вмѣстѣ съ тѣмъ самому щекотливому пункту въ вопросѣ о бракѣ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ примирить противорѣчіе, повидимому совершенно непримиримое, и господами моими оппонентами усиленно эксплуатируемое въ свою пользу? Бракъ—таинство. Бракъ безъ тѣлеснаго сожитія невозможенъ, слѣдовательно, безъ этого невозможно и неосуществимо самое таинство, оно, по выраженію „Рцы“, *выпарится* безъ остатка. Значитъ, извѣстный физическій актъ есть органическая часть таинства, и такъ какъ таинство не можетъ имѣть въ своемъ составѣ ни „грязи“, ни даже малѣйшей нечистоты, то и этотъ физическій актъ совершенно чистъ и святъ.

Казалось-бы тутъ и возразить нечего. И на этой позиціи гг. протоіерей У—скій, Рцы и въ особенности В. В. Розановъ соорудили для своей теоріи брака такую-же крѣпость, какъ Геренъ на улицѣ Шаброль. Они не отрицаютъ, конечно, что въ нашей обыденной жизни огромную роль въ бракѣ играетъ *наслажденіе*. Никому изъ мужчинъ, даже вѣроятно, и о. протоіерею, не приходило въ голову смотрѣть на физическій актъ, какъ на нѣкую тяготу, на исполненіе непріятнаго долга. Такъ можетъ смотрѣть развѣ очень чистая и еще не „пріученная“ женщина, но вѣдь гг. мои оппоненты ее и не имѣютъ въ виду. Они прежде всего говорятъ о мужчинахъ, о самихъ себѣ: они спѣшатъ пользоваться наслажденіемъ, которое даетъ бракъ, и такъ какъ это наслажденіе не только ничѣмъ формальнымъ не ограничено, но еще и благословлено, то ихъ теорія и ведетъ ихъ прямо къ желанной цѣли: пользуйся тѣмъ, что даетъ жизнь и оставайся христіаниномъ, т.-е. за все благодари Бога. Мой почтенный другъ *Рцы* съ его послѣдовательностью и откровенностью

далъ въ своей статьѣ „Безсмертные вопросы“ даже такую, по-истинѣ классическую формулу: „есть аппетитъ—пользуйся и благодари Бога, нѣтъ аппетита—воздержись и тоже благодари Бога“.

Итакъ, вотъ куда свелось у нихъ таинство: къ *наслажденію*, которое регулируется только *аппетитомъ*. Естественный стыдъ, остатокъ отвращенія, напримѣръ въ женщинѣ, побѣдоносно опровергается такимъ аргументомъ, что это вовсе не грязно и не стыдно, такъ какъ благословлено заранѣе и вотъ, мало-по-малу, брачное ложе христіанина превращается и притомъ весьма откровенно въ языческій алтарь наслажденія, а женщина въ огромномъ числѣ случаевъ низводится до степени какой-то легальной проститутки. Если для нея этотъ актъ почему-нибудь тяжелъ нравственно (а онъ вначалѣ ей всегда тяжелъ внѣ момента страстнаго увлеченія), мужъ совершенно спокойно предъявляетъ ей своего рода исполнительный листъ, говоря ей очень просто: „зачѣмъ-же было идти замужъ?“ Мало-по-малу затихаютъ всѣ протесты, женщина „втягивается“, „пріучается“, начинаетъ находить наслажденіе сама, даже въ совершенно спокойномъ, безъ малѣйшей поэзіи, безъ малѣйшаго увлеченія, исполненіи супружескаго долга и получается знакомая картина: жизнь складывается, физическія отношенія регулируются „аппетитомъ“ и благочестивая семья совершенно увѣрена, что живетъ вполнѣ христіанскою жизнью...

Но позвольте. Сдѣлаемъ еще нѣсколько шаговъ. Въ семьѣ родится ребенокъ, другой, третій. Родители съ ужасомъ замѣчаютъ, что будутъ еще и еще дѣти. Жизнь тяжела, расходы огромны. Наконецъ раздаются знакомыя слова „нельзя плодить нищихъ“, и вотъ, наши супруги рѣшаютъ воздерживаться отъ новаго дѣторожденія. Какимъ образомъ? Воздерживаясь отъ супружескихъ отношеній? Нѣтъ! Наслажденіе должно остаться, оно уже обратилось въ предметъ обихода, комфорта, отказаться отъ него нельзя. Надо лишь сдѣлать его безрезультатнымъ, надо „принять мѣры“. И вотъ мѣры принимаются...

Я спрашиваю гг. моихъ оппонентовъ: что здѣсь случилось съ бракомъ, съ таинствомъ? Этотъ бракъ цѣлъ? Таинство дѣйствуетъ, не профанировано? Никто не виноватъ и все обстоитъ благополучно? Да?

Мнѣ кажется, ни одинъ изъ трехъ здѣсь утвердительнаго отвѣта дать не посмѣетъ. Слишкомъ уже явно все возмутительное содержаніе, вся кощунственная сторона подобнаго явленія. Я прибавлю сюда: и вся его мерзость. Т.-е. мерзость въ чемъ? Въ искаженіи въ бракѣ

одного наслажденія. Бракъ явно обращается въ развратъ и то обстоятельство, что это совершается между людьми, благословленными Церковью, придаетъ этому разврату еще болѣе отвратительную форму ханжества.

А отсюда что̀ вытекаетъ съ неумолимою послѣдовательностью логики? А вотъ что: если даже стоять на точкѣ зрѣнія моихъ оппонентовъ и считать въ бракѣ таинствомъ *все*, съ супружескими отношеніями включительно, то благословлено можетъ быть только честное чадорожденіе, т.-е. только тотъ актъ супружескихъ отношеній, результатомъ коего есть или можетъ быть зачатіе. Внѣ этой прямой цѣли половой актъ совершаемый an and für sich есть несомнѣнно грязь, мерзость и грѣхъ, ибо, если-бы это было не такъ, если-бы такое безрезультатное наслажденіе было благословлено и одобрено, мы не имѣли-бы никакого права возмущаться тѣми мѣрами, какія принимаются для избѣжанія зачатія. Отъ этого вывода никуда не уйдешь, друзья мои!

Но если признать это, — а не признавать было-бы страшнымъ кощунствомъ и фарисействомъ, — необходимо признать и дальнѣйшія послѣдствія, отсюда вытекающія. А эти послѣдствія по-истинѣ непзмѣримы и приведутъ насъ, надѣюсь, къ ясному и вѣрному пониманію идеи таинства брака.

CVI.

Христіанская нравственность и нашъ эгоизмъ.—Беременность.—Кормленіе.—Почему женщина отказывается отъ кормленія?—Два случая.—Религія и физіологія

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, что отсюда получается. Въ нормальной семьѣ почти тотчасъ-же послѣ первыхъ сближеній обнаруживается ихъ результатъ; съ краской чуднаго, *святаго* стыда ваша жена признается, что она беременна. Съ этой минуты она для васъ неприкосновенна, ибо въ ея положеніи супружескій актъ лишенъ своей цѣли и, конечно, представляетъ голый развратъ. Взгляните въ животный міръ. Оплодотворенная самка уже не привлекаетъ желанія самца, а если это желаніе у него явилось, она бьется и защищается. Таковъ инстинктъ природы. Таковъ и логическій выводъ христіанской морали. Но какъ этой христіанской морали устоять противъ нашего разврата и эгоизма, противъ нашей пакостной теоріи, что половой

актъ есть потребность для мужчины? Эта мораль насъ не удержитъ. И вотъ, на помощь идетъ медицина. Раскройте любую физіологію беременности, и если вы хоть сколько-нибудь человѣкъ, а не животное, если въ васъ есть капля любви къ своей подругѣ жизни и своему потомству, вы *не посмѣете прикоснуться къ беременной женѣ.*

Прочтите, что обѣщаетъ медицина? Ради нашего эгоизма можетъ быть глубоко потрясена вся нервная система вашей жены. Очень распространенная въ нашемъ простонародьи болѣзнь—кликушество—идетъ отсюда. Тысячи видовъ истеріи и нервныхъ разстройствъ у верхняго класса идутъ отсюда. При мало-мальски слабомъ организмѣ женщины она можетъ остаться на всю жизнь калѣкой. А ваше потомство? Установлено совершенно твердо, что множество специфическихъ дѣтскихъ болѣзней и страшная порча нервовъ будущаго ребенка съ предрасположеніемъ къ разврату идетъ отсюда-же.

Хватитъ-ли у васъ духу, *зная все это*, предъявлять вашй супружескія права и здѣсь искать „благословленныхъ“ „дозволенныхъ“ наслажденій? Что, кромѣ безусловнаго отрицанія можетъ здѣсь противупоставить Церковь? Чѣмъ можетъ назвать она невоздержность здѣсь, какъ не развратомъ, грѣхомъ и мерзостью? Чѣмъ вы сами это въ глубинѣ души назовете?

Пойдемте дальше.

Ваша жена разрѣшилась отъ бремени. Какъ нормальная и здоровая женщина, она повинуется неудержимому и священному инстинкту материнства и начинаетъ кормить ребенка сама. Въ этотъ долгій періодъ половая жизнь ея абсолютно сама собой прекращается, ибо всѣ жизненныя силы и соки женщины идутъ на кормленіе. Это кормленіе можетъ быть по произволу прервано. Ребенокъ можетъ быть отнятъ и отданъ другой женщинѣ или подвергнутъ искусственному кормленію, въ послѣднемъ случаѣ въ явный вредъ своему здоровью и развитію. Для чего, или вѣрнѣе, почему можетъ быть прервано кормленіе? По двумъ причинамъ: здоровая женщина можетъ это сдѣлать ради исполненія своихъ супружескихъ обязанностей, промѣнявъ на нихъ обязанности материнскія, слабая и больная—въ интересахъ собственнаго здоровья.

Первый случай есть несомнѣнно грязь и развратъ, не оправдываемый ничѣмъ. Женщина ради наслажденія для своего мужа, или также и своего, идетъ противъ собственной природы, заглушаетъ въ

себѣ самый высокій и святой инстинктъ, заставляетъ за деньги другую женщину почти-что отречься отъ своего ребенка и продать свое материнство. Можно-ли хоть минуту сомнѣваться въ мнѣніи объ этомъ Церкви? Гдѣ оправданіе этой измѣнѣ, этому предательству? Медицина этого оправданія для здоровой женщины безусловно не даетъ. Наоборотъ, даже сравнительно слабая женщина, исполняя святое призваніе матери—самой кормить дитя,—въ большей части случаевъ поправляется и укрѣпляется въ силахъ.

Второй случай—несчастіе. Врачи лишаютъ женщину права (и радости) кормить своего ребенка. Къ ней возвращаются ея половыя функціи. Но эта женщина, не имѣвшая возможности исполнить обязанностей матери, на долгое время, *тѣмъ менѣе* можетъ быть супругой. Она должна возстановить свои силы, ибо скорая вновь беременность для ея организма было-бы слишкомъ тяжела, а часто и прямо опасна. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ только ничѣмъ не оправдываемый развратъ мужчины можетъ обусловить физическія отношенія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ это будетъ очевидное преступленіе противъ таинства брака, понимаемаго даже въ смыслѣ гг. *Рцы*, *Розанова* и протоіерея *У—скаго*.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ кто-нибудь изъ нихъ посмѣетъ посовѣтовать здоровой женщинѣ отнять отъ груди ребенка, чтобы вернуться къ мужу, или будетъ рекомендовать „вступать въ обладаніе" слабой и больной женой? Что-же остается дѣлать? Соединять въ здоровомъ случаѣ материнскія и супружескія функціи? Нельзя. Это противно и гадко, и противъ этого возстаютъ одинаково какъ медицина, такъ и Церковь. Медицина говоритъ, что кормящая женщина не можетъ, безъ риска для своихъ материнскихъ функцій, принадлежать мужу. Почему паемную кормилицу такъ тщательно берегутъ отъ всякаго соблазна? Взглядъ Церкви будетъ понятенъ, если мы припомнимъ сказанное выше о супружескихъ сношеніяхъ, завѣдомо безрезультатныхъ, т.-е. не выходящихъ изъ области только наслажденія.

Попробуйте-же теперь подвести итогъ. Къ беременной женщинѣ прикасаться нельзя. Къ кормящей тоже. Вотъ, уже безъ малаго два года обязательнаго супружескаго воздержанія. Небольшой промежутокъ „свободы" и снова полутора или двухлѣтній постъ. Циническая и грубая въ своей наготѣ формула *Рцы*, приведенная въ предъидущей главѣ, является совершенно несостоятельною. Если не хотите явно

нарушать божескихъ законовъ и законовъ природы, извольте прятать вашъ „аппетитъ“, извольте сокращать вашу половую жизнь до крайняго естественнаго минимума, а еще лучше даже и самое это поганое слово „аппетитъ“ благоволите замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе подходящимъ и чистымъ...

CVII.

Мірянинъ въ бракѣ и монахъ.—Много-ли „свободы“ первому въ нормальномъ бракѣ?—Чистый бракъ и чистые люди.—Влюбленность и первое сближеніе. -Неудача метафизики Вл. С. Соловьева.—Идея таинства брака.—„Крейцерова соната“ Толстаго и наши съ нимъ разногласія.

Не замѣчаете-ли вы, читатель, что съ этой точки зрѣнія, при этихъ условіяхъ,—а я надѣюсь, что условія поставлены правильно—жизнь мірянина въ бракѣ физіологически весьма близко подходитъ къ жизни монаха? Духовно—это другое дѣло. У монаха, по прекрасному описанію Никанора, приведенному въ статьѣ г. *Мірянина*, никого нѣтъ, у него полное душевное одиночество, у брачнаго—чудная ячейка-семья, свой близкій и дорогой міръ. Но въ этомъ мірѣ его близкая и дорогая женщина по меньшей мѣрѣ на $^{99}/_{100}$ времени его сестра—и только. Не нужно вовсе „профанировать“ бракъ отчужденіемъ отъ жены, во имя „гордыни“, или „гнушенія“, обращая жену въ сестру. Это и такъ выходитъ, само собою. Оставайтесь только честнымъ и чистымъ человѣкомъ, чтобы ваша совѣсть не могла васъ упрекнуть въ побѣдѣ вашего эгоизма и вашей похоти надъ природой и святыми чувствами близкаго вамъ человѣка, и этого довольно! Мои почтенные оппоненты, всѣ трое, умышленно отворачиваются отъ этой жизненной и реальной стороны, занимаясь по преимуществу метафизикой и, понятно, сути дѣла не видятъ. Вопросъ разрѣшается вовсе не такъ, какъ они хотятъ съ точки зрѣнія своего „аппетита“, и идея таинства обнаруживается вовсе не тамъ, гдѣ они стремятся ее установить.

Мы очень близко подошли къ истинному ея смыслу и немного нужно, чтобы ее еще болѣе и полнѣе освѣтить.

Итакъ, говорить можно только вотъ объ этихъ свободныхъ промежуткахъ, объ этой $^1/_{100}$ жизни, когда ваша жена дѣйствительно

можетъ быть вашей женой. Какъ вы полагаете, человѣкъ, привыкшій къ почти монашеской жизни, установившій на огромные и долгіе сроки чисто братскія отношенія къ своей женѣ, въ эти краткіе промежутки будетъ-ли вознаграждать себя за долгій постъ? Будетъ-ли онъ такъ-же держать себя, какъ мы, грѣшные и развратные, обратившіе таинственный и страшный актъ воспроизведенія въ нѣчто совершенно обыденное, циничное и холодное, выпувшіе отсюда всю духовную сторону и оставившіе физіологію много низшаго сорта даже, чѣмъ у животнаго?

Я думаю, что нѣтъ. Я думаю, что этого человѣка можно сравнивать не съ нами, случайно „проголодавшимися“ и стремящимися „вознаградить себя“ *), а скорѣе со стыдливымъ и чистымъ влюбленнымъ. Да, несомнѣнно, это единственное возможное сравненіе.

Чтобы это такъ слѣдуетъ понять, необходимо оговориться, и въ этомъ, я полагаю, мои оппоненты тоже спорить не посмѣютъ, что дѣйствительно чистый и святой бракъ возможенъ только между чистыми людьми и притомъ горячо-любящими другъ друга. Бракъ безъ любви, по одному разсчету, есть, особенно со стороны женщины, такая глубокая мерзость, которой не можетъ быть другаго названія, кромѣ самопродажи. Дѣвушка, не охваченная любовью, *какъ пожаромъ*, дѣвушка, у которой не трепещетъ сердце и не кружится голова при свиданіи, при разговорѣ съ будущемъ мужемъ, представляетъ одно изъ двухъ: или нравственнаго урода, если она не знаетъ, *что* ей предстоитъ, или прямую, хотя-бы и невинную пока, проститутку, если она *знаетъ*. Для брака нужна не только чистота съ обѣихъ сторонъ, для брака нужна чистая и горячая любовь, да еще любовь свѣтлая, уравновѣшенная сознаніемъ, регулируемая или, точнѣе, гармонирующая съ честью, уваженіемъ, высокимъ достоинствомъ обоихъ, высокимъ душевнымъ ихъ строемъ, христіанскою подготовкою и незыблемыми нравственными принципами. Вотъ, единственно, при какихъ условіяхъ

*) Въ нашей молодежи—честь ей и слава!—стало замѣтно удивительное теченіе: многіе юноши *принципіально* рѣшаютъ оставаться дѣвственниками до брака. Это, вовсе не тяжелое условіе для нормальнаго человѣка, страшный подвигъ для нашей интеллигенціи, въ крови у которой наслѣдственный развратъ. Мы лично знаемъ трехъ такихъ юношей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но ихъ *очень много*. Легко себѣ представить, какая чистая любовь и какія святыя отношенія обезпечены такому человѣку въ бракѣ, если онъ женится по любви (а такой, конечно, иначе и не женится) на достойной себя дѣвушкѣ! *Ред.*

таинство брака не будетъ профанировано, и брачная пара будетъ въ силахъ его вынести и болѣе или менѣе не осквернить.

Оговорка эта мнѣ нужна была вотъ для чего. У этой пары людей первый актъ супружеской жизни не будетъ *даже отдаленно* похожъ на то, что мы привыкли себѣ воображать. Это будетъ моментъ высокаго, но почти безсознательнаго экстаза, когда оба какъ-бы утонутъ, какъ-бы растворятся въ морѣ любви, гдѣ на моментъ исчезнетъ всякая воля, почти уничтожится индивидуальность человѣка. Они покорятся природѣ, да, конечно, но *у нихъ* съ этимъ моментомъ никакая грязная мысль несовмѣстима, ибо моментъ этотъ въ идеалѣ своемъ *безсознателенъ* и у нихъ будетъ очень близко къ этому. Безсознателенъ, слѣдовательно, безотвѣтственъ. Это не значитъ, чтобы онъ былъ безгрѣшенъ, это все-таки паденіе, но въ этомъ паденіи чистый и цѣльный человѣкъ *почти* не пострадалъ. Онъ покорился *велѣнію рода*, онъ не устоялъ противъ экстаза любви, но, поскольку это отъ него зависѣло, онъ облагородилъ и одухотворилъ этотъ экстазъ. У обоихъ въ памяти на всю жизнь остается чудный, невыразимый моментъ или даже цѣлая полоса сліянія душъ, и они почти не вспомнятъ момента сліянія тѣла. Чтобы стать на эту почву, нужна очень большая чистота, очень горячая любовь, страшно высокій душевный строй и на землѣ дано лишь приближаться къ этому идеалу и никогда, конечно, его не осуществлять. Но тѣмъ не менѣе идеалъ остается идеаломъ, онъ ясенъ, и есть люди, которые къ нему очень близко подходятъ. Тѣлесная жизнь у нихъ почти совершенно скрывается, уничтожается за яркимъ расцвѣтомъ двойной духовной жизни съ моментомъ чуднаго экстаза, скрытаго и погашеннаго священнымъ стыдомъ и огромной полосой тихой радости...

И вотъ—цѣль осуществлена. Природа сдѣлала свое дѣло. Таинственно изъ „премірныхъ глубинъ“ явилась новая душа и идетъ въ міръ, по образному выраженію Розанова. Влюбленные мужъ и жена обращаются въ нѣжно-любящихъ другъ друга брата и сестру на весь тотъ долгій срокъ, пока природа, а потомъ мать, питаетъ и раститъ новое существо.

Нужно-ли говорить, что въ „свободный промежутокъ“ можетъ повториться лишь то-же, что и въ первый моментъ, съ разницей, обусловливаемой исключительно физіологіей? Нужно-ли говорить, что у этихъ людей первоначальная влюбленность не только не остынетъ,

но обновится, очистится и вознесется еще выше, благодаря долгой полосѣ напряженной и полной духовной жизни при абсолютномъ тѣлесномъ воздержаніи и чистотѣ?

Мнѣ припоминается попытка Вл. С. Соловьева дать философское объясненіе „смысла любви“. Поставилъ онъ свою задачу очень широко и вѣрно. Но онъ точно такъ-же, какъ гг. Рцы, Розановъ и о. протоіерей, хотѣлъ выйти на одной метафизикѣ, забывая о реальной жизни, и изъ его чуднаго изслѣдованія не вышло ничего.

А между тѣмъ, онъ поставилъ вопросъ капитальный и поставилъ его прямо: въ моментъ влюбленности природа какъ-бы зажигаетъ передъ нами неземную иллюминацію. Но вотъ, любовь „осуществлена“, иллюминація гаснетъ, наступаютъ мракъ и страданіе. Какъ удержать эту иллюминацію, какъ сдѣлать любовь вѣчною и свѣтлою?

Да очень просто! Не топите эту любовь въ развратѣ, не ищите наслажденія въ животномъ актѣ, держитесь неизмѣнно на духовной высотѣ, покоряйтесь природѣ лишь тогда, когда поставлена прямая задача воспроизведенія, покоряйтесь безсознательно и тотчасъ-же освобождаетесь духомъ и возноситесь надъ этимъ безсознательнымъ творчествомъ. Любовь не только останется, она создастъ вамъ истинный рай на землѣ, и „иллюминація“ не погаснетъ никогда.

Я думаю, что сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы идея христіанскаго брака, какъ таинства, значительно выяснилась. Христіанство есть свобода, всякое его таинство есть помощь при освобожденіи отъ чего-нибудь внѣшняго, отъ рабства человѣка у внѣшней силы или собственной страсти.

Таинство брака, по-моему, и есть *освобожденіе человѣка отъ рабства у его половаго инстинкта*. Этотъ инстинктъ не уничтожается въ бракѣ, но онъ перестаетъ быть *хозяиномъ* человѣка, ему отводится его надлежащее *подчиненное* мѣсто. Церковь благословляетъ союзъ душъ, благословляетъ воспроизведеніе рода, чадорожденіе и отдастъ человѣку не только свободу отъ плотскаго грѣха, низводя этотъ грѣхъ почти до безсознательной, а слѣдовательно, почти безотвѣтственной покорности природѣ, но и даетъ человѣку могучее орудіе для борьбы съ грѣхомъ, благословляетъ свободное *воздержаніе, въ которомъ и заключается ключъ къ идеѣ таинства.*

Церковь какъ-бы говоритъ брачущимся: вы „вмѣстить“ не можете, вамъ „не дано“. Но, стоя на низшей ступени противъ чистаго

дѣвства, прикасаясь ко грѣху, вы хотите освободиться отъ него, хотите спастись? Вотъ вамъ орудіе: *воздержаніе, чистота.* Вы не въ силахъ побѣдить вашу природу вполнѣ? Но пусть-же, уступивъ ей въ инстинктѣ чадорожденія, вы побѣдите ее въ соблазнѣ грѣшнаго наслажденія. Ваше плотское сожитіе Церковь проститъ *) и даже благословитъ *только какъ уступку природѣ*, только какъ чадорожденіе, но отнюдь *не какъ наслажденіе,* отнюдь не какъ принадлежность обихода, комфорта. Происходящій *сознательно,* добровольно, даже супружескій актъ есть грязь и грѣхъ, есть служеніе животной страсти.

Правда, этого нигдѣ не говорится прямо и категорически. Въ нравственномъ богословіи отдѣлъ брака разработанъ очень слабо, почти можно сказать, не разработанъ вовсе. Но, вѣдь, Церковь за всю свою двадцативѣковую жизнь уяснила и раскрывала объектъ своей вѣры, но не вырабатывала „обязательныхъ постановленій“ для той области жизни человѣка, гдѣ все основано на свободѣ, гдѣ двумъ людямъ ввѣрена великая тайна жизни. Да и возможны-ли, не противорѣчатъ-ли этой свободѣ какіе-бы то ни было правила и регламенты?

Христіанскій бракъ есть такое высокое и отвѣтственное осуществленіе свободы человѣка, что мы, грѣшные и развратные въ огромномъ большинствѣ, не только вмѣстить, но и понять его не можемъ. Мы ломаемъ себѣ голову, какъ-бы обезпечить себѣ въ бракѣ прежде всего половое наслажденіе, мы готовы идти на всѣ мерзости и пакости, лишь-бы не лишиться или не сократить на долгій срокъ того, къ чему мы привыкли, какъ къ стакану хорошаго вина, хорошей сигарѣ, креслу въ оперѣ и т. п. Для насъ все высказанное здѣсь безуміе, ибо мы руководимся «аппетитомъ»... Посмотрите, какъ мои

*) Непремѣнно *проститъ*. Въ этомъ глубочайшая мысль, которой, напр., В. В. Розановъ со всею своею „мистикою“ понять прямо не способенъ. Безгрѣшна абсолютная *свобода*, для человѣка непостижимая, ибо даже дурной помыслъ есть грѣхъ. Есть-ли возможность освободиться *даже* отъ помысловъ? Аскетизмъ знаетъ эту борьбу—это его вѣчная трагедія. Половой актъ въ самомъ его высокомъ и чистомъ проявленіи есть актъ *несвободы*, а потому *всегда грѣхъ*, всегда нуждается въ прощеніи, даже безсознательный. Эта азбука христіанства и монашеская концепція здѣсь совершенно таковаже, что и мірская. Если-бы, какъ того требуетъ „Рцы“, ритуалъ брака и его этику ставили и не черпецы, а міряне, они-бы пришли къ тому-же самому и точно такъ-же читали-бы очистительныя молитвы надъ родильницей и даже надъ „прикасавшимися къ ней“, какъ это теперь читается. Къ чему-же относятся эти молитвы? Разумѣется, не къ акту родовъ, абсолютно непроизвольному и потому абсолютно неотвѣтственному, а къ акту зачатія ребенка, къ добровольному *паденію* женщины, къ ея несвободному моменту, т. е. квалифицированному грѣху. *Авт.*

почтенные оппоненты изъ кожи лѣзутъ, чтобы доказать, что въ половомъ актѣ нѣтъ ни грязи, ни грѣха. Что ихъ пугаетъ, ради чего люди стараются? Да чтобы ихъ комфорта не отняли, чтобы ихъ привычекъ не нарушили, чтобы найти отговорку и успокоеніе для протестующей совѣсти! Какъ-бы хорошо, въ самомъ дѣлѣ, доказать „отъ Писанія“, установить, какъ ученіе Церкви, протоіерейскую, или розановскую теорію, что половой актъ святъ, какъ органическая часть таинства! То-то-бы возрадовались всѣ ханжи и лицемѣры, служители и рабы своего нижняго этажа! Но не бывать этому, доказать этого нельзя, обставить цитатами изъ Писанія можно только путемъ величайшихъ натяжекъ. И никто этому не повѣритъ, ибо въ каждомъ мало-мальски чистомъ человѣкѣ лежитъ безсознательный душевный протестъ, противъ половаго акта, *какъ наслажденія*. Оттого-то это наслажденіе, *именно какъ наслажденіе*, никогда и никого не удовлетворяло, ни древнихъ, ни современниковъ, на какія штуки въ этой области они ни пускались. Даже въ религію возводили! Оттого-то душевная радость и полное удовлетвореніе даются *только* воздержанію, только побѣдѣ надъ плотью, въ бракѣ или въ астезисѣ—все равно...

Когда я прочелъ эти строки одному другу, тотъ замѣтилъ, что я впадаю въ тонъ Толстого и повторяю положенія его „Крейцеровой сонаты“. Я отвѣчалъ на это, что въ частностяхъ, разумѣется, да, ибо Толстой въ своихъ обличеніяхъ нашего разврата безусловно правъ. Но разногласіе между нами основное и коренное вотъ въ чемъ: своимъ опытомъ объясненія идеи таинства брака я отъ всего сердца хочу послужить Церкви, снять съ нея тѣ печальныя и незаслуженныя обвиненія, которыя брошены Толстымъ и повторяются его безчисленными поклонниками. Толстой отрицаетъ самую идею христіанскаго брака и выставляетъ Церковь, какъ молчаливую сообщницу разврата. Я стараюсь выяснить идею брака и именно съ точки зрѣнія Церкви. Разница, кажется, большая?

А затѣмъ, не считая себя римскимъ папою и мои воззрѣнія, хотя-бы провозглашаемыя и ex cathedra, непогрѣшимыми, я имѣю честь пригласить гг. моихъ оппонентовъ, если имъ угодно разрабатывать вопросъ дальше, возражать мнѣ *по существу*. Другаго ничего я печатать не буду и дѣлать „Русскій Трудъ“ органомъ достаточно-таки соблазнительной проповѣди не намѣренъ.

X.

Нѣсколько поздно, но пожелалъ сказать свое мудрое и вѣское слово и П. П. Аксаковъ. Стоя незыблемо на церковной почвѣ, говоря такъ сказать *изъ Церкви*, авторъ съ глубокимъ негодованіемъ протестуетъ противъ тѣхъ искаженій, какія допущены В. В. Розановымъ и протоіереемъ У—скимъ. Статья имѣетъ огромный интересъ, какъ голосъ ученаго богослова и славянофила, хотя я и позволю себѣ немного не согласиться съ уважаемымъ авторомъ въ одномъ его утвержденіи, именно, будто въ вопросѣ о бракѣ взглядъ Церкви совершенно ясенъ и никакихъ произвольныхъ толкованій не допускаетъ. Мнѣ кажется, что это не совсѣмъ такъ. Вотъ эта статья.

О бракѣ и дѣвствѣ.

Разсужденія г. Розанова и прот. У—скаго о бракѣ и дѣвствѣ требовали-бы документальнаго, строго научнаго опроверженія, въ особенности послѣ появленія ихъ въ сравнительно осмысленной и стройной формѣ въ послѣднемъ письмѣ протоіерея А. У—скаго. Опровергать наборъ фразъ г. Розанова, отожествлявшаго христіанскія и ветхозавѣтныя воззрѣнія на бракъ съ культомъ Ваала и Астарты и по невѣдѣнію искажавшаго безусловно всѣ историческіе факты, будто-бы служившіе ему опорой, возможно было-бы только въ формѣ остроумно-ѣдкаго фельетона. Но пишущій эти строки не смѣетъ и помыслить о фельетонѣ на почвѣ религіозной и нравственной Истины и можетъ только напомнить разсуждающимъ, что земля, на которой стоятъ они, или на которую покушаются они стать,—земля святая. Одновременно съ сознаніемъ полной неумѣстности и преступности фельетоннаго изложенія, пишущій эти строки, отрѣшенный въ деревнѣ отъ необходимыхъ для документальнаго обличенія книгъ и источниковъ, лишенъ возможности подтверждать слова свои цитатами и фактами иначе, какъ на память. А между тѣмъ, обличеніе представляется

для него совершенно необходимымъ, ибо пора-же наконецъ положить предѣлъ глумленію надъ истиной, искаженію историческихъ фактовъ и положеній. Документальному опроверженію придетъ, если потребуется, свой чередъ, а пока къ прояснению и отрезвленію смущенныхъ умовъ да послужатъ нижеслѣдующія краткія замѣтки.

Церковь нельзя сочинять и придумывать: она есть то, что она есть, въ полнотѣ пространства и времени. Въ Церкви нѣтъ и не поднимается вопросовъ; она есть готовый уже отвѣтъ на вопрошанія человѣческія, на вопросы *отъ внѣшнихъ*. Ошибка, проступокъ гг. Розанова и У—скаго заключается прежде всего въ томъ, что они приписываютъ Церкви праздпословныя разсужденія пресыщенныхъ эпикурейцевъ и ловеласовъ или изображенія гр. Л. Толстаго. Полемизируй они только съ этими послѣдними и отчасти, хотя опять только отчасти, они были-бы, пожалуй, и правы; но они полемизируютъ не съ ними, а полемизируютъ съ Церковью, утверждая, horribile dictu, что догматика и весь строй ея не отъ нея исходятъ, а сочинены монахами! Но съ догматикою Церкви они наивно отожествляютъ только письменную передачу ея въ формѣ учебниковъ и трактатовъ, исчезновеніе которыхъ съ лица земли отнюдь не устранило-бы самого догмата, а историческаго строя церковнаго они, какъ видно, совсѣмъ и не вѣдаютъ.

Не изъ устъ Церкви, а изъ устъ гностическихъ и иныхъ сектъ раздалось первое утвержденіе, что въ бракѣ есть нѣчто нечистое, предосудительное, грѣховное, именно въ матеріальной его сторонѣ. Но, едва заслышавъ такое утвержденіе, Церковь разъ навсегда устами Гангрскаго собора, получившаго потомъ вселенское освященіе, изрекла, что не только осужденіе брака, какъ чего-то нечистаго, но и уклоненіе отъ брака, какъ нечистаго и предосудительнаго, есть *ересь*. Вполнѣ согласно съ этимъ, многократно, ясно и подробно высказывались и святые отцы, свидѣтельство которыхъ въ другое время мы не затруднились-бы привести десятками. И въ этомъ смыслѣ высказывались именно и великіе дѣвственники, ибо дѣвство предпочитали и хранили они отнюдь не въ силу усмотрѣнія въ бракѣ чего-либо грѣховнаго, предосудительнаго и нечистаго, что возбраняется Церковью, въ которой они пребывали и отъ которой не отрѣшались. Когда на соборѣ Никейскомъ возникло отъ заблуждающихся предложеніе обязательнаго безбрачія для клириковъ, кто выступилъ съ го-

рячею защитою святости и непостыдности брака? Кто? Не познавшій женщины дѣвственникъ, великій пустынножитель и основатель пустынножительства—Пахомій Великій. И его-то свидѣтельство явилось главнымъ вызовомъ къ свидѣтельству самого собора, познавшаго и подтвердившаго церковную правоту его словъ. Свидѣтельствуй онъ иначе, и Церковь, въ виду присущаго и выраженнаго ею взгляда на бракъ, осудила-бы и его, и глаголы его, какъ исходящіе не изъ Церкви и не отъ Церкви, но откуда-то извнѣ, изъ какой-либо секты.

Свято дѣвство, честенъ бракъ и ложе нескверно—такова сущность воззрѣній Церкви на бракъ и на дѣвство. Взглядъ на дѣвство, какъ на религіозно-нравственное требованіе былъ-бы такъ-же противенъ Церкви, какъ и взглядъ на бракъ, какъ на нѣчто обязательное, устраняющее святость и религіозную допустимость дѣвства, какъ отчасти предполагаетъ протестантская этика. Христіанинъ не обязанъ вступать въ бракъ, какъ не обязанъ и сохранять безбрачія, ибо дары различны, а Духъ единъ. Но бракъ не есть „ложе", какъ и дѣвство не есть только воздержаніе отъ ложа, все равно брачнаго или внѣбрачнаго. Ложе скверно въ блудѣ и прелюбодѣяніи, и не скверным т. е. нравственно-безразличнымъ, безгрѣшнымъ, но и не составляющимъ добродѣтели, является оно только въ освященіи религіозно-нравственныхъ основъ и религіозно-нравственныхъ задачъ брака, въ подчиненіи основной цѣли и идеѣ брака. Подобно тому и дѣвство не есть одно только воздержаніе, и въ этой формѣ оно отнюдь не представляетъ заслуги. Холостякъ, хотя-бы и побѣдоносно-поборающій всѣ соблазны и искушенія или почему-либо свободный отъ нихъ, отнюдь не выше въ религіозно-нравственномъ отношеніи живущаго въ бракѣ мужчины, и старая дѣва, сохранившая свою чистоту, ничуть не выше замужней женщины, ибо дѣвство достойно не само по себѣ, но только какъ средство къ достиженію намѣченныхъ цѣлей. Взглядъ Церкви на матеріальную сторону брака совершенно ясенъ и совершенно опредѣленъ, и въ этомъ отношеніи въ ней нѣтъ и не можетъ быть ни раздвоенія, ни сомнѣнія, ни вопроса. Физическое соединеніе является безусловно чистымъ, оправдываемымъ въ бракѣ, какъ религіозно-нравственномъ институтѣ, имѣющемъ свои религіозно-нравственныя-же задачи и цѣли, и оно-же является безусловно нечистымъ и скернымъ внѣ брака, составляя блудъ или прелюбодѣяніе. Признавая бракъ, въ составъ котораго входитъ и физическое сосди-

ніе, Церковь остается вѣрной самой себѣ и ни въ чемъ себѣ-же не противорѣчитъ. Бракъ осуждается ересью, но Церковью онъ не только не осуждается, а даже благословляется.

Протоіерей У—скій говоритъ, что взглядъ на супружескія отношенія, какъ на грѣхъ, „существуетъ въ сознаніи русскаго церковнаго общества". По этому воззрѣнію, говоритъ онъ, актъ супружескихъ отношеній по самому существу своему, по самой природѣ своей есть грѣхъ, только грѣхъ прощаемый, такъ сказать, оффиціально допускаемый въ силу своей неизбѣжности". Какое невѣдѣніе языка церковнаго, церковной терминологіи, свидѣтельствующее о неясности, спутанности самого представленія о Церкви! Если Церковь *оффиціально* допускаетъ, то стало быть для нея возможно и другое, *неоффиціальное* отношеніе, въ силу котораго она осуждаетъ ею-же самою допускаемое. Другими словами, Церковь по служебному долгу (оффиціально) допускаетъ то, что само по себѣ, по нравственному долгу (неоффиціально), признаетъ грѣховнымъ и скверными. Да развѣ въ Церкви можетъ быть отдѣленіе служебнаго долга отъ нравственнаго, оффиціальнаго отъ неоффиціальнаго? Ужасно слышать этотъ поклепъ на Церковь изъ устъ ея служителя! Впрочемъ, этотъ поклепъ протоіерей У—скій приписываетъ на себѣ, а „русскому церковному обществу". Опять изъ устъ служителя Церкви слышимъ мы совершенно невѣдомыя Церкви слова. Церковь сама есть общество и рядомъ съ ней другого общества, развѣ какъ нецерковнаго, нѣтъ и не можетъ быть. По крайней мѣрѣ, Церковь таковаго признавать не можетъ. Правда, великое множество людей числится въ Церкви, а не живетъ въ ней, одною ногою стоятъ въ Церкви, а другою опираются на совершенно иную почву, вѣритъ въ лѣшихъ, русалокъ и вѣдьмъ, признаетъ колдовство и заговоры, служитъ мамону, допускаетъ блудъ, осуждаетъ бракъ и т. п. Но развѣ этою второю, противуположною Церкви стороною своего бытія они образуютъ „церковное общество"? Развѣ Церковь имѣетъ что-либо общее съ этими ихъ вѣрованіями, заблужденіями, пороками и предположеніями? Церковь никакого „церковнаго общества" не знаетъ и знать не можетъ просто потому, что внѣ Церкви нѣтъ и не можетъ быть ничего церковнаго. Церковное общество—contradictio in adjecto, нѣчто ни реально, ни логически не существующее. Но предположимъ, что, по забвенію языка церковнаго, прот. У—скій подъ именемъ „церковнаго общества" подра-

зумѣваетъ всю совокупность людей, числящихся въ Церкви или примыкающихъ къ ней одною стороной своей жизнедѣятельности. Будетъ-ли въ этомъ случаѣ справедливымъ завѣреніе о. протоіерея? Разумѣется, нѣтъ. Многіе милліоны русскихъ людей брачатся, живутъ въ бракѣ, производятъ на свѣтъ дѣтей, видятъ въ нихъ благословеніе Божіе и даже и не подозрѣваютъ, что въ бракѣ, въ супружескихъ отношеніяхъ есть какая-либо нечистота, предосудительность, грѣховность въ очахъ Церкви, благословляющей бракъ. Какъ-то въ полемикѣ указывалось на воздержаніе отъ супружескихъ отношеній передъ праздничнымъ посѣщеніемъ храма, какъ на признакъ сознанія грѣховности и нечистоты этихъ отношеній. Но, вѣдь, и отъ пищи полагается или практикуется такое-же воздержаніе, а отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы ѣсть почиталось грѣхомъ и скверною. Приходится заключить, что и въ „церковномъ обществѣ“, если уже и употреблять такое наименованіе, вовсе не существуетъ сознанія грѣховности брачныхъ отношеній, нечистоты ихъ и осужденія ихъ. Церковью, которая, противорѣча самой себѣ, только допускаетъ ихъ Такой поклепъ на Церковь можетъ принадлежать только какой-нибудь кучкѣ людей, только какимъ-нибудь X, Y и Z, которыхъ гг. Розановъ и У—скій не называютъ и съ которыми только и подобало бы вступать въ полемику. Какъ-же полемизировать съ ними служителю Церкви или всякому ея ревнителю? Разумѣется, не иначе, какъ противупоставляя завѣреніямъ ихъ свидѣтельства самой Церкви, которая не только не хулитъ и не осуждаетъ бракъ, но и всякую хулу на него и всякое его осужденіе открыто и прямо объявляетъ ересью, извергая отъ себя, въ качествѣ еретиковъ, всѣхъ осуждающихъ и хулителей. Поступать иначе Церковь и не могла-бы, какъ благословляющая браки и тайнодѣйственно сообщающая имъ благодать. Но кто-же эти порицатели и уничижители брачныхъ отношеній? Даже и ереси такой въ настоящее время не существуетъ. Подразумѣвать гр. Толстаго и его поклонниковъ тоже не имѣется основаній, ибо они не только не говорятъ отъ лица Церкви, но и прямо отрекаются отъ нея, а потому не могутъ входить даже и въ составъ „церковнаго общества“, ибо обѣими уже ногами стоятъ внѣ церковной ограды. Гг. Розановъ и У—скій борются съ измышленнымъ ими-же самими непріятелемъ. Они привозглашаютъ несуществующій мракъ, чтобы объявиться его выяснителями, но отъ того только содѣйствуютъ распро-

страненію мрака. Г. Розановъ и прот. У—скій стрѣляютъ холостыми, по счастію, зарядами только въ плоды собственнаго своего воображенія. Другаго, яснаго непріятеля найти и наименовать они не могутъ.

Признакомъ уничиженія и осужденія брачныхъ отношеній, какъ чего-то нечистаго, предосудительнаго и грѣховнаго, представляется имъ открытое провозглашеніе превосходства дѣвства. Но, если одно провозглашается превосходнѣйшимъ другого, то развѣ отсюда слѣдуетъ, чтобы это менѣе превосходное почиталось грѣхомъ или нечистью? Примѣръ, и притомъ яркій примѣръ противнаго, представляется тѣми самыми словами апостола, которыя съ другою совершенно цѣлью приводитъ самъ протоіерей У—скій. „Всѣ-ли апостолы? Всѣ-ли пророки? Всѣ-ли чудотворцы? Всѣ-ли говорятъ языками? Ревнуйте о *дарахъ большихъ*, и я покажу вамъ путь еще *превосходнѣйшій*" (1 Кор. XII, 29—31). По логикѣ нашихъ мыслителей, слѣдовало-бы заключить, что апостолъ, признавая возможность бо́льшихъ даровъ и превосходнѣйшаго пути, этимъ самымъ указуетъ на нѣкоторую нечистоту или грѣховность апостольства, пророчества, чудотворенія, говоренія языками и вообще всякаго меньшаго дара, а это было-бы явною хулою на Духа Святаго, какъ источника даровъ. Но такого безумно-кощунственнаго вывода не дѣлалъ, разумѣется, до сего времени не только церковный умъ, но и здравый человѣческій умъ вообще. Въ чемъ именно и въ какомъ отношеніи проявляется и состоитъ въ данномъ случаѣ превосходство? Апостолъ даетъ намъ прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ, объявляя превосходство пророчества надъ говореніемъ языками, ибо говорящій языками назидаетъ самого себя, а пророчествующій назидаетъ Церковь, т.-е. служитъ къ совершенствованію и созиданію Церкви. Превосходство заключается, такимъ образомъ, въ пользѣ, приносимой Церкви, и провѣряется этою пользою. Не въ иномъ чемъ состоитъ и превосходство дѣвства надъ бракомъ, и на это опять-таки прямо указуетъ тотъ-же апостолъ, говоря, что женатый заботится о женѣ, а неженатый заботится о Церкви. Самъ протоіерей У—скій обращаетъ вниманіе на то, что апостолъ Павелъ „первый высказалъ мысль о превосходствѣ дѣвства передъ супружествомъ", что восторженному восхваленію дѣвства имъ посвящена почти цѣлая седьмая глава перваго посланія къ Коринянамъ. Но протоіерей У—скій самъ не обратилъ вниманія на то, что

апостолъ противупоставляетъ дѣвство не физической сторонѣ брака, въ которой только и могъ-бы заключаться какой-либо элементъ грѣховности и нечистоты, а самому браку вообще, въ виду того строя обязанностей и заботъ, и притомъ чисто-нравственныхъ обязанностей и заботъ, которыя изъ него возникаютъ и необходимо стѣсняютъ сторону служенія Церкви, отвлекая отъ этого служенія, стѣсняя свободу личнаго самоопредѣленія. „Мнѣ жаль васъ“, говоритъ апостолъ, „что вы будете имѣть печали, заботы и попеченія, съ которыми нравственно соединена брачная жизнь, что вы не будете имѣть той полноты духовной свободы, которая уполномочиваетъ меня всецѣло отдаваться полнотѣ служенія Церкви, а потому я и хотѣлъ-бы, чтобы вы всѣ были безбрачными, дѣвственниками, какъ я. Но, оговаривается апостолъ, относительно дѣвства я не имѣю повелѣнія отъ Господа“.

Дѣвство не есть „повелѣніе Господне“, нравственное требованіе, предъявляемое ко всѣмъ или хотя-бы и къ избраннымъ, но условіе, соотвѣтствующее, способствующее исполненію инаго нравственнаго требованія подвига, паложеннаго или избираемаго тѣмъ, кто обезпечиваетъ себѣ дѣвствомъ свободу его исполненія. Дѣвство достойно и превосходно не само по себѣ, но по мѣрѣ исполненія тѣхъ задачъ и тѣхъ подвиговъ, для которыхъ оно освобождаетъ. Мы говорили уже, что соблюдающій чистоту свою холостой человѣкъ выше ведущаго блудную жизнь или впадавшаго въ блудодѣяніе, но самъ по себѣ отнюдь не выше, не святѣе и не чище состоящаго въ бракѣ. Но пользующійся дѣвствомъ для всецѣлаго служенія Церкви и ради того именно избравшій свободу отъ брака и всѣхъ его послѣдствій, конечно, является превосходнѣйшимъ, но именно только въ той степени, въ какой дѣвство обезпечило ему свободу его служенія и было средствомъ, избраннымъ имъ для сохраненія этой свободы.

Все вышесказанное легко можно пояснить слѣдующимъ примѣромъ. Предположимъ, что въ настоящее время кто-либо ради любви къ ближнимъ отправился ухаживать за зачумленными. Конечно, онъ не взялъ-бы съ собой ни жены, ни дѣтей, дабы боязнь за нихъ и заботы о нихъ не отвлекали его отъ дѣла, которому онъ временно себя посвятилъ. Живя согласно церковному идеалу, онъ не только пребывалъ-бы во временномъ безбрачіи, но и во временномъ дѣвствѣ, ибо церковный идеалъ отклонялъ-бы возможность всякихъ внѣбрач-

ныхъ отношеній, какъ блудныхъ. Свобода его была-бы тѣмъ не менѣе не совершенно полна, ибо заботы и попеченія объ отдаленной семьѣ отвлекали-бы его и препятствовали-бы ему отдаться избранному дѣлу всею душою. Предположимъ-же, что кто-либо желаетъ предаться сопряженному съ самопожертвованіемъ и самоотреченіемъ дѣлу не на срокъ, а на всю жизнь и притомъ беззавѣтно и всею душою. Можетъ-ли онъ при этомъ искать утѣшенія семейной жизни, принимать на себя семейныя обязанности, вступать въ бракъ, если желаетъ посвятить себя дѣлу всецѣло? Разумѣется,—нѣтъ, ибо женатый заботится о женѣ и т. д. Но разъ онъ обрекаетъ себя на безбрачіе, онъ тѣмъ самымъ обрекаетъ уже себя, какъ христіанинъ, и на дѣвство, ибо всякія внѣбрачныя отношенія, какъ блудъ, съ Христіанствомъ несовмѣстимы.

Какъ условіе, какъ составная часть высшаго самоотреченія и самопожертвованія на пользу всѣхъ, на пользу Церкви, но только какъ таковое, а не само по себѣ, дѣвство является, конечно, выше и совершеннѣе брака. Мысль эта принадлежитъ не намъ; она сама собою вытекаетъ изъ словъ апостола и многократно выражена святоотеческими устами. Мы не затруднимся, когда будетъ нужно, подтвердить ее и подлинными свидѣтельствами Отцовъ Церкви. Подтвержденіемъ ея является и сама практика Церкви. Церковь не проповѣдуетъ монашества, не предлагаетъ безбрачія, а слѣдовательно и дѣвства, мірянамъ, не ставитъ его и условіемъ священства, но почитаетъ цѣлесообразнымъ, чтобы епископъ, какъ олицетвореніе всѣхъ попеченій о Церкви, ему ввѣренной, какъ „средоточіе любви церковной", по словамъ одного писателя, сохранялъ безбрачіемъ полную свободу на ввѣренное ему служеніе.

Протоіерей У—скій завѣряетъ, что это указаніе на превосходство дѣвства передъ супружествомъ ведетъ свое начало только съ апостола Павла, составляетъ только индивидуальное его воззрѣніе и не было отмѣчено и предусмотрѣно Самимъ Іисусомъ Христомъ, т.-е. зародилось въ Церкви позднѣе. „Прочтите, говоритъ онъ, всѣ четыре Евангелія, съ первой страницы до послѣдней, и вы нигдѣ не найдете даже мысли о превосходствѣ дѣвства, *въ нравственномъ отношеніи*, передъ супружествомъ". Мы нарочно подчеркиваемъ слова *въ нравственномъ отношеніи*, ибо они-то и видоизмѣняютъ все дѣло. Въ нравственномъ отношеніи бракъ можетъ быть точно такъ-же святъ,

какъ можетъ быть свято дѣвство. Гдѣ найдете вы указаніе на то, что смиреніе лучше долготерпѣнія или одна христіанская добродѣтель лучше или хуже другой? Безбрачіе и дѣвство превосходны не сами по себѣ, не въ отдѣльномъ ихъ нравственномъ отношеніи, а только, какъ своего рода *гигіена духа*, потребная для высшихъ подвиговъ и высшаго служенія. На такое превосходство, не въ отношеніи къ личной нравственности, а въ отношеніи къ широтѣ, полнотѣ и силѣ служенія Церкви, Христосъ, если и не указываетъ прямо и непосредственно словами, за то прямо указываетъ всѣмъ примѣромъ самой жизни Своей. Полагаю, что никто, не исключая и протоіерея У—скаго и г. Розанова, не можетъ представить себѣ Христа иначе, какъ безбрачнымъ, хотя Онъ всѣмъ, кромѣ грѣха, уподобился намъ, а въ бракѣ ничего грѣховнаго Онъ не видѣлъ. Но въ бракѣ не могла-бы совершаться полнота Его подвижничества. Бракъ и дѣвство сами по себѣ, матеріальною своею стороною, лежатъ внѣ области нравственныхъ отношеній и нравственнаго достоинства, иначе слова: „будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ совершенъ“, налагали-бы на христіанъ обязательное безбрачіе. Бракъ и дѣвство сами по себѣ „ничто“, какъ ничто, напр., идоложертвенное, но они святятся цѣлью, черезъ нихъ достигаемой. Дѣвственникъ Павелъ отнюдь не ставится Церковью выше женатаго и водившаго жену за собою Петра, и это безусловное приравненіе знаменуетъ воззрѣніе Церкви.

Но нельзя утверждать, чтобы Іисусъ Христосъ и словами не указывалъ прямо или косвенно на превосходство дѣвства въ прикладномъ отношеніи, т.-е. въ виду исполненія церковныхъ задачъ. Напутственное слово Его къ семидесяти, отпускаемымъ на благовѣствованіе, уже явно подразумѣваетъ безбрачіе, т.-е. дѣвство для необрѣтающихся въ бракѣ, ибо, если нельзя останавливаться въ виду предстоящаго подвига даже и похоронами отца, то уже, конечно, нельзя связывать себя бракомъ, которымъ налагались-бы обязанности, препятствующія свободному исполненію подвига. Кромѣ того, и приводимыя протоіереемъ У—скимъ слова Спасителя, служащія отвѣтомъ на восклицаніе учениковъ, что въ виду указываемой имъ нерасторжимости брака лучше не жениться, именно и заключаютъ въ себѣ прямое указаніе на превосходство дѣвства, хотя и не для всѣхъ, а для тѣхъ, кому по данной благодати предстоитъ высшій подвигъ. „Не всѣ вмѣщаютъ слово сіе (т.-е., что лучше не жениться), но кому

дано. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ (Мо. 19, 11, 12). (Плоское толкованіе этихъ словъ г. Розановымъ заслуживаетъ улыбки, а не возраженія). „Монахи,—говоритъ протоіерей У—скій,—именно изъ этихъ словъ выводятъ мысль о превосходствѣ дѣвства". Такъ думаютъ не одни только монахи, потому что другаго смысла и не могутъ имѣть эти слова. Выводъ монаховъ безусловно правиленъ, хотя, разумѣется, не всѣ монахи имѣютъ нравственную заслугу въ своемъ, хотя-бы и безукоризненномъ дѣвствѣ, но тѣ только, у которыхъ не осталось оно неиспользованнымъ для высшихъ цѣлей и высшаго служенія.

„Божественный Основатель Новаго Завѣта,—говоритъ протоіерей У—скій...—нигдѣ и никогда прямо и положительно не восхвалялъ дѣвства" Невозможность такого восхваленія строитъ авторъ на слѣдующихъ своихъ разсужденіяхъ: „Новый Завѣтъ основанъ на фундаментѣ Ветхаго Завѣта, и потому не могло быть, чтобы основные и существенные, нравственные и психо-физическіе законы Ветхаго Завѣта были выброшены въ Новомъ Завѣтѣ. Никто никогда не встрѣчалъ такого неразумнаго строителя, который, выстроивши стѣны зданія, сталъ-бы выламывать и выбрасывать весь фундаментъ, въ томъ соображеніи, что вѣдь стѣны поставлены, слѣдовательно, фундаментъ уже не нуженъ". Все это сравненіе не выдерживаетъ никакой критики и никоимъ уже образомъ не уясняетъ отношенія Новаго Завѣта къ Ветхому; совершенно наоборотъ, оно искажаетъ пониманіе этого отношенія. Никто, разумѣется, никогда не выламывалъ стараго фундамента изъ подъ построеннаго на немъ новаго зданія по той простой причинѣ, что тогда рухнула-бы и вся постройка, но мудрый зодчій никогда и не воздвигалъ новаго обширнаго и совершеннаго зданія на фундаментѣ стараго, менѣе обширнаго и несовершеннаго, ибо тогда и новое зданіе обречено было-бы на неполноту и несовершенство. Для сооруженія новаго совершеннаго и превышающаго величіемъ и размѣрами зданія необходимъ прежде всего обширнѣйшій, совершеннѣйшій по глубинѣ и незыблемости фундаментъ. Пусть новое зданіе сохраняетъ и основныя очертанія, и идеальный смыслъ, и всѣ достоинства стараго; оно необходимо должно быть все построено вновь, ибо иначе не можетъ быть полнымъ и совершеннымъ. Никто не вливаетъ вина новаго въ мѣхи старые. Новый Завѣтъ, отнюдь не являясь надстройкою надъ Ветхимъ, до-

полненіемъ къ Ветхому, заключаетъ въ своей полнотѣ, объемлетъ своею полнотою и все неполное и несовершенное содержаніе Ветхаго, но уже въ новомъ и совершенномъ видѣ. Въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ уже ничего ветхаго; все Христіанство, вся Церковь, весь нравственный строй Новаго Завѣта—новое зданіе, „новая тварь". Какъ мудрый зодчій, Христосъ именно и воздвигъ новое зданіе на новомъ, а не на старомъ основаніи, и Самъ указалъ на это условіе своего зодчества. „Ты еси Петръ (т.-е. камень) и на самомъ камени созижду Церковь мою".

Въ чемъ-же противорѣчило-бы восхваленіе дѣвства основнымъ и существеннымъ нравственнымъ законамъ Ветхаго Завѣта? Протоіерей У—скій усматриваетъ это противорѣчіе въ томъ, что Основатель Новаго Завѣта есть то самое Слово Божіе, Которое положило законъ размноженія и провѣщало: плодитесь и множитесь и населяйте землю. Но вѣдь это „плодитесь и множитесь", обращенное къ твари вообще, замыкающее, такъ сказать, собою актъ творенія, въ равной степени относится къ звѣрю, амфибіи, червяку, растительной былинкѣ и человѣку, и до сихъ поръ никѣмъ еще не было принимаемо за *нравственный законъ*, изъ котораго вытекала-бы обязанность для человѣка плодиться и множиться. Если-бы на человѣка возложена была нравственная обязанность плодиться и множиться, то въ такомъ случаѣ восхваленіе дѣвства являлось-бы противорѣчіемъ, ибо тогда дѣвство являлось-бы нарушеніемъ нравственнаго закона, грѣхомъ и преступленіемъ. Все, созданное Богомъ,—чисто, какъ и было сказано Петру въ видѣніи, но отсюда слѣдуетъ только то, что нельзя гнушаться въ выборѣ пищи, различать въ ней чистое и нечистое, и отнюдь не слѣдуетъ еще то, что человѣкъ нравственно обязанъ вкушать все. Такъ и благословеніе размноженія воспрещаетъ только гнушаться бракомъ, что и воспрещаетъ Церковь, а отнюдь еще не требуетъ обязательнаго вступленія въ бракъ, когда иныя, высшія цѣли являются тому препоной. Протоіерей У—скій, а равно и В. В. Розановъ смѣшиваютъ одобряемый наравнѣ со всѣмъ твореніемъ и наравнѣ со всѣми положенными всему созданному естественными законами (какъ, напр , съ закономъ тяготѣнія, инерціи и т. п.), *физическій* законъ (размноженія) съ законами *нравственными*, законами личной воли и самоопредѣленія, всегда опредѣляющими не то, *что есть* или *можетъ быть*, а то, что *должно быть*, хотя и мо-

жетъ не быть, и всегда выражающимся въ формѣ категорическаго императива. Ни размноженіе, ни дѣвство не являются такими категорическими императивами или нравственными законами, а потому и бракъ, и дѣвство могутъ быть равно благословляемы и восхваляемы. Никакого противорѣчія въ совмѣстности благословенія нѣтъ и не можетъ быть.

Г. Розановъ говоритъ, что „Церковь двоится въ идеалѣ, если мы не сольемъ монашества съ бракомъ или бракъ съ монашествомъ". „Церковь,—говоритъ онъ,—двоится при этой точкѣ зрѣнія, и подъ покровомъ одной (вѣроятно, Церкви-же) въ темныхъ и бѣлыхъ ризахъ духовенства мы имѣли-бы или имѣемъ два и притомъ противуположныхъ упованія, спайку двухъ Церквей: „бѣлаго поклоненія" „Свѣтлому лику" и „темнаго поклоненія" такому „Темному лику", суть коего, въ противуположность Богу Елогиму (Бытіе I), есть заповѣданіе „не раститеся, не множитеся". Но вмѣсто всего этого, довольно кощунственнаго набора громкихъ словъ лучше-бы не упускать изъ вида того, что Церковь, благословляя дѣвство, благословляетъ и бракъ, воспрещая усматривать въ физической сторонѣ его что-либо грѣховное и нечистое. Никакого раздвоенія идеаловъ не существуетъ, ибо ни дѣвство, ни бракъ не составляютъ сами по себѣ нравственнаго идеала и нравственнаго добра, но являются только *условіями* къ ихъ осуществленію. Нравственный и религіозный идеалъ безусловно тожественъ, какъ для дѣвственниковъ, такъ и для состоящихъ въ бракѣ, но *условія* и *средства* къ осуществленію этого идеала различествуютъ и могутъ являться неравномѣрными. Что болѣе содѣйствуетъ осуществленію въ жизни нравственнаго идеала? Для одного дѣвство, а для другаго бракъ, ибо „дары различны, а Духъ одинъ, и служенія различны, а Духъ одинъ". Сомнѣваться въ томъ, что въ бракѣ сообщается „даръ" и притомъ „даръ Духа Святаго" невозможно уже потому, что бракъ есть таинство, что такимъ дѣлаетъ его Церковь, воспрещающая смотрѣть и на физическую его сторону, какъ на что-либо грѣховное и нечистое. А гдѣ есть даръ, тамъ есть и служеніе, ибо всякій даръ не всуе дается, а именно на служеніе. Но для всецѣлаго, высшаго служенія Церкви дѣвство безспорно является предпочтительнымъ, превосходнѣйшимъ, какъ отвлекающее отъ обязательныхъ, становящихся обязательными „житей-

скихъ попеченій", которыми стѣснялась-бы свобода личнаго самоопредѣленія.

Зиждущееся на невѣдѣніи личное свое измышленіе г. Розановъ и протоіерей У—скій приписываютъ, хотя и не въ равной степени, Церкви и ставятъ въ вину ей. Г. Розановъ, какъ болѣе свободный, свободный даже и въ изложеніи библейскихъ фактовъ, прямо говоритъ, что Церковь раздвоилась. Протоіерей У—скій, какъ менѣе свободный, указуетъ на неправоту только въ сознаніи русскаго „церковнаго общества", но онъ опредѣляетъ и путь, которымъ исподволь проникла въ сознаніе эта неправота. Односторонній взглядъ греческаго міра, пораженнаго новизною идеи дѣвства (какъ будто не поражались ею также іерусалимскіе Евреи, Сирійцы, Африканцы, Римляне, Армяне и пр. и пр.!), византизмъ, преобладаніе иноческихъ элементовъ въ выработкѣ богослуженія и во всемъ строѣ исповѣдующихъ Церковь пѣснопѣній, въ сложеніи догматики только монахами и т. д. Такимъ образомъ явствуетъ, что, и по его мнѣнію, неправота проникла въ „сознаніе церковнаго общества" изъ Церкви-же, въ силу неполноты и несовершенства ея развитія въ силу какого-то наслоенія, якобы въ ней происшедшаго. Виноватою въ концѣ-концовъ оказывается опять та-же Церковь, которая, очевидно, развилась не такъ, какъ ей подобало-бы развиться, и включила въ себя элементы и представленія, которые ей не слѣдовало-бы включать. Надо было написать много страницъ, чтобы выставить полную несостоятельность всѣхъ этихъ доводовъ отца протоіерея.

На одномъ изъ такихъ доводовъ не можемъ, однако, не остановиться, преимущественно для того, чтобы показать до чего, т.-е. до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ неразумія, можетъ довести надменно-критическое отношеніе къ Церкви. Апоѳеозомъ неправоты „религіознаго сознанія Грековъ", апогеемъ ложнаго строительства „жестокосердыхъ поклонниковъ дѣвства" выставляетъ протоіерей У—скій то обстоятельство, что Церковь усердно чтитъ преподобную Марію Египетскую и не вѣдаетъ даже по именамъ тѣхъ двухъ святыхъ замужнихъ женщинъ, относительно которыхъ свидѣтельствуетъ Макарій Египетскій. „Память преподобной Маріи Египетской положено ежегодно праздновать 1-го апрѣля. Кромѣ сего, воспоминанію ея посвящается пятое воскресенье Великаго поста. Сверхъ того, въ честь ея поются *запѣвы и читаются тропари* (?) въ великомъ покаянномъ

канонѣ Андрея Критскаго въ первые четыре дня первой недѣли и въ четвертокъ пятой недѣли Великаго поста, при чемъ въ послѣдній изъ названныхъ дней положено читать и житіе ея". Странно слышать все это изъ устъ человѣка, которому православное богослуженіе по содержанію своему обязательно должно быть знакомымъ. Вѣдь, чествуется во всѣхъ указанныхъ случаяхъ не безбрачіе и не дѣвство преподобной, а только великій подвигъ ея покаянія или, точнѣе, пучина великаго милосердія Божія, воздвигшая равноапостольную изъ блудницы. Постъ, какъ „покаянія время", неразрывно связанъ съ помяновеніемъ образцовъ и подвижниковъ покаянія. Наряду съ блуднымъ сыномъ, мытаремъ, разбойникомъ, воспоминается и возвеличенная покаяніемъ блудница. Главный элементъ великопостнаго богослуженія и составляетъ именно повѣсть покаянія человѣческаго и всепрощающаго милосердія Божія. Какое-же отношеніе имѣетъ все это къ дѣвству и безбрачію? Если нѣтъ въ сонмѣ исчисляемыхъ святыхъ тѣхъ двухъ замужнихъ женщинъ, о которыхъ говоритъ Макарій Египетскій, то изъ этого тоже принципіально ничего не вытекаетъ. Добродѣтели ихъ, ярко сіявшія въ нѣдрахъ семьи, могли пребывать незримыми для Церкви, которой и сами имена ихъ остались невѣдомы. Но развѣ Церковь не видитъ одинаково въ ликѣ святыхъ, какъ безбрачныхъ, такъ и пребывавшихъ въ бракѣ? Каждою литургіею, обильно приносящею дань поклоненія Пресвятой Дѣвѣ, чествуется и память брачной четы, виновниковъ ея существованія. Въ одинъ и тотъ-же день съ полною одинаковостью чтитъ Церковь и великаго дѣвственника Павла, и столь-же великаго Петра, водившаго за собою жену свою. Въ одинъ и тотъ-же день 17 сентября празднуетъ Церковь и память трехъ дѣвъ-мучепицъ — Вѣры, Надежды и Любви, и память замужней женщины — матери ихъ, самое имя которой—Премудрость. Съ какимъ благоговѣйнымъ стараніемъ описываетъ дѣвственникъ Григорій Богословъ великія добродѣтели отца своего и матери! Пребывавшихъ въ бракѣ святыхъ, признанныхъ Церковью, вовсе не мало. Если-же число монашествующихъ святыхъ и окажется бо́льшимъ, то это объясняется очень просто. Церковь никогда не почитала себя ни обязанною, ни даже способною исчислить легіоны святыхъ Божіихъ. Она отличала только тѣхъ, которые прославлялись, отличались въ ней своей жизнью, стойкостью исповѣданія или мученическимъ вѣнцомъ,—словомъ, такъ или иначе не укрывались отъ зем-

ныхъ очей ея. Наимепѣе укрываться, какъ свѣтильники, стоящіе на горѣ, могли, конечно, подвизавшіеся на высшемъ служеніи Церкви, предававшіеся служенію Церкви всецѣло, т.-е. въ полной отрѣшенности отъ всѣхъ попеченій житейскихъ, а таковыми являлись именно дѣвственники или безбрачные.

Послѣдствіемъ наслоенія и неправоты церковной почитаетъ протоіерей У—скій и то обстоятельство, что нѣтъ спеціальной этики для мірянъ. „Ни греческій, ни русскій православный міръ не дали ни одного спеціальнаго руководства ко спасенію въ семейной, супружеской жизни, такъ что и нынѣ, какъ и полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, если православный мірянинъ задумаетъ о спасеніи, то ему придется самолично прорубать дорогу къ спасенію, пользуясь для сего лишь отрывочными элементами изъ указаній, заключенныхъ въ аскетическихъ писаніяхъ, спеціально приноровленныхъ къ жизни дѣвственниковъ". Въ этихъ словахъ заключается опять весьма грубое заблужденіе. Спеціальной этики для мірянъ нѣтъ и не можетъ быть, какъ нѣтъ и не можетъ быть спеціальной этики для монаховъ, ибо одинъ только указуемый Христомъ нравственный идеалъ и одно общее для всѣхъ нравственное совершенство, къ коему одинаково всѣмъ подобаетъ стремиться: „Будьте совершенны, какъ Отецъ Мой совершенъ". Аскетика—не этика, не нравственность, а только сводъ облегчающихъ нравственную задачу условій, своего рода *техника нравственности* и притомъ техника непремѣнно односторонняя, такъ какъ она примѣнима только подъ условіемъ отрѣшенія отъ многообразія требованій мірской жизни; для жизни-же въ условіяхъ мірскаго многообразія нѣтъ и не можетъ быть однообразной техники при полномъ тождествѣ нравственной задачи и нравственнаго подвига. Путь ко спасенію одинъ, и не можетъ быть разныхъ путей, но можно различнымъ образомъ совершать этотъ путь. Продположимъ, что цѣлью пути, видомъ нравственнаго, жизненнаго подвига является достиженіе какой-либо горной вершины. Одинъ направляется въ этотъ путь въ экипажѣ. Другой хочетъ слѣдовать его примѣру, но ему говорятъ: „экипажъ обременитъ васъ, верхомъ вы вѣрнѣе и легче достигнете цѣли; отрѣшитесь отъ экипажа". И, внимая благоразумному совѣту, этотъ другой верхомъ начинаетъ пробираться на горную кручу. „Нѣтъ, говорятъ третьему, лошадь можетъ сорваться и увлечь васъ съ собою въ пропасть; верхомъ вамъ трудно будетъ приноровляться къ изги-

бамъ и неровностямъ горной тропы. Бросьте лошадь и идите пѣшкомъ, не обременяйте себя никакой тяжестью, никакой ношей, такъ всего вѣрнѣе взберетесь вы на вершину". И вотъ, всѣ трое направились въ путь. Конечно, можетъ случиться, что поскользнется и пѣшеходъ или ослабнетъ и остановится на половинѣ дороги или даже вернется назадъ и останется, какъ и былъ, подъ горою. То-же можетъ случиться и съ ѣдущимъ въ экипажѣ и съ вершникомъ. Кто изъ нихъ достигнетъ вершины или поднимется выше, рѣшить и предсказать невозможно, ибо исходъ странствія зависитъ не только отъ условій, которыми они странствіе свое заранѣе обставятъ, но еще болѣе и отъ личнаго ихъ напряженія и стойкости. Но предположимъ, что всѣ трое взобрались на вершину или достигли одинаковой высоты. Кто изъ нихъ совершеннѣе? Кто имѣетъ большую заслугу? Разумѣется, никто, ибо всѣ трое совершили одинаковый подвигъ, достигли той-же высоты, хотя и при различіи заранѣе избранныхъ условій и обстановки. Соблюденіе той или иной обстановки для совершенія по существу вполнѣ незавпсимаго отъ нихъ нравственнаго подвига само по себѣ не составляетъ еще ни заслуги, ни добродѣтели. Изнуреніе плоти, отрѣшеніе отъ собственной воли, послушаніе, нестяжаніе, безбрачіе или дѣвство и всѣ остальные аскетическіе пріемы составляютъ только *обстановку,* совокупность условій, обезпечивающихъ свободу совершенія подвига любви, но не самый еще подвигъ, не проявленіе „вѣры, дѣйствующей любовью", но только подспорье къ ея проявленію. И если я твердо исполняю всѣ условія означенной выше обстановки нравственнаго подвига, неуклонно соблюдая вѣрность означеннымъ выше подспорьямъ, но не совершаю самого нравственнаго подвига, для котораго все это является только обстановкою и подспоріемъ, т.-е. *любви не имѣю,* любовью не дѣйствую къ проявленію моей вѣры, то я есмь, по слову апостола, только мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій, т.-е. нравственное ничто. Точно такъ-же и пребывая въ бракѣ, но не совершая именно при помощи брака того-же подвига любви въ широкомъ значеніи слова, не пользуясь нравственными элементами брака для осуществленія нравственной задачи, я пребываю тѣмъ кимваломъ бряцающимъ и тою-же мѣдью звенящей, т.-е. такимъ-же точно нравственнымъ ничтожествомъ.

„Свято дѣвство, честенъ бракъ и ложе не скверно". Таково истинное исповѣданіе Церкви. Въ этомъ отношеніи тщетно измыш-

лять какія-бы-то ни было противорѣчія, въ дѣйствительности не существующія, ибо бракъ и дѣвство честны и святы не сами по себѣ, а какъ средство для достиженія тѣхъ-же нравственныхъ цѣлей. Избирающій дѣвство, не для себя избираетъ, но для Церкви, ради свободнаго и безпреградnаго служенія ей. И вступающій въ бракъ, не для себя только вступаетъ въ бракъ, но для Церкви, для служенія ей. Какъ и какимъ образомъ? Да очень ясно—какимъ. Прежде всего, бракъ есть союзъ взаимоосвященія, ибо если мужъ невѣрующій освящается женою вѣрующею, и наоборотъ, то и дѣйствующая любовью вѣра каждаго изъ супруговъ крѣпится, освящается и растетъ во взаимодѣйствіи, взаимосовершенствованіи брачнаго союза.

А плодомъ, послѣдствіемъ брачнаго союза является еще возникновеніе одной, или нѣсколькихъ новыхъ душъ, которыя изъ семьи и духомъ семьи должны освящены быть для Церкви и которымъ Церковь, вся Церковь черезъ крещеніе даруетъ свою благодать. Но плодоносенъ-ли, или безплоденъ бракъ христіанскій, все-же соединяются имъ двое или трое во имя Христа, и Христосъ посреди нихъ. А гдѣ Христосъ, тамъ и Церковь. Оттого-то семья и является первою ячейкою Церкви, „домашнею Церковью“, говоря языкомъ Новаго Завѣта, т.-е. такимъ церковнымъ союзомъ, ближайшею областью котораго является „домъ“ (familia), какъ то, или другое территоріальное дѣленіе является областью „мѣстной Церкви“.

Свято дѣвство, святъ и бракъ. Брачная повинность, о которой мечтаетъ г. *Розановъ*, обязательность брака въ лонѣ Церкви являлась-бы такимъ-же точно абсурдомъ, какъ и обязательность дѣвства. Церковь не налагаетъ обязательныхъ формъ.

Вотъ все, что почли мы долгомъ сказать по поводу праздно-фельетонныхъ разсужденій о бракѣ и дѣвствѣ. Подкрѣпить все сказанное нами оправдательными документами, цитатами, которыхъ такъ боится и къ которымъ проявляетъ такую вражду *В. В. Розановъ*, мы еще успѣемъ. Книги мы, пожалуй, будемъ брать и съ полокъ библіотеки, которыя осуждаетъ г. *Розановъ*, какъ осуждалъ и Омаръ, но книги эти будутъ святоотеческія, и взглядъ, ими проводимый—взглядомъ Церкви, а не библіотеки. Впрочемъ, если неприличная оргія „на мѣстѣ святѣ“ прекратится, то лучше и пристойнѣе намъ будетъ и не возвращаться къ нимъ и не напоминать о нихъ, предоставляя имъ beneficium perpetui silentii.

XI.

По моей оплошности, статья *Рцы „Безсмертные“ вопросы*, напечатанная въ № 2 „Русскаго Труда“ за 1899 годъ и долженствовавшая въ хронологическомъ порядкѣ занять мѣсто впереди первыхъ возраженій о. протоіерея *У—скаго* и *Мірянина*, была пропущена и вставляется сюда. А она, между тѣмъ, касается весьма центральнаго мѣста нашего спора. За это упущеніе извиняюсь и передъ авторомъ, и передъ читателями.

„Безсмертные“ вопросы.

(Письмо къ С. Ѳ. Шарапову.)

Хорошій вкусъ фотографа и вѣрность его глаза познаются въ умѣніи опредѣлить *центральный* пунктъ ландшафта.

На этотъ именно пунктъ и нужно навести фокусъ. Тогда вы получите хорошій снимокъ.

„Centrez toujours le centre“—вотъ правило.

(Изъ французскаго руководства для фотографовъ-любителей).

Въ № 52 „Русскаго Труда“ за прошлый годъ Вамъ угодно было, между прочимъ, напечатать:

„Въ прошломъ (т.-е. по настоящему времени *позапрошломъ*, 1897 году) *Рцы* напечаталъ у меня статейку „Бракъ и святые отцы“... Онъ задавалъ вопросъ: почему въ Церкви есть такія чудныя молитвы и такъ любовно разработанъ ритуалъ всѣхъ таинствъ, *кромѣ брака*, гдѣ все дышетъ Ветхимъ Завѣтомъ“?

На это мое позапрошлогоднее недоумѣніе Вы даете *свой* отвѣтъ. Можетъ быть, предложенное объясненіе вполнѣ вѣрно, но во всякомъ случаѣ оно не единственно возможное. Я много размышлялъ въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ на затронутую тему, и мнѣ кажется, что тутъ допустимы и другія точки зрѣнія...

Но я не знаю, будетъ-ли мнѣ вообще дозволено вернуться къ названной темѣ? Вопросы, о коихъ идетъ рѣчь, повидимому, возбуждаютъ въ Васъ отвращеніе. Вы сами на себя досадуете, что по нѣкоторому недосмотру, допустили на страницы Вашей газеты рядъ статей, которыя въ сущности являются продуктомъ „высшей порно-

графіи"... Нужно-ли, возможно-ли допустить вторично сдѣлашую ошибку?

Чѣмъ недоступнѣе (?) становится для меня типографскій станокъ вообще, чѣмъ менѣе и менѣе оказывается мнѣ возможнымъ высказывать печатно свои мысли *о чемъ-бы то ни было*, тѣмъ основательнѣе мои страхи передъ темою, которая *завѣдомо* находится подъ подозрѣніемъ. Стоитъ-ли браться за перо, чтобы почти *навѣрное* увидать написанное въ редакціонной корзинѣ?

Рѣшаюсь, однако, подбодрить себя вотъ какимъ воспоминаніемъ.

Съ мѣсяцъ тому назадъ я былъ въ знаменитой „Gemäldegalerie" въ Дрезденѣ. Въ Рембрандтовской залѣ я съ восхищеніемъ остановился передъ картиной, которая (сколько знаю) не пользуется въ публикѣ такою извѣстностью, какъ нѣкоторые другіе chefs d'oeuvr'ы Рембрандта, какъ напр., рядомъ, въ той-же галлереѣ находящееся и по репродукціямъ всѣмъ, вѣроятно, памятное изображеніе геніальнаго мастера съ женою своею *Саскіей* на колѣняхъ и др. Картина, о которой я говорю, обозначена въ нѣмецкомъ каталогѣ, который былъ тогда у меня въ рукахъ, слѣдующимъ образомъ:

„№ 1563. Das Opfer Manoah's und seines Weibs" — *жертвоприношеніе Маноя и его жены.*

Кто такой Маной? О какомъ жертвоприношеніи идетъ рѣчь?

Каюсь, въ ту минуту рѣшительно выпало изъ головы. Вижу, что сюжетъ взятъ изъ Ветхаго Завѣта, но далѣе этого ничего не могу припомнить...

Вблизи горящаго жертвеннаго костра старикъ, Еврей, конечно, преклонивъ одно колѣно и, сложа руки, молится. Глаза *закрыты*, и это придаетъ какой-то особый характеръ молитвенному выраженію лица и всей позѣ молящагося... Мнѣ какъ-то невольно приходитъ на память покойный преосвященный Одесскій *Никаноръ*. Какъ сейчасъ вижу его выходящимъ изъ царскихъ вратъ съ трикиріемъ въ одной рукѣ и дикиріемъ въ другой: „Благодать Господа нашего Іисуса Христа" и т. д. При этомъ онъ полу-закрывалъ глаза и получалось что-то *мистически-страшное*: человѣкъ *видитъ* „херувимовъ, тайно образующихъ"... Это мы—грубая, косная плоть — ничего не различаемъ въ спиевѣ кадильнаго дыма, но онъ *видитъ*, онъ ослѣпленъ; наконецъ, онъ самъ приходитъ въ ужасъ отъ этой близости къ реально разверзшемуся надъ нимъ небу, и эти полу-закрытые глаза, это

особое выраженіе въ лицѣ, когда глаза полузакрыты, обнаруживаютъ внутреннее состояніе его души... Такъ приблизительно молится Маной. Кажется, видишь движеніе его губъ, слышится характерный речитативъ еврейской молитвы... Судя по положенію тѣла, онъ долженъ былъ слегка раскачиваться... Рядомъ, тоже на колѣняхъ, женщина немолодая, однако, и не старая; нельзя сказать, чтобы прекрасная,— какъ всѣ вообще женщины у Рембрандта, но на нее пріятно смотрѣть, пріятно даже вглядываться, хочется даже, когда уже отошелъ отъ картины, вернуться и еще разъ посмотрѣть. Въ глазахъ, въ глазахъ то у нея что? Она такъ низко, низко опустила ихъ долу... Стыдно-ли ей? Чего? Грѣхъ-ли на душѣ? Какой? А тамъ, въ углу картины, гдѣ, по обыкновенію, у Рембрандта темно, почти вовсе ничего не видать, поднимается, какъ-бы вылетая изъ горящаго костра, ангелъ... Нѣтъ, не ангелъ, не ребенокъ, какъ мы привыкли видѣть, съ крылышками, а довольно-таки солидный господинъ, въ какомъ-то широкомъ плащѣ... Господи! *Что такое Маной?* Только вернувшись изъ заграничнаго путешествія домой, я нашелъ отвѣтъ въ „Книгѣ Судей Израилевыхъ“: „Въ то время былъ человѣкъ изъ Цары, отъ племени Данова, именемъ Маной, жена его была неплодна и не рождала...“

Вы догадываетесь, припомнили, что сюжетъ картины *родственно-близокъ* къ тѣмъ вопросамъ, которые „къ досадѣ Вашей“, почти противъ воли Вашей дебатируются у Васъ послѣднее время?.. Такимъ образомъ, и Рембрандтъ объ *этомъ* думалъ, и онъ посвятилъ *этому* вдохновеніе геніальной кисти... Возможно-ли послѣ этого не согласиться съ прот. А. У—скимъ, полагающимъ (см. № 50—51 „Русскаго Труда“), что вопросы указанной категоріи „безсмертны“, не умирающи?

Во всякомъ случаѣ, не стыдно, мнѣ кажется, очутиться въ компаніи Рембрандта, думать, о чемъ и онъ думалъ, пытаться углубиться въ предметъ, который онъ не считалъ недостойнымъ трактовать въ величайшихъ произведеніяхъ искусства...

И такъ, въ чемъ дѣло?

Сближеніе половъ *свято* или *мерзость*?—Такъ, кажется, поставленъ вопросъ въ рядѣ статей, которыя въ концѣ концовъ возбудили въ Васъ досаду.

Лично Вы, повидимому, склоняетесь къ опредѣленію—*мерзость*.

Вы идете даже, кажется, далѣе, признавая за несомнѣнное, что самое грѣхопаденіе Адама заключается не въ иномъ чемъ, какъ именно въ помянутой *мерзости*. Въ данномъ случаѣ Вы сходитесь съ Пушкинымъ, который ту-же мысль, хотя и въ игривой формѣ, высказалъ весьма категорично *).

Врядъ-ли однако такъ. Пушкинъ могъ выразить общераспространенное вѣрованіе своего времени, или своего круга, но это еще ничего не доказываетъ. Обращаясь къ историкамъ, болѣе въ данномъ случаѣ авторитетнымъ, мы врядъ-ли найдемъ что-нибудь похожее на Ваше утвержденіе, по крайней мѣрѣ, въ такой категорической формѣ. Крайне желательно было-бы услышать по этому поводу голосъ вполнѣ *компетентный*.

Впрочемъ, намъ нѣтъ надобности связывать себя указаннымъ сомнѣніемъ и, оставаясь неподвижно на одной точкѣ, ждать вразумительнаго разъясненія со стороны. Попробуемъ пойти далѣе, оставивъ до времени открытымъ вопросъ о сущности грѣхопаденія „первозданнаго“ человѣка.

Во всякомъ случаѣ Вы не отступитесь отъ мнѣнія, что „*союзъ тѣлъ*—совершенно опредѣленный *грѣхъ*“. Это Ваши подлинныя слова. Такъ какъ Вамъ угодно было сослаться на *одно мѣсто* моей статьи („Бракъ и святые Отцы“), то, можетъ быть, Вы соблаговолите припомнить и другія мѣста. Именно, я выдвинулъ, подчеркнулъ крайнюю враждебность нѣкоторыхъ св. Отцовъ (преимущественно западныхъ), къ „союзу тѣлъ“, но, опираясь на не менѣе авторитетныя свидѣтельства (преимущество восточныхъ), смотрящихъ болѣе благосклонно на бракъ и все, что въ немъ, я позволилъ себѣ *лишь слегка намекнуть* на возможность вопроса: нѣтъ-ли какой *односторонности* въ нашемъ пониманіи христіанства? Побѣда *исключительнаго* аскетизма надъ болѣе гармоническимъ, болѣе широкимъ міровоззрѣніемъ не будетъ-ли когда-нибудь признана лишь *временнымъ* торжествомъ не Истины, а партіи, притомъ къ очевидному ущербу именно для того дѣла, ради котораго старались въ свое время побѣдить?

Въ настоящее время протоіерей *А. У—скій* (никогда, конечно, меня не читавшій) прямо *отчеканиваетъ* то, что у меня было выска-

*) . . . . . .
За что изъ Эдема
Былъ выгнанъ Адамъ.

зано, какъ эскизный намекъ: „христіанская догматика создана *монахами*“, т.-е. выражаетъ не полноту Истины, а только часть ея... Съ другой стороны, мы слышимъ не менѣе рѣзко отчеканенную мысль: „христіанство не удалось“. Но развѣ могло удаться, разъ приведена въ дѣйствіе, воплощена въ жизнь не *полнота* Истины, а какой-то обрывокъ, часть ея, притомъ даже, можетъ быть, не главнѣйшая?

Весь этотъ ходъ мысли какъ-будто прошелъ мимо Васъ, хотя все это печаталось у Васъ передъ глазами... Вы какъ будто не догадываетесь, что русская мысль подступила къ очень, очень крупной проблемѣ...

Вотъ почему, я никакъ и не могу удовлетвориться Вашимъ отвѣтомъ на позапрошлогоднее мое недоумѣніе: почему въ Церкви есть такія чудныя молитвы и такъ любовно разработанъ, какъ Вы передаете своими словами мою мысль, ритуалъ всѣхъ таинствъ, *кромѣ брака*, гдѣ все дышитъ Ветхимъ Завѣтомъ? А Вы отвѣчаете: „да потому, что Новый Завѣтъ только *снисходитъ* къ немощи человѣческой и благословляетъ *союзъ душъ*, а неизбѣжный при немъ союзъ тѣлъ *прощаетъ*, какъ совершенно опредѣленный *грѣхъ*“.

Значитъ Вы не допускаете, даже какъ *вопросъ*, вотъ эту, категорически въ письмѣ протоіерея А. У—скаго высказанную мысль, что „христіанская догматика создана *монахами*“? Даже безъ критики, безъ разбора необходимо, по-Вашему, откинуть, какъ очевидную нелѣпость, всѣ соображенія относительно нѣкоторой *односторонности* въ пониманіи нами христіанства?

Ну, а что, если-бы христіанская догматика была создана не исключительно представителями аскетическаго направленія, но и „мірскаго“, женатыми, семейными, явившимися, положимъ, на соборъ со знаменемъ въ рукахъ, на которомъ-бы красовались слова Апостола: „*домашняя Церковь*“—что тогда? Все-таки „мерзость“ такъ и осталась-бы „мерзостью“, грѣхъ грѣхомъ?

Но, позвольте. Самое это ходячее выраженіе, унаслѣдованное отъ блаж. Іеронима и его единомышленниковъ: *мерзость* и усилія, которыя мы сейчасъ наблюдаемъ противупоставить этому опредѣленію: *святость*—могутъ-ли они быть приложены къ понятію, которое по существу не мерзко, и не свято, но исключительно *физіологично*?

Позвольте отъ брака обратиться къ другому таинству.

Чтобы жить, нужно питаться элементами вещественныхъ стихій.

Чтобы жить *вѣчно*, нужно еще *питаться Богомъ*. „Царь-бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ“... Спрашиваетъ-ли, однако, кто: *какъ мы съѣдаемъ Бога? Какъ мы перевариваемъ Бога?* Неужели мы осмѣлимся ставить здѣсь вопросы физіологіи? А вѣдь актъ причащенія не только мистическій, но и *обязательно физіологическій*. Нужно питаться Богомъ, чтобы жить—вотъ *центръ* дѣла, а все остальное подробности, *моментъ*, пусть, физіологически говоря, *существенно* необходимый, но все-таки моментъ, нѣчто побочное, а никакъ не главное.

Сообразите теперь: не сказалъ-ли я болѣе, чѣмъ сколько требуется, чтобы устранить забавное (хотя, какъ видимъ, вѣка длящееся) недоразумѣніе относительно „великой тайны брака“? Неужели, сразу понявъ нелѣпость въ одномъ случаѣ, въ другомъ мы будемъ упрямо настаивать на квалификаціи: „мерзко“, „свято“ по отношенію къ чисто *физіологическому орудію* таинства? Безъ этого орудія таинство невозможно, невозможно чадородіе, невозможна семья, невозможна „домашняя Церковь“, и все-таки, не оно, не это орудіе, не его дѣйствіе—*центръ* дѣла. Въ чемъ-же *центръ*?

Мнѣ кажется, что лучшій способъ избѣжать паденія, это ухватиться руками за неподвижный предметъ.

Вотъ твердыня, которая не поколеблется, это—слово Апостола: *Женщина спасется чадородіемъ.*

Что это значитъ? Какъ понять? Неужели можно приблизить къ этому глаголу игривую мысль, пусть она и высказана волшебникомъ, чудомъ нашей исторіи:

Хвалю, мой другъ, ея охоту,
Поотдохнувъ, рожать дѣтей,
Сію пріятную заботу etc, etc.

Итакъ, „пріятность“, отъ которой не откажется ни m-lle Отеро, ни m-lle Иветъ Гильберъ, это и есть путь *спасенія?* Или нужно такъ понять, что есть въ чадородіи и болѣзнь, и трудъ, и подвигъ, можетъ быть, даже *великій подвигъ*? Какой? Зачѣмъ мнѣ говорить то, чего не видѣли *Ваши* глаза, къ чему Вамъ говорить о томъ, чего не знаютъ *мои?* У всякаго *своя* радость, *своя* печаль, *свой* крестъ, *свое* терпѣніе, *свой* подвигъ, если есть подвигъ, а то одна „пріят-

ность“ и „съ полнымъ комфортомъ“, какъ говаривалъ Достоевскій, но опять-таки на *свой* образецъ...

Для меня до очевидности ясно, что въ таинствѣ брака *центръ* тяжести не въ половомъ актѣ, какъ не въ процессѣ пищеваренія центральная суть таинства Евхаристіи. Позволь только *моменту* занять мѣсто *центра*, и съ неизбѣжностью въ одномъ случаѣ дойдешь и до трюфлей, и до культа „освященныхъ зубовъ“ (хотя-бы и вставныхъ), а въ другомъ до m-lle Отеро, при игривомъ настроеніи, или до культа Астарты при углубленно-философическомъ...

Но не менѣе для меня ясно, что и при отрицаніи начисто *момента*, даже какъ момента, какъ подробности, но необходимой, мы вовсе *выпариваемъ* таинство, остаемся при чистомъ „ничто“, скажу сильнѣе: совершаемъ *кощунство*.

Именно такимъ кощунствомъ представляется мнѣ мысль о возможности и желательности сожитія супруговъ, *какъ братъ и сестра*... Хуже, по-моему, всякой Отеро! Какъ лучше-бы я считалъ уже вовсе не говѣть, чѣмъ взять, да и не проглотить таинства изъ-за *чудовищной гордыни*, что я-де *чище* Бога. Онъ не гнушается тѣлесности моей, а меня шокируетъ! *Безуміе гордыни*! Совершенно то-же и въ другомъ таинствѣ: есть аппетитъ—въ добрый часъ, и благодари Бога. Нѣтъ—воздержись, и тоже благодари. Мнѣ *кажется*, что это такъ, мнѣ кажется, что это во всякомъ случаѣ болѣе *просто*, болѣе поэтому *смиренно*, а посему и болѣе *благочестиво*, чѣмъ, простите, какая-то *духоборческая* теорія о „союзѣ душъ“, которую Вы проповѣдуете...

Впрочемъ, еще разъ: извините. Можетъ быть, я чего-нибудь не выразумѣлъ? Вы говорите очень сжато, почти полусловами. Можетъ быть, Вамъ угодно будетъ развить свои мысли? *).

Но ранѣе—вотъ мысль!—не съѣздить-ли Вамъ въ Дрезденъ? Какая бездна геніальности отдана нашей темѣ, какая жизненность въ трактовкѣ вопроса, какая *правда* и сколько подчасъ святой наивности въ выборѣ сюжетовъ, рискованность коихъ доходитъ до nec plus ultra!

---

*) Я это и сдѣлалъ въ напечатанныхъ выше главахъ „По душѣ“.

Ну, хоть этотъ Рембрандтъ съ женою своею на колѣняхъ: да развѣ это не идеальнѣйшій союзъ душъ и тѣлесъ? Да остановитесь-же въ восторгѣ передъ этимъ Маноемъ! *Такъ* развѣ можно молиться безъ единенія душъ? А о чемъ молятся? Ну, а въ другихъ обстоятельствахъ жизни—хороня своего сына, если-бы онъ умеръ, празднуя его въ воскресеніе, если-бы онъ ожилъ—не то-же-ли святое пламя жертвеннаго костра зажжется въ ихъ сердцахъ?

Сколько слѣпоты, благодаря *односторонностямъ*! Христосъ побѣдилъ міръ, и побѣдилъ его *всецѣло*. Будемъ-же въ *полноту* Его побѣды искать реальныхъ плодовъ новой жизни и вѣчной радости, возвѣщенной намъ Евангеліемъ!

XII.

Уже послѣ прекращенія „Русскаго Труда“, узнавъ о предполагаемомъ мною изданіи всей нашей настоящей полемики по вопросу о бракѣ, *В. В. Розановъ* просилъ включить въ нее нижеслѣдующее разъясненіе.

Замѣтки на статью Рцы: „Безсмертные вопросы“.

Хочется въ многозначительной статьѣ возразить, или обсудить не только центральный пунктъ, но и подобрать „крохи“ для критики...

„Маной и его жена“, „Жертвоприношеніе Маноя и его жены“... Картина Рембрандта поразила его цѣлымъ: правдою и силою цѣлостной красоты, въ коей нами трактуемая тема не названа *) (съ чѣмъ я глубоко согласенъ: „нѣтъ имени“, „нѣтъ образовъ“ въ порядкѣ „сый“), но присутствуетъ ничего не маскируя, не царапая, не противорѣча изумительной и *религіозной* красотѣ цѣлаго, какъ съ нимъ сливаю-

*) См. „Бракъ и Христіанство“ стр. 49.

щаяся гармоническая часть. *Рцы* не поразило, однако, другое: оглянулся-бы онъ въ „Gemäldegalerie“ и припомнилъ странный вѣкъ,— эпоху, которая въ исторіи европейской цивилизаціи и особенно, литературы получила спеціальное названіе, которое мы переведемъ „выродокъ“ (т.-е. *въ отношеніи* къ европейской цивилизаціи), „уродецъ“, „ни въ мать, ни въ отца“... Чтеніе прекрасной и *серьезно* настроенной страницы *Рцы* вдругъ пробудило во мнѣ *снопы лучей* во взглядѣ именно на эту эпоху, коей до сихъ поръ придавалось огромное эстетическое значеніе, но отрицалось въ ней всякое религіозное значеніе.

„Тамъ трактуется ваша тема“, заключаетъ онъ; и вотъ, субъективно ощущая страшную сосредоточенность, религіозную сосредоточенность въ темѣ, мнѣ вдругъ пришло на умъ, что умершая и невоскресшая эпоха имѣла болѣе, нежели эстетическое,—религіозное значеніе, быть можетъ, и даже навѣрное внѣ индивидуальныхъ предначертаній отдѣльныхъ художниковъ.

Чтобы провѣрить себя, я прошелся, *только* прошелся по заламъ Эрмитажа: да вѣдь это — настоящая религія семьи, упованіе семьи, наше мучительное „буди, буди“, прошедшее не какъ доктрина, но положительно, какъ рядъ небесныхъ видѣній передъ очами художниковъ, которыхъ почему-бы и не именовать „пророками кисти“? Вѣдь это—видѣнія, лишь пока *) неканонизованныя. И какая мощь! Я хочу сказать: отъ *правды видѣннаго* какой изливался свѣтъ! Какъ вздымалась грудь художниковъ! И изобрѣтало воображеніе, и находила краски кисть! Епископъ Порфирій Успенскій восхищался на Аѳонѣ образомъ Богородицы, питающей Младенца Своего „*сосцемъ обнаженнымъ*“ (его курсивъ). И онъ, аскетъ, капошкъ, пожелалъ: „вотъ-бы куда, въ семью и быть устремиться храмовой живописи“. Но въ Эрмитажѣ его мечта, его, въ своемъ родѣ, небесное предвидѣніе,—осуществлено: здѣсь тысячи сосцевъ питающихъ, и все тотъ-же Младенецъ въ лучахъ; и что за благородство рисунка, гонящее вонъ, далѣе вонъ всякую попытку приниженія, всякое поползновеніе улыбки. Вотъ то „углубленно-философическое“ трактованіе темы, ко-

*) Особенно—„Святая ночь“ Корреджіо, и „Madonna San-Albani“ Рафаэля, да и рѣшительно *безъ* картинъ, варіантовъ все той-же темы „сосцовъ питающихъ“ и „чрева носящаго“. Моральный недостатокъ однако: нѣтъ *старицъ*: Елизаветы Евангельской, посѣщенной Маріею, и Сарры Ветхозавѣтной, смѣющейся Богу при обѣщаніи сына; безсмертные сюжеты, безсмертная красота. *В. Р.*

торое онъ назвалъ, послѣдствій котораго опасался, и между тѣмъ, восхищался, можетъ быть, плакалъ передъ этими „послѣдствіями“ въ Дрезденѣ.

О, какъ скудны наши глаголы для выраженія мысли и, можетъ быть, отъ сердечнаго невниманія, какое непониманіе другъ друга: „пролейте сюда религію“, „доведите до высшаго изящества и именно религіознаго изящества, теченіе семьи“, „ея будни: и среды, и пятки, а не одни праздники!“, „какъ нибудь—но дайте сюда Бога“; „какъ—я не умѣю сказать, но чтобы я *видѣлъ Его, и заплакалъ, и умилился*“: ну, какъ вы Его увидали въ очеркѣ движеній Маноя, въ „низко, низко опущенной головѣ его жены“, съ вопросомъ „въ глазахъ-то у нея что?“

Оставимъ плакать о неумѣніи, будемъ лучше учиться говорить; будемъ терпѣливы, будемъ неустощимы въ терпѣніи научаться, ибо жатва стоитъ труда. Какъ кратокъ текстъ для Рембрандта: „Въ то время былъ человѣкъ изъ Цары, отъ племени Данова, по имени Маной: жена его была неплодна и не рождала“. Стереотипъ Библіи — до того часто тамъ повторяется эта фраза: кого-же изъ *насъ*, въ XIX вѣкѣ и въ XX вѣкѣ, не говоримъ „поразитъ“, но хоть *остановитъ* эта фраза? Тѣмъ паче—взять кисть, да и рисовать три-четыре мѣсяца какого-то „имярека“ Маноя. Очевидно, Рембрандтъ „съ женою Саскіей на колѣнахъ“, въ „истинномъ союзѣ душъ и тѣлъ“ самъ былъ уже немножко „Маной“, и въ одной, какъ и въ другой картинѣ, рисовалъ собственно *себя* и объективировалъ разные моменты и *настроенія* ему извѣстнаго „союза душъ и тѣлъ“.

Рембрандтъ—„Маной“? Вы постигаете, однако, почему реписанъ—„уродецъ“: онъ высунулъ голову изъ роднаго гнѣздышка въ существенно „новые міры“, къ „еще небу“ и „опять землѣ“ при нѣсколько „свившемся прежнемъ небѣ“.

Вы постигаете, что художество Рембрандта имѣетъ очень серьезный религіозный смыслъ и можетъ прибавить новую страницу къ Апокалипсису, или истолковать которую-нибудь изъ нихъ, пока остающуюся „за семью печатями“. Но „снопы свѣта“ рѣшительно засыпали меня въ Эрмитажѣ: введите сюда Еврея, „праведнаго Израильтянина“, какъ Наоанаилъ и такъ-же, какъ его соименникъ, знавшаго свои тайны „подъ смоковницей“. „Никто не увидитъ“—а Христосъ-то и увидѣлъ! Дивная страница, прочтя которую какъ не воскликнуть

противъ Штрауса, противъ Ренана именно съ этимъ и грѣшнымъ, и праведнымъ Наоанапломъ: „Ты—Сынъ Божій! Ты—Царь Израилевъ“! И каждый изъ насъ зналъ свою „смоковницу“, и все человѣчество „таилось подъ смоковницею“. И вотъ „Наоанаплъ“—въ Эрмитажѣ; „братъ—Рембрандтъ“ подводитъ его къ Маною: „это—братъ мой“! восклицаетъ Наоанаплъ. Рембрандтъ ведетъ его дальше и показываетъ себя „съ женою Саскіей“, какъ варіантъ „Маноя“-же. „Это—я подъ смоковницею“, опять вскрикиваетъ Наоанаплъ. Господи, да ужь не „свѣта“-ли „преставленіе“, что „плоть отъ плоти“ Іафета лобызается съ „костью отъ кости“ Сима; что чудовищный синтезъ найденъ, на почвѣ коего такія несродныя и казалось-бы вѣковѣчно враждующія единицы, какъ „Іуда левъ сильный“ (Бытіе — благословеніе Іакова сыновьямъ) и хрупкій „ἄρνος“ (арісцъ) ложатся другъ около друга, какъ волкъ и агнецъ. И почему-же плачу надъ темой, „рискуя всѣмъ“, какъ не потому, что вижу въ ней всемірный синтезъ: ни другаго глагола, ни иной квалификаціи не хочу! Вы накладывали „фиговые листья“, или пожалуй одѣвали „кожаное препоясаніе“ на строки мои: между тѣмъ, опять въ Эрмитажѣ я видѣлъ серіи *красочныхъ* иллюстрацій именно къ смутившимъ вамъ строкамъ. Что-же значитъ глаголъ: „левъ ляжетъ подлѣ ягненка“, и еще, въ самомъ концѣ Апокалипсиса: „ничего уже проклятаго не будетъ“? Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите размѣры синтеза, его охватъ: Рембрандтъ—„Маной“, съ коимъ лобызается „Наоанаплъ“; но онъ-же и Эллинъ, положимъ, въ этомъ Діѣ, увлекающемъ на волосистой спинѣ своей Европу (легенда, записанная у Геродота, сюжетъ коей есть въ Эрмитажѣ) и принимаетъ, для продолженія работы, рѣзецъ отъ Праксителя. „Ничего отвергнутаго не будетъ“. Эллинъ, Голландецъ, Іудей—это-ли не „соборъ“? безъ отреченія каждый и всѣ лобызаются: это-ли не вселенскость? И мы, поздніе потомки XIX-го вѣка, лобзая ихъ въ самомъ этомъ лобызаніи, и говоря „правда“—при воззрѣніи на Дія, „правда“—передъ скрижалями Іеговы, „правда“ — передъ мастерской художника-пигмлиста (казалось-бы, кажется для историковъ „Возрожденія“): неужели мы не можемъ заглянуть въ XX вѣкъ съ нѣсколько больше утѣшеннымъ сердцемъ, чѣмъ какое несли въ XIX-мъ?

II.

Но не будемъ синтетизировать, а будемъ комментировать. „Грѣхъ первозданнаго человѣка; нужно-бы авторитетное заключеніе по вопросу, въ чемъ онъ состоялъ и въ частности состоялъ-ли во впаденіи въ нашу тему?..“ Странный вопросъ, когда Библія передъ нами, и ея текстъ *непоправимый* для комментаторовъ разсказываетъ *исторію* грѣхопаденія:

Бытіе, гл. I: „Да произраститъ земля зелень, траву, *сѣющую сѣмя по роду и по подобію ея*, и дерево плодовитое, *приносящее по роду своему плодъ, въ которомъ сѣмя его на землѣ* *). И стало такъ (стихъ 11).

„И сотворилъ Богъ рыбъ большихъ и всякую душу животныхъ пресмыкающихся, которыхъ произвела вода, по роду ихъ, и всякую птицу пернатую, по роду ея: увидѣлъ Богъ, что это хорошо.

„И благословилъ ихъ Богъ, говоря: плодитесь и размножайтесь“... (стихи 21—22).

„И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его **); мущину и женщину сотворилъ ихъ.

—

*) Поразителенъ этотъ *планъ, и мысль, и центръ тяжести* сотворенія: живое взято не съ *лица* своего, не съ облика, но въ тайнѣ, глубинѣ; которую, послѣ пяти тысячъ лѣтъ, едва догадался взять Линней, какъ главную мысль и расчлененіе „патуры“. Сравни *Іова*, гл. 39: „Знаешь-ли ты время, когда рождаютъ дикія козы на скалахъ, и замѣчалъ-ли роды ланей? Можешь-ли расчислить мѣсяцы беременности ихъ? И знаешь-ли время родовъ ихъ? Онѣ изгибаются, рождая дѣтей своихъ, выбрасывая свои ноши; дѣти ихъ приходятъ въ силу, растутъ въ полѣ, уходятъ и не возвращаются къ нимъ (стихи 1—4)...“ „Ты далъ красивыя крылья павлину, и перья, и пухъ страусу? Онъ оставляетъ яйца свои на землѣ и на пескѣ согрѣваетъ ихъ; и забываетъ, что нога можетъ раздавить ихъ, и полевой звѣрь можетъ растоптать ихъ. Онъ жестокъ къ дѣтямъ своимъ, какъ-бы не своимъ, и не опасается, что трудъ его будетъ напрасенъ; потому что Богъ не далъ ему мудрости и не удѣлилъ ему смысла“ (стихи 13—17). Въ обоихъ случаяхъ—слова Божіи, и планъ *главнаго* и *второстепеннаго*—тотъ-же. И какая, именно отъ этого плана, глубина и красота (некрасивость „бѣдныхъ Арійцевъ“). Иногда представляется, что Библія есть универсальная педагогика („дѣто-вожденіе“) и даже пожалуй, универсально-„родильный“ домъ: до того *все это* облито въ ней умиленіемъ, отъ „травки“, отъ „павлина“—до человѣка, до Маріи. *В Р.*

**) Еврейскій текстъ имѣетъ любопытные оттѣнки: „И сотворилъ Богъ человѣка *въ образѣ* Своемъ, въ образѣ Божіемъ сотворилъ онъ его: мужчиною и женщиною сотворилъ онъ ихъ. И благословилъ, и сказалъ: плодитесь и множитесь“ (гл. I, ст. 27—28). Параллельное мѣсто (по-еврейски): „И Адамъ пожилъ сто тридцать лѣтъ, и *прижилъ*

„И благословилъ ихъ Богъ, и сказалъ имъ Богъ: плодитесь и размножайтесь“ (стихи 27 и 28).

Это въ *первой* главѣ *Бытія*; дальше—расчленяется и оподробливается картина сотворенія человѣка:

Глава 2. „И создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго и вдунулъ въ лицо его дыханіе жизни, и сталъ человѣкъ душой живою.

„Насадилъ Господь Богъ рай въ Едемѣ на Востокѣ; и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго создалъ.“

„И произрастилъ Господь Богъ изъ земли всякое дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи, дерево жизни посреди рая, и дерево познанія добра и зла (стихи 7—9).

„И взялъ Господь Богъ человѣка, и поселилъ его въ саду Едемскомъ, чтобы воздѣлывать его и хранить его.

„И заповѣдывалъ Господь Богъ человѣку, говоря: отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть.

„А отъ древа познанія добра и зла—не ѣшь отъ него; ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него—смертью умрешь.

„И сказалъ Господь Богъ: не хорошо быть человѣку одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣтственнаго ему (стихи 15—18)“.

Далѣе будемъ приводить по еврейскому тексту, имѣющему варіантъ отъ русскаго:

„И навелъ Господь Богъ на человѣка усыпленіе, и уснулъ онъ; и, взявъ одну изъ его сторонъ и сомкнувъ плотію мѣсто ея,

„Господь Богъ устроилъ сторону, которую вынулъ изъ человѣка, въ женщину и привелъ ее къ человѣку.

„И человѣкъ сказалъ: „Вотъ эта—такъ кость изъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей! Эту—пусть называютъ женой, потому что отъ мужа взята она!

„Поэтому мужъ оставляетъ отца своего и мать свою и прилѣпляется къ женѣ своей, такъ что становятся однимъ существомъ.

по образу своему, по своему отпечатку, и нарекъ ему имя: Шеоъ“ (Сноъ; глава 5, ст. 3). Первая строка Бытія (ст. 1): „Въ началѣ сотворилъ („бара“) Богъ (Елогимъ): „сотворилъ“—единственное число глагола, указующее нерасчлененность творческаго акта; но „Елогимъ“—*не единственное число* („Елоахъ“) и указуетъ раздвиженіе, расторженіе единства въ Творящемъ, или Творящихъ“. Комментаріи, какіе дѣлаются къ этому, не имѣютъ другаго, кромѣ словеснаго значенія, и никакихъ данныхъ для себя *въ самомъ текстѣ*. *В. Р.*

„И оба они были наги, человѣкъ и жена его, и не стыдились (стихи 21—25)“.

Глава 3. „Змѣй-же былъ хитрѣе всѣхъ полевыхъ животныхъ... и сказалъ женѣ: „правда-ли...“, „не умрете вы смертью...“ „И жена... ѣла... и дала мужу своему!“

Итакъ, какъ видно изъ текста и его *послѣдовательности*, грѣхопаденіе (3-я глава) открывается послѣ, а заповѣдь размноженія, характерное ощущеніе Адамомъ въ Евѣ жены себѣ (его восклицаніе о ней, *безъ знанія откуда она произошла, и какъ, вообще, появилась передъ нимъ*) и наконецъ, полная мысль брака (стихъ 25) не только *ранѣе* даны человѣку, но и *внѣ предвидѣнія его паденія* (свободная воля человѣка, по ученію Церкви).

Но съ грѣхопаденіемъ, какъ ясно сказано въ Библіи, совершилась тотчасъ какая-то перемѣна въ полѣ: „И взяла она—и ѣла; и дала мужу (NB: онъ уже не названъ просто: „человѣкомъ“, Адамомъ“, но „мужемъ“—очевидно по существу ранѣе происшедшаго соединенія ихъ „въ мужа и жену“) своему—и онъ также ѣлъ. И открылись глаза у нихъ обоихъ, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сдѣлали себѣ опоясанія“ (гл. 3, ст. 6—7). Наблюдая дѣтей безгрѣшныхъ до 6—7 лѣтъ, мы наблюдаемъ въ нихъ эту-же поразительную перемѣну въ полѣ: начало и пробужденіе половаго стыда на раздѣлительной линіи между грѣхомъ и не-грѣхомъ. Что это значитъ? Какъ это постигнуть? Но, очевидно, исторія грѣхопаденія и его *сущность* повторяется въ каждомъ ребенкѣ, и мы, каждый изъ насъ, *лично повторяемъ* ее въ себѣ и въ законѣ этой повторяемости, т.-е. что не рождается отъ насъ человѣкъ, который могъ-бы имѣть силу (и красоту?) уклониться отъ этого развлеченія „добраго“ и „лукаваго“ и *именно въ полѣ* и состоитъ *наслѣдственность* грѣха. „Стыдъ пола“ есть какой-то *надломъ* въ немъ; переломъ въ нашемъ къ нему отношеніи; что-то *затянулось* въ его истинѣ, что-то *показалось*, померещилось, какъ фантомъ. Можетъ быть—мы удалились, отдѣлились отъ него, и стали вмѣстѣ жадны, сладострастны къ нему. Кажется—вотъ наилучшее названіе для *перелома* въ полѣ: если-бы опять *кротость* сюда? чистоту? дѣтскость? Мы пытаемся уловить, и можетъ быть, ошибаемся: но великіе *вѣдатели* пола, какъ Авраамъ, какъ Іаковъ, въ душу коихъ былъ вставленъ какъ-бы микроскопъ, для различенія „добраго“ отъ „лукаваго“ въ супружествѣ

и семьѣ, тщательно избирали, и вообще, законъ ихъ сочетаній былъ полярно-противуположенъ тому, какимъ ощупью и, кажется, ошибаясь, руководствуемся мы. Дѣйствительно, въ Библіи, гдѣ вѣчно рождаютъ, рождаютъ *кротко*, въ ониміамѣ „благословеній“ и какой-то компактной цѣлаго народа радости: пророки—пророчествуютъ (Іезекіиль, да и всѣ рѣшительно), лѣтописцы—записываютъ, законодатель—законодательствуетъ („Второзаконіе“) какъ-бы въ самомъ дѣлѣ, это былъ священный родильный домъ; какъ-бы въ самомъ дѣлѣ, по точному обѣтованію Евѣ—черезъ „младенцевъ рождающихся спиралась глава Змія“. Кротость; ониміамъ благословеній; компактная радость; но и вотъ еще для насъ *новая черта*: „сестра моя, голубица моя“ (Пѣснь пѣсней)—какое-то сестринское ощущеніе супруги, и, обратно, братское—мужа. Они знали тайну этого уклоненія отъ „лукаваго“ въ бракѣ: отъ разврата въ немъ, который очень возможенъ; они пролили *родство* въ него и самый бракъ возникалъ у нихъ, какъ *варіантъ и филіальное отдѣленіе*, какъ вновь поднимающійся цвѣтокъ, *на почвѣ стараго, уже существующаго и окрѣпшаго родства* (до сихъ поръ у Евреевъ отвращеніе отъ брака съ чужаками; древнѣйшій законъ левирата; и можетъ быть, въ этихъ цѣляхъ точнѣйшая запись генеалогій). Бракъ не создавалъ новаго чувства („не открывались очи“), но продолжалъ старое и былъ, какъ-бы только укрѣпленіемъ его, освѣженіемъ его; не выходилъ изъ дома или не отходилъ отъ него очень далеко. Во всякомъ случаѣ, дѣтская и предшествующая связанность, какъ хорошо вывѣренная и внимательно предохраненная почва—была избираема фундаментомъ, на которомъ наилучшимъ образомъ могла-бы течь незагрязненная рѣка возникающей будущей семьи. „Сестра моя! голубица моя!“—какъ это кротко, до чего здѣсь исключено безстыдство; какъ далеко даже и подозрѣніе разврата: *объ этомъ*—можно было религіозно запѣть „Пѣснь пѣсней“, или, пожалуй, нарисовать „Маноя и его жену“, разсказать въ лѣтописяхъ объ Авраамѣ и Саррѣ. Безспорно, въ общемъ, что Евреи и до сихъ поръ еще хранятъ тайну нѣкотораго приблизительнаго *дѣтства и невинности* въ супружествѣ, тайну непорочнаго супружества, такъ глубоко противуположную нашимъ „тайнамъ!“... Оставимъ это. Дѣти не имѣютъ „открывшихся очей“ на полъ; ихъ не имѣютъ въ отношеніи къ полу животныя; я *никогда не видалъ* (очень присматриваясь), чтобы животное повредило ребенку, хотя кошекъ, какъ и со-

бакъ, дѣти порой ужасно мучатъ. „Лань лежитъ около льва, и левъ ее не кусаетъ“. Египтяне чуть-ли и не поклонялись въ животныхъ этой ихъ „дѣтскости“ и еще „не раскрывшимся очамъ“; Эдему ихъ „живота“ или, пожалуй, еще не сбѣжавшему съ нихъ отсвѣту когда-то одного и общаго у человѣка съ животными Эдема. Теперь переходимъ къ человѣку и занимающей насъ темѣ: „великая тайна брака“ и лежитъ въ томъ, что „надломъ“ пола, совершившійся въ секунду грѣхопаденія, и въ чемъ-бы сущность этого надлома ни состояла, *исправляется*: „мущиной и женщиной“ (не политпками, не космополитами, не „общечеловѣками“) „сотворилъ ихъ Богъ“ — это именно берется въ бракъ; но и кромѣ того: въ направленіи именно къ мужу у жены и у мужа къ женѣ „одежда изъ листьевъ“ спадаетъ: *но стыда не появляется!* Главный симптомъ паденія (въ Библіи единственный)— исчезъ! Это такъ безспорно: читайте Библію, всматривайтесь въ супружество, читайте и взглядывайте, провѣряя по супружеству текстъ: вы догадаетесь о главной тайнѣ супружества—что она есть возстаніе человѣка изъ грѣхопаденія! Но я хочу взять текстъ:

„Змій сказалъ женѣ: не умрете вы смертью; но вѣдаетъ Богъ, что въ то время, какъ станете вы вкушать отъ него, откроются глаза ваши и вы станете похожими на Бога, знающими хорошее и дурное.

„И жена увидѣла, что дерево удобно для снѣди, какъ оно было прелестно и для глазъ,—а дерево было вожделѣнно для созерцанія,— и взяла она отъ плода его, и ѣла, а также дала и мужу своему, возлѣ себя, и покушалъ онъ.

„И открылись очи ихъ обоихъ, и они узнали, что *наги*. И сшили они листья *смоковницы, и сдѣлали себѣ поясы*.

„И услышали они голосъ Господа Бога, раздавшійся въ саду, къ исходу дня; и человѣкъ, съ женою своею, *спрятался* отъ Господа Бога посреди деревьевъ сада.

„И Господь позвалъ человѣка, сказавъ ему: „Гдѣ ты?“

„И онъ сказалъ: „Я услышалъ Твой голосъ въ саду, *и убоялся, что̀ нагъ я, и спрятался*“.

„И сказалъ Онъ: „*Кто-же сказалъ тебѣ, что ты нагъ? Развѣ ты ѣлъ отъ того дерева, отъ котораго я повелѣлъ не ѣсть тебѣ?*“

„И человѣкъ сказалъ: жена, которую ты далъ мнѣ...“ и проч. (глава 3, ст. 4—12; еврейск. текстъ).

Итакъ—*стыдъ и грѣхъ*—идентичны; первый есть кожура втораго, „стыдливый“ румянецъ на „яблокѣ“ грѣха. Вотъ почему радость семьи! Вотъ откуда *не утомляемость* отъ нея; предпочтеніе *своей* старухи—всѣмъ инороднымъ; то, что черезъ нее и именно черезъ утрату передъ нею стыда важнѣйшею и тайною стороной своего бытія я снова отпадаю отъ „грѣха“. И не поразительно-ли: одновременно и отпадаю отъ смерти, проклятіе коей такъ таинственно связано съ грѣхомъ: *я—рождаю*... Вотъ откуда, а вовсе не въ видѣ моральной сентенціи, глаголъ Апостола: „чадородіемъ жена (и мужъ) спасается“. И это вовсе не отъ одного „труда и болѣзни“ (слова комментируемой статьи), ибо *трудятся* и бурлаки на баржѣ, а *болѣютъ* и въ больницахъ,—но эта болѣзнь и трудъ не спасительны. Въ чадородіи я ускользаю отъ „Змія“—*въ жизнь*; я сокрушаю его соблазнъ и плодъ соблазна: *стыдъ*. Отсюда *правда* между не стыдящимися супругами, и первый канонъ брака: не лги (полная *раскрытость* души, отсутствіе „смоковныхъ листьевъ“ *для всяческаго недостатка своего*—передъ и въ отношеніи только къ женѣ, равно и обратно). Здѣсь въ тайнѣ разрѣшенія, по крайней мѣрѣ между двумя человѣками и по линіи ихъ связанности, „грѣха первозданнаго человѣка“—и лежитъ трансцендентное основаніе супружества; основаніе—*свѣта* семьи; и, пожалуй, того, что еще въ раю, т.-е. когда грѣхопаденія не было и, слѣдовательно, не было жажды разрѣшить его послѣдствія—не было и „спасительнаго“ чадородія:

„И Господь Богъ сказалъ Змію: Такъ какъ ты сдѣлалъ это, то проклятъ ты... И положу я вражду между тобою и женщиною, между дѣтенышемъ твоимъ и дитятею ея: оно (дитя) уязвитъ тебѣ голову *), а ты уязвишь ему пяту“ (Гл. 3, ст. 15).

Гл. 4, ст. 1. „И человѣкъ позналъ Еву, жену свою, и она, зачавши, родила Каина; ибо сказала—„Пріобрѣла я мужа отъ Господа“.

Такимъ образомъ въ послѣдовательности Библіи бракъ сейчасъ

---

*) Въ Апокалипсисѣ „Змій древній“, „драконъ“—снова появляется, и съ какою отмѣтиною: „рана, которая была на его главѣ—какъ-бы исцѣлѣла“; т.-е. къ концу „временъ, и времени, и полъ-времени“ жена *перестанетъ рождать* и черезъ это „умножится беззаконіе въ мірѣ“, а „Змій“ почувствуетъ бодрость. До смѣшнаго не понятъ комментаторами „союзъ жены (т.-е. Апокалипсической, усиленно рождающей) со Зміемъ“ Вавилонская блудница), который и переводится просто „безплодность женщинъ“; а „чаша въ рукѣ ея“—„съ мерзостями“ чадородія суть омерзительные грѣхи, развивающіеся на почвѣ удерживаемаго. *В. Р.*

же реализуется по грѣхопаденіи и изгнаніи изъ рая, какъ *начало искупительнаго устроенія человѣка*. Но „Богъ сдѣлалъ человѣку кожаныя одежды“, какъ самъ онъ уже схватился за „смоковные листья“; тутъ я вспоминаю *Рцы*, его блужданія въ Дрезденѣ, свои блужданія въ Эрмитажѣ: вѣдь въ чемъ тайна живописи, религіозно заволновавшей насъ обоихъ, какъ не въ томъ, что тайнозрители кисти дали намъ какъ-то почувствовать вновь возможность святаго обнаженія, и, до нѣкоторой степени, по частямъ, по „листочку“—они дали намъ вкусить отъ „древа жизни“, о коемъ и въ *Быті*, и въ *Апокалипсисѣ* сказано, что съ „вкушеніемъ отъ него“ какъ-то связанъ возвратъ утраченнаго человѣкомъ блаженства. Мы видимъ обнаженія и на современныхъ намъ выставкахъ; но они всѣ—безстыдны; тѣла—возмутительно грѣшны (скорѣе—пакостны!); это просто, галлерея раздѣвшихся рабынь которыя смѣются надъ „господами“ своими, и одновременно живописцами. Оставимъ это, будемъ слѣдить тайны; „Рембрандта съ женою Саскіей на колѣняхъ“ я не видѣлъ и не знаю даже по репродукціямъ: но въ Эрмитажѣ очень многія фигуры имѣютъ полногрудое обнаженіе—безъ упрека, безъ грѣха, безъ малѣйшей мысли соблазна, который-бы вы испытали, или приписали художнику. *И очевидно, художникъ дорослъ до полной безгрѣшности взгляда на эти, имъ столь цѣломудренно нарисованныя формы; такъ что никакаго испуга, ни гнѣва, ни вообще скорбнаго чувства вы не испытали-бы, если-бы онъ, но именно, только онъ случайно увидѣлъ жену, сестру, или дочь вашу въ такомъ-же видѣ, какъ можетъ быть нарисовалъ свою жену.* Вотъ—примиреніе! Вотъ—мистика Дрездена и Эрмитажа! „Левъ, лежащій около лани и не съѣдающій ея!“ То, въ чемъ мучительнѣе всего расходится человѣкъ съ человѣкомъ, гдѣ „мое“ и „твое“ такъ кроваво-рѣзко раздѣлено, въ видѣніяхъ кисти вдругъ стало *общимъ*! Появился *святой взглядъ*! святое *воззрѣніе*! умерла „похоть“, погибло сладострастіе и этому опять младенцу, каковымъ сумѣлъ стать Рембрандтъ, этому еще не павшему Адаму, „возродившемуся отъ грѣха“ Адаму... да почему я не обнажу жену свою?—Сколько угодно, какъ передъ „тельцомъ, орломъ и львомъ“, какъ передъ ребенкомъ, какъ передъ собою въ абсолютной утратѣ грѣха въ моемъ на нее воззрѣніи. Я не знаю, говорю-ли достаточно ясно; но, наблюдая въ Эрмитажѣ *начало*, откуда идутъ Божіи „кожаныя одежды“, я думалъ: вотъ проказа грѣха *до сюда* сбѣжала у ху-

должника, вотъ—*дальше*, вотъ *меньше*. И очевидно есть, существуетъ мистическій моментъ, когда разломъ первороднаго грѣха, указанный въ Библіи, вдругъ станетъ опять *живой и цѣлой святостью*. И указанная въ Апокалипсисѣ гармонія: *бѣлыя одежды* и „вайи" и заключаются въ томъ, что нѣкогда и все человѣчество станетъ Рембрандтомъ, безгрѣшнымъ Рембрандтомъ, и въ воззрѣніи на полноту человѣческаго тѣла. Безспорно—грѣхъ палъ въ тѣло; оно умираетъ; въ немъ—стыдъ. Вся наша путаница о „злой волѣ" и чепухѣ въ „волѣ", то „свободной", то „подверженной грѣху" —есть изобрѣтеніе очень новыхъ временъ и не опирается ни на какіе тексты. Грѣхопаденіе, какъ и судьбы спасенія, по точнѣйшимъ текстамъ святыхъ книгъ (а пожалуй, и по не менѣе компетентному свидѣтельству галлерей картинныхъ) заключены въ кругъ таинственныхъ то завѣсъ, то озареній—въ тѣлѣ. Въ Библіи—ни слова о „совѣсти" и „злой волѣ"; въ Апокалипсисѣ, въ видѣніи Небеснаго Іерусалима—опять тѣлесные образы, безъ всякаго вмѣшательства академическихъ нашихъ чаяній. Но все это, т.-е. кругъ паденія и исцѣленія—тяпетъ къ браку: только *два* мы спасаемся, *я* и *жена*, и лишь въ любви и открытости другъ передъ другомъ; это—супружество. Но и *моя* и *ея* сторона, обращенная къ рынку, на улицу, внѣ дома—темна въ грѣхѣ; „смертна". Тайна „древа жизни", тайна и *тенденція* видѣній *Рембрандта* и лежитъ въ постепенномъ раздвиженіи *свѣтлой* „домашней" стороны и на ту темную и смертную, которая пока въ каждомъ изъ насъ есть $^{9}/_{10}$. О, если-бы всѣ мы стали одинъ для другаго, какъ для Рембрандта—Саскія, для Манои—его жена? Какъ это можетъ стать? Не знаемъ; но станетъ. Вотъ тогда-то любовью восполнится міръ; любовью и красотою. И не будетъ старыхъ, и не будетъ молодыхъ; но всѣ станутъ, какъ дѣти о Господѣ. „Стара и некрасива жена Манои, какъ впрочемъ всѣ лица у Рембрандта; но на нее хочется еще посмотрѣть; хочется даже вернуться—и еще въ третій разъ взглянуть". Въ „жизни будущаго вѣка" будемъ по три раза вертаться и взглядывать въ очи старушекъ нашихъ, прислужницъ нашихъ; самыхъ некрасивыхъ—курносыхъ, оспенныхъ. Но непремѣнно *тѣлесно* будемъ взглядывать и на тѣло-же, въ этомъ обѣтованія—*Бытія*, *Іоанна*, *Рафаэля* и *Корреджіо*.

„Тайна супружества"—велика... Вообще, разрѣшеніе міровыхъ судебъ, „апокалипсическое", произойдетъ на этой почвѣ и въ области

именно здѣсь трансформацій. Ни образа ихъ, ни смысла мы не можемъ угадывать; но почву кажется нащупываемъ.

III.

Переходимъ къ собственному недоразумѣнію *Рцы*: „почему Церковью такъ любовно разработанъ ритуалъ всѣхъ таинствъ, *кромѣ* брака", etc. Вопросъ существенно апокалипсическій, т.-е. въ отношеніи къ простирающимся отъ сего вопроса дальнѣйшимъ „запросамъ", ночнымъ мученіямъ, рыданіямъ бѣдной „мірской души" и наконецъ,.. до свѣта, до звѣздъ, посыпавшихся съ неба и открывающихъ „новое небо".

Не будемъ отвѣчать на вопросъ, „позаймемся" около него. Какъ-же *Рцы* не замѣтилъ, что въ Церкви *всѣ* таинства оригинальны и собственно *ей* принадлежатъ, существенно *новы* („новозавѣтны"): крещеніе, елеосвященіе, покаяніе, причащеніе, священство; „кромѣ одного брака", которое еще *не* ей принадлежитъ. Въ кругѣ всѣхъ молитвъ, не говоря уже о таинствахъ, христіанство — дѣвственно, перворожденно, имѣетъ до себя „поль": но „это одно" таинство древняя старушка хотя и совершенная юница, которую Церковь, не рѣшившись передъ нею затворить дверь, *пропустила въ себя*. Были цѣлыя религіи брака, т.-е. и не содержавшія въ себѣ ничего, кромѣ этой одной „тайны великой". Тутъ мы должны сдѣлать гигантское усиліе мысли, чтобы что̀ нибудь понять: около брака и его существа, какъ великой „Евы" міра и его „бабушки", вспыхнули могущественнѣйшія религіозныя системы. Да что̀ мы будемъ объяснять, когда имѣемъ въ своей исторіи, даже въ исторіи нашихъ кровныхъ „славянофиловъ" ,удивительнѣйшую молитву, вспыхнувшую *около дѣтей*, и о которой никакъ не можемъ сказать, чтобы она была *списана* съ которой-нибудь страницы катехизиса, взята изъ требника и вообще принадлежала которой-нибудь богословской системѣ, кромѣ той, которая „бысть отъ сложенія міра":

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду *любоваться* на васъ;
Бывало, *люблю васъ крестомъ знаменать*
Молиться, да будетъ на васъ благодать
Любовь Вседержителя-Бога.

Стеречь *умиленно* вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы *чисты* душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ, *беззаботныхъ и милыхъ* дѣтей
Какъ сладко, какъ радостно было.
Теперь прихожу я—*вездѣ темнота*,
Нѣтъ въ комнатѣ *жизни*, кроватка *пуста*;
Въ *лампадѣ* погасъ предъ *иконою свѣтъ*...
Мнѣ *грустно*—малютокъ моихъ уже нѣтъ—
И сердце такъ больно сожмется—
О, дѣти...

Полный очеркъ религіи! Но вѣдь *такъ* еще чувствовали въ живыхъ Ниневіи, Вавилонѣ, Тирѣ, Сидонѣ, Сіонѣ, Геліополисѣ, Оивахъ, Мемфисѣ — и, такъ чувствуя — *это-же слагали*, сперва безъ именъ и символовъ, позднѣе съ именами и символами. Пальмеръ былъ пораженъ этою „Вавилонскою молитвою“, „башнею“, которая повела „отца“ къ Богу: прочтя ее въ переводѣ на англійскій языкъ, и не разглядя въ ней клинообразныхъ письменъ, онъ адресовалъ удивленіе, и восторгъ, и умиленіе въ Петербургъ: но сколько петербургскій богословъ, забывшій клинья Востока, ни изощрялъ надъ нимъ характернаго европейскаго богословія „безъ ритуала брака“—все было уже недѣйствительно, и колебавшійся въ англиканизмѣ Пальмеръ перешелъ не въ православіе, а въ католицизмъ. Характерный фактъ, эмбріонъ всемірной исторіи, прозрѣніе въ Апокалипсисъ: вѣдь это—безуспѣшность въ религіозной пропагандѣ „безъ-брачной“, безъ-“отечественной“, безъ-„материнской“ Европы, когда такъ могуча и *заразительна* была „чрево“—Сирія „пупъ“—Сіонъ, съ ихъ простымъ:

Бывало въ глубокій полуночный часъ...

Воздѣтыя руки; молитва; и только. Теперь прозрѣніе въ Апокалипсисѣ: вѣдь нѣкогда *все богословіе* польется въ такихъ именно и даже *именно въ этихъ самыхъ* молитвахъ, съ равнымъ-же очарованіемъ, съ волной вліянія отъ Петербурга до Па-де-Кале простаго частнаго случая въ *моей* семьѣ; моей утраты:

Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже *нѣтъ*,

или съ лучомъ надежды. И „Іерихонская стѣна“ невѣжества и атеизма рухнетъ передъ этими трубами „отцовъ“, трубами „матерей“... Т.-е. „небесный Іерусалимъ“ прямо спустится на Исаакіевскую площадь, а торговцы „Щукина двора“ возьмутъ „пальмовыя вѣтви“ и „одѣнутъ бѣлую одежду“, не дожидаясь ни смерти, ни суда...

Но мы все отвлекаемся: такъ много „вертикальныхъ прозрѣній“ возбуждаетъ легкое рѣяніе крылъ разбираемаго писателя. Нѣкогда христіанство все тѣлесно (Апокалипсическія „животныя“) собьется въ кучку; въ тѣсную „семейку“, во внутреннѣйшій притворъ „дѣтской-ли“, „спаленки-ли“, покинувъ „парады“ парламентовъ, „королевствъ“. И, потушивъ ненужныя люстры въ сломанныхъ „парадныхъ комнатахъ“, зажжетъ во внутреннихъ покояхъ естественно лампадочки:

Въ *лампадѣ* погасъ (съ *дѣтьми-то*—вспыхнетъ!) предъ *иконою* свѣтъ...

И—все. И „прежняго неба“—не бысть, а стало—„новое“. „Третья часть звѣздъ“, конечно, „падетъ съ неба“, ибо онѣ окажутся просто латунными „звѣздами“, и при томъ совершенно фальшиво прикрѣпленными къ латунному-же небу. Но опомнимся-же, но вернемся къ насъ занимающей тѣсной и ограниченной темѣ.

Пропустивъ „бракъ“ въ себя, Церковь впустила къ себѣ и Іудея и Эллина; т.-е. не отвергнувъ, не рѣшаясь отвергнуть, что онъ—„таинство“, она приняла корни какъ всего юдаизма, такъ даже и „исповѣданія языковъ“, но тотчасъ прикрывъ ихъ глубочайшимъ покровомъ невѣдѣнія-ли, невниманія-ли, но, во всякомъ случаѣ, завязавъ „платочекъ таинственнаго содержанія“ съ четырехъ концовъ, и крѣпко не выпуская изъ своихъ пальцевъ этихъ концовъ,—не позволяя кому-либо заглянуть, а главное—сама не заглядывая внутрь его. Молчащій Іудей; молчащій Эллинъ, но *живые*—насколько „бракъ“ живъ и еще не умерщвленъ. „Нѣтъ *богатой* и любовной разработки ритуала“: т.-е. именно нѣтъ „поющихъ, взывающихъ и глаголющихъ—свять!.. свять!“ Іудея и Эллина, о чемъ *Рцы*, какъ-будто, не догадывается. Но есть въ этомъ-же пунктѣ сторона, о которой онъ не догадывается, хотя почти ее формулируетъ: „почему въ Церкви такъ богато и чудно разработанъ ритуалъ всѣхъ таинствъ, кромѣ брака, гдѣ все дышетъ Ветхимъ Завѣтомъ“. Кто-же въ немъ дѣйствователи? кто совершители „великой тайны брака“? Да—брачники, брачащіеся „мірскіе человѣки“ и это есть и единственное исключительное „мір-

ское таинство", съ тѣмъ вмѣстѣ вполнѣ „религіозное таинство": но которое по этому самому открываетъ таинственное и божеское существо самаго „міра". „Тайна" міра, „религіозная тайна", канонически признанная Церковью: „священство" міра, „предстояніе" Богу: свѣча небесная, курящаяся на землѣ. Какимъ-же образомъ все это прошло мимо глазъ самаго „міра", „мірскихъ человѣковъ"? Да въ радости Каны Галилейской они забылись, упились „виномъ Господнимъ" и даже не замѣтили этихъ оригинальныхъ и исключительныхъ двухъ сторонъ ветхой древности и „мірскаго" характера, въ исполняемомъ ими, текущемъ у нихъ, ими сотворяемомъ таинствѣ. Прочитывая книги о бракѣ, канонику о бракѣ, мы, собственно, всюду видимъ подстановку: вѣнчаніе. Идетъ рѣчь, толки, условія вѣнчанія, хотя какъ „подлежащее" вѣнчанія вездѣ названъ „бракъ", и читателю представляется, „мірянину" думается, да пожалуй, или можетъ-быть думается и самому канонисту, что въ точности это есть „ученіе о бракѣ". Между тѣмъ, онъ именно извлеченъ изъ мысле-обращенія, чувство-обращенія, желаніе-вращенія: и именно въ этомъ, т.-е. въ завязываніи „брака" въ крѣпкій узелокъ и запрятываніи его „подъ лавку" и состояла великая, 2.000 лѣтъ разрѣшавшаяся проблема. На „лавкѣ", „въ переднемъ углу", „подъ образами"—вѣнчаніе; ему, правда, не дано ни обѣтованій (чадородія), ни заповѣдей (цѣломудрія)—и вообще *ничего ему не дано, никакаго о немъ глагола нѣтъ*, ни *ему заповѣданія**). Но оно уже творится не „міромъ" и оно дѣвственно—первозданно въ Церкви, есть оригинальная и собственная работа Церкви, совершая которую не обрѣжешься ни іудейскимъ „каменнымъ ножомъ", ни эллинскимъ орудіемъ, и даже можно не вспомнить, что истинные творцы и молитвенники брака, „упователи" на него и о немъ „мечтатели"—словомъ ,его иниціаторы, „родители" великой тайны—связанные брошены оба подъ лавку. Между тѣмъ, *въ нихъ* все дѣло; и если-бы не Іудей и Эллинъ, или если-бы они были не только уничтожены, но уже и умерщвлены—вовсе не было-бы никакого и никогда брака, и не произошло бы, во всѣ 2.000 лѣтъ новой эры—ни одного вѣнчанія, которое такъ и осталось-бы „бѣдно разработаннымъ ритуаломъ" безъ примѣненія, страницею Требника, которая никогда не читается.

*) Сравн. свящ. Спасскаго: выше стр. 25.

Около „въ самомъ дѣлѣ брака“, текущаго супружества, льющейся въ дѣтей и во внуковъ семьи Церковь проходитъ—*отрицательно*. „Родитъ-ли“ женщина: кажется—„неподвижный предметъ“, за который „ухватился“ *Рцы*, чтобы не упасть:

„Вотъ глаголъ Апостола—женщина спасется чадородіемъ“. Такъ... Бѣдныя мечты *Рцы*!

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ:

Жена-то какъ рада; вѣдь о ней, *о всякой* сбывается глаголъ Спасителя: „Женщина, когда рождаетъ, то мучится и кричитъ, а когда уже родила—то *забываетъ всю скорбь свою, ибо новый человѣкъ черезъ нее пришелъ въ міръ*“. И вотъ входитъ священникъ; куда ей, измученной, вслушиваться въ слова: „вѣрю, вѣрю: радуется со мною Церковь, что новое чадо родилось изъ моего лона въ ея лоно!“ Священникъ вынимаетъ книгу и что-же онъ читаетъ: *скорбь* Церкви о рожденіи, ибо какъ-же не скорбь, когда—грѣхъ („Господи, *отпусти* ей грѣхъ“...) и милостиво-высокомѣрное разрѣшеніе ея отъ грѣха? *) Нѣчто аналогичное *очистительной* молитвѣ, какое я въ дѣтствѣ помню, однажды въ домѣ читали у насъ надъ колодцемъ, изъ котораго бадьею вычерпнули мертвую *мышь*... И это—вѣка; и вѣка не задались вопросомъ: какъ-же „таинство“, когда все тутъ—„грѣхъ“; и какъ-же „грѣхъ“, когда все во исполненіе заповѣди Господней: „растите, множитесь“? Но, говорю я: когда-бы реализовано было положительное отношеніе къ реальному рожденію—Іудей и даже Эллинъ воскликнули-бы: это—*мы* въ васъ, мы—*съ вами*, и вамъ некуда *убѣжать* отъ насъ, никакъ нельзя *избѣжать* нашего и насъ. Такимъ образомъ *номинализмъ* брака въ христіанствѣ, — номинализмъ, оберегаемый столь энергичными дѣйствіями, какъ отдѣленіе во всѣхъ, неразрѣшимыхъ Церковью случаяхъ дѣтей отъ родителей („незаконнорожденность“) и черезъ это смертный приговоръ надъ большинствомъ первыхъ,—есть вовсе не кой-какая случайность, которая вчера была, а завтра ея не будетъ, а ученіе, доктрина, философія весьма критическая для самаго христіанства: пока бракъ *номиналенъ*, Іудей и Эллинъ *будто-бы* въ мертвыхъ, *прикинулись* мертвыми, и „торжество“

*) Да простится уважаемому автору это удивительное пустословіе! *Ред.*

нашихъ 1.800 лѣтъ, по крайней мѣрѣ, вслухъ и напоказъ обезпечено. Не нужно мѣнять текста ни въ одной страницѣ Иловайскаго. Но вотъ, какая-нибудь дѣвушка, бредущая

Подъ вечеръ осенью ненастной

хватается за лобъ; опамятовывается; говоритъ: „да позвольте, вѣдь благословеніе Божіе *мнѣ* дано, вѣдь *обо мнѣ* всѣ хорошія слова сказаны, а собственно къ вамъ-то ни одного слова не обращено, кромѣ повелѣнія *повторить* надо мною тѣ слова: какъ-же *я гонима?* Кто меня погналъ съ моимъ ребенкомъ? И поволокъ—ибо я едва волочу ноги отъ ужаса и усталости—на страшную казнь чадоистребленія?“ То, говорю я: едва „безумная“ залепетала-бы этимъ языкомъ, допрашивая и испытуя, гдѣ *реальное* таинство... какъ пришлось-бы вдругъ поднять уголокъ, приготовить къ вырванью основную и главную страницу изъ Иловайскаго, „откуда бѣлъ свѣтъ начался“ . . . . . .

. . . . . .

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENIEV
PARIS

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 1

Рцы: Тексты перепуталъ! 2

Свящ. М. И. Спасскій: Левъ Толстой и христіанскій бракъ 14

Рцы: Бракъ и святые Отцы 33

В. В. Розановъ: Бракъ и христіанство (переписка съ протоіереемъ **А. У—скимъ**) 49

О В. В. Розановѣ и его религіи брака 83

I. Письмо протоіерея **А. У—скаго** . . . . . —

II. Письмо **Мірянина** 91

III. Замѣтка **Рцы** 102

Рцы: Ad hominem 105

Протоіерей А. У—скій: Бракъ и дѣвство. (Письмо къ В. В. Розанову) . 115

В. В. Розановъ: Мірянинъ „Мірянину“—о болѣхъ міра и о загрязненіи міра. 125

С. Ѳ. Шараповъ: По душѣ 138

CII. Нѣсколько словъ моимъ оппонентамъ по вопросу о бракѣ. Русскій споръ. Взгляды гг. Розанова, протоіерея У—скаго и Рцы. CIII. Основная мысль христіанства. Борьба за свободу и плотская любовь. Драма Алексѣя, Божьяго человѣка. Почему онъ ушелъ въ брачную ночь? CIV. Какъ совмѣстить „грязь“ и „таинство“? Власть рода. Влюбленность. Идеальная сторона въ отношеніяхъ влюбленныхъ. CV. Теорія моихъ оппонентовъ. Формула „аппетита“. Рцы. Наслажденіе, какъ основной элементъ нашего брака. Неизбѣжные выводы. CVI. Христіанская нравственность и нашъ эгоизмъ. Беременность. Кормленіе. Почему женщина отказывается отъ кормленія? Два случая. Религія и физіологія. CVII. Мірянинъ въ бракѣ и монахъ. Много-ли „свободы“ первому въ нормальномъ бракѣ? Чистый бракъ и чистые люди. Влюбленность и первое сближеніе. Неудача метафизики Вл. С. Соловьева. Идея таинства брака. „Крейцерова соната“ Толстого и наши съ нимъ разногласія.

Н. П. Аксаковъ: О бракѣ и дѣвствѣ 157

Рцы: Безсмертные вопросы 174

В. В. Розановъ: Замѣтки на статью Рцы: „Безсмертные вопросы“ . . 181

Первое собраніе сочиненій С. Ѳ. Шарапова.

Книги I и II. (Разошлись и вновь готовятся къ печати).

Книга III. (Спб. 1899 г.) Содержаніе. Отъ автора. I. Публичныя рѣчи. Памяти И. Аксакова.—Иностранные капиталы и наша финансовая политика.—Марксизмъ и русск. экономическая мысль. II. Открытыя письма и отвѣты. Открытое письмо С. Ѳ. Шарапову епископа Чебоксарскаго Антонія (Храповицкаго) и нашъ отвѣтъ. Статьи графа Л. Н. Толстого „Голодъ или не голодъ?“ и „Открытое письмо“ къ ихъ автору. Отвѣтъ А. А. Стаховичу. Отвѣтъ И. С. Дурново. Открытое письмо А. С. Суворину. 334-е „Маленькое письмо“ А. С. Суворина. Отвѣтъ А. С. Суворину. 335-е „Маленькое письмо“ А. С. Суворина. Второй отвѣтъ А. С. Суворину. Цѣна 1 рубль.

Три безцензурныхъ сборника 1900 года.

1. Мирныя рѣчи.

Содержаніе сборника: Мирныя рѣчи (гл. I—XX).—По канцеляріямъ и департаментамъ.—Недоимки и промышленность.—Что сулитъ намъ сіонистское движеніе?—Вооруженный народъ.—Послѣдствія денежнаго кризиса.—Американизмъ.—О русско-германскомъ торговомъ договорѣ.—Колонизаторъ, или колонія? **Цѣна 30 коп.**

2. По-русски.

Содержаніе: Отъ автора.—Москва прежняя и современная.—Богачи и жертвователи.—Вл. Соловьевъ объ антихристѣ.—Газета и книга.—Какъ оберечь литературу отъ грязи?—Разговоръ о войнѣ.—Фабрика романовъ и самоубійство г. Гейне.—Еврейскій вопросъ и три его рѣшенія.—„Образованіе“ и „просвѣщеніе“.—Китай, Европа и Россія.—Финалъ Мамонтовской Панамы. **Цѣна 30 коп.**

3. Старое и новое.

Содержаніе: Друзьямъ и читателямъ.—† Памяти Вл. Соловьева.—Борьба кабака съ приходомъ.—Сербія и Обреновичи (I—II).—Что означаетъ повышеніе таможенныхъ пошлинъ?—О Китаѣ, Европѣ и прочемъ (I—IV). Монополія и трезвость (I—II. Съ діаграммой).—Тюремная реформа.—Скорая помощь.—Обѣленный Мамонтовъ.—Коммерческое шіонство. **Цѣна 30 коп.**

За всѣ три брошюры съ пересылкой **1 рубль.**

Вышла изъ печати брошюра:

Денежная сила Франціи. Экономическій этюдъ Сергѣя Шарапова. Екатеринбургъ. 1900. **Цѣна 30 коп.**

Изданія С. Ѳ. Шарапова.

Русская реклама. Ал. Веригина. Ц. 10 к.

М. Г. Черняевъ. (Съ портретомъ). Ц. 5 к.

Капиталы и долги. Г. В. Бутми. Ц. 20 к.

Сѣверный морской путь. В. Кельина и Н. Чукмалдина. Ц. 20 к.

Деньги земледѣльческой страны. А. Фролова. Ц. 20 к.

Мнимое перепроизводство серебра. Павла Оля и Сергѣя Шарапова (съ діаграммами). Ц. 20 к.

О русскомъ церковномъ управленіи. 12 статей протоіерея А. М. Иванцова-Платонова. съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Ц. 40 к.

Россія государства у славянофиловъ. Сборникъ статей И. С. Аксакова, К. С. Аксакова, Ав. В. Васильева, А. Д. Градовскаго, Ю. Ѳ. Самарина и С. Ѳ Шарапова. Ц. 50 к.

Притязанія Германіи на турецкое наслѣдство. Ц. 10 к.

Александръ Тропенасъ и „тропенасованіе“ (съ портретомъ). Ц. 10 к.

Ложь. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Елены Зеландъ-Дуббельтъ. Ц. 40 к.

Македонскій вопросъ. Іована Поповича-Липовца, съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Цѣна 10 коп.

Вопросъ о валютѣ на Орловскомъ Сельско-Хозяйственномъ Съѣздѣ, съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Цѣна 1 руб.

Мои воспоминанія. Николая Чукмалдина. Ц. 75 к.

Женская преступность. Николая Зеланда. Ц. 20 к.

Гдѣ выходъ? Николая Черепова, съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Ц. 30 к.

Россія въ міровой борьбѣ за золото. Докладъ Обществу для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ. **Павла Оля.** Ц. 30 к.

Всѣ означенныя здѣсь книги продаются въ главныхъ книжныхъ магазинахъ. Выписывающіе отъ С. Ѳ. Шарапова: **Москва, Патріаршіе пруды, д. Вешнякова (Малая Бронная, 36)**, за пересылку не платятъ. За наложеніе платежа съ каждой отправки взимается по 10 к.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce — Paris

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

— Сочиненія Сергѣя Шарапова. —

Съ ноября 1900 г. выходятъ выпусками не менѣе 10 печ. листовъ **безъ предварительной цензуры**. До 1 августа 1901 года будетъ выпущено **девять выпусковъ**, которые составятъ **три тома**.

Главное мѣсто займетъ во всѣхъ выпускахъ

Мой дневникъ

Первые два выпуска уже вышли въ свѣтъ, продаются въ книжныхъ магазинахъ и разосланы подписавшимся.

Содержаніе 1-го выпуска.

Друзьямъ и читателямъ. I. Нѣсколько словъ объ этой формѣ бесѣды. Что требуется отъ публициста? II. Газета и личный дневникъ. Мои отношенія къ цензурѣ. Законъ и „вѣянія“. III. Мы разучились самоуправляться. Жизнь толпы и общественная жизнь. IV. Пародія на самоуправленіе. Династія Поляковыхъ. V. Можетъ-ли сословность быть связующею силой? Чѣмъ долженъ быть приходъ? VI. Гимназія въ деревнѣ. О „царскихъ людяхъ“ и монополіи патріотизма. VII. Дѣвицы Ульрихъ и Грюнбергъ и теорія недостающихъ сантиметровъ. VIII. Князь Мещерскій и Евреи во дворянствѣ. IX. Что такое истинный протекціонизмъ? Былъ-ли онъ когда-нибудь у насъ?

Приложеніе. Молодежь прежде и теперь (Этюдъ). Безъ паспорта за границу (изъ юношескихъ воспоминаній).

Содержаніе 2-го выпуска.

X. Г. В. Бутми, ткварчельскій уголь и русскіе капиталы. (Съ портретомъ Г. В. Бутми и семью видами). XI. Праздныя разсужденія объ алкоголизмѣ. Въ чемъ суть вопроса о народномъ пьянствѣ? XII. Идея Д. А. Пазухина: всеобщее обезпеченіе вмѣсто всеобщей отравы. Осуществима-ли эта мысль? XIII. Обвиненіе меня „Кіевскимъ Словомъ“ въ безуміи. Китайскія звѣрства и звѣрства христіанскія. XIV. Г-жа Андроникова и костромской вице-губернаторъ Извѣковъ.

Приложеніе. По Волгѣ и Каспію (путевые замѣтки) I—VII.

Третій выпускъ печатается.

Подписная цѣна за каждый томъ (3 выпуска) **1 рубль** съ пересылкою, за всѣ 3 тома **3 рубля.**

ТРЕБОВАНІЯ и ДЕНЬГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ

автору, Сергѣю Ѳедоровичу Шарапову, живущему въ Москвѣ, на Патріаршихъ прудахъ, въ домѣ Вешнякова (Малая Бронная, 36), кв. № 2.

При выпискѣ съ наложеннымъ платежомъ плата налагается на первый выпускъ и за переводъ прибавляется 10 коп.

2007051102